

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
**Нижегородского государственного
лингвистического университета**
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 4

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Нижний Новгород

2009

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'25 (060.55)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 251 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор
Г.П. Рябов

Редакционная коллегия:

Е.С.Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В.Плисов (*отв.секретарь*),
В.М.Бухаров, М.А.Грачев, В.Г.Зусман, В.И.Карасик (Волгоград),
К.Ю.Кашлявик, З.И.Кирнозе, Л.П.Крысин (Москва), М.И.Никола
(Москва), О.Г.Оберемко, М.С.Ретунская, Е.П.Савруцкая, Т.Н.Синеокова,
В.В.Сдобников (*отв. секретарь выпуска*), В.М.Строгеецкий, А.А.Сергунин,
С.М.Фомин, А.Н.Шамов, Д.Боксэ (США), Д.Мийе-Жерар (Франция)

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.**

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2009

Federal Agency for Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTIC UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistic University

Issue 4

Linguistics and Cross-Cultural Communication

Nizhny Novgorod

2009

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University. Issue 4.
Linguistics and Cross-Cultural Communication. – Nizhny
Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistic University, 2009. – 251 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

G.Ryabov

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Grachev, V.Zusman, V.Karasik (Volgograd), K.Kashlyavik,
Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov (*Executive Secretary
of the Issue*), V.Strogetsky, A.Sergunin, S. Fomin, A.Shamov, D.Boxer (USA),
D.Millet-Gérard (France)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

И.А. Барина, Н.М. Нестерова (*Пермь*)

Отношение «оригинал/перевод» как один из «вечных» вопросов в теории и практике перевода..... 11

Д.М. Бузаджи (*Москва*)

Переводчик прозрачный и непрозрачный..... 20

А.Б. Кутузов (*Тюмень*)

Методики определения сложности текста в рамках переводческого анализа..... 30

О.В. Петрова (*Нижний Новгород*)

Дайте переводчику словарь!..... 37

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Л.А. Аверкина, А.М. Капитонова (*Нижний Новгород*)

К проблеме перевода газетно-журнальных заголовков..... 47

М.Л. Алексеева (*Екатеринбург*)

Продуктивность использования приема родовидовых замен при передаче русских реалий на немецкий язык..... 57

Т.М. Балыхина (*Москва*)

Наблюдения над современной русской речью: трудности перевода.... 66

Л.М. Борисенкова (*Смоленск*)

Когнитивный диссонанс как переводческая проблема..... 72

Н.Ч. Мирзаханова (*Ижевск*)

Имя собственное в системе безэквивалентной лексики (в аспекте перевода)..... 79

М.А. Орёл (*Москва*)

Перевод с английского на англо-русский, или Кто виноват и что делать?..... 87

Д.Н. Шлепнев, А.Л. Зурабов (*Нижний Новгород*)

Прагматические аспекты юридического перевода: фактор целевой

аудитории, классификация рецепторов..... 98

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Christiane Nord (*Germany*)

Jack of All Trades, Master of None?..... 114

Л.А. Борисова (*Воронеж*)

Из опыта обучения юридическому переводу студентов-лингвистов и студентов-юристов..... 122

А.Н. Злобин (*Саранск*)

К вопросу о концепции переводческой компетенции..... 130

С.И. Михайлова (*Рига*)

Проектная работа и интеграция учебных курсов при подготовке профессиональных переводчиков..... 144

В.В. Сдобников (*Нижний Новгород*)

Переводческие находки vs. переводческие ошибки..... 151

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З.И. Кирнозе, С.М. Фомин (*Нижний Новгород*)

Франсуа Мориак на русском языке..... 156

В.К. Ланчиков (*Москва*)

Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки..... 163

Е.В. Плисов (*Нижний Новгород*)

Песнь Пресвятой Богородицы как богослужебный текст: особенности перевода на немецкий язык..... 173

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.О. Козлова (*Запорожье*)

Архаичная модель мира: аналогия в объективации концептов-антиномий..... 181

Е.В. Сидоров (<i>Москва</i>)	
Опережающее понимание в межкультурной коммуникации.....	190

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Е.А. Балашова (<i>Калуга</i>)	
Типология временных отношений в русской идилии XX века.....	196

А.А. Завьялов (<i>Нижний Новгород</i>)	
Газетно-публицистическое определение как аналитический тип текста	206

Н.Н. Кириллова (<i>Санкт-Петербург</i>)	
Смех как коммуникативное поведение (по произведениям М.Пруста)	216

С.Е. Кузьмина (<i>Нижний Новгород</i>)	
Проявления «обратной» интерференции в речи билингва (на материале русского и английского языков).....	227

Т.В. Матвейчева (<i>Ставрополь</i>)	
Мифологема «дом» как пространственный маркер сказочного мира..	234

Т.Е. Никольская (<i>Москва</i>)	
Имя собственное как средство трансплантации жанра.....	240

CONTENTS

PROBLEMS OF TRANSLATION THEORY

Irina Barinova, Natalia Nesterova (<i>Perm</i>) Relationship between Source Text and Target Text as "Eternal" Problem of Translation Theory and Practice.....	11
Dmitry Buzadzi (<i>Moscow</i>) On the Translator's Transparency.....	20
Andrey Kutuzov (<i>Tumen</i>) Methods of Calculating Complexity of a Text During Translation Analysis	30
Olga Petrova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Compile a dictionary for a translator, please!.....	37

PROBLEMS OF TRANSLATION PRACTICE

Larisa Averkina, Anna Kapitonova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Aspects of Newspaper Headlines Translation.....	47
Maria Alekseyeva (<i>Yekaterinburg</i>) Efficiency of Using Hyperonymic/Hyponymic Technique in the Translation of the Russian Realias into German.....	57
Tatiana Balykhina (<i>Moscow</i>) Watching Modern Russian Speech: Difficulties of Translation.....	66
Larisa Borisenkova (<i>Smolensk</i>) Cognitive Discord as a Translation Problem.....	72
Nelya Mirzakhanova (<i>Izhevsk</i>) Proper Nouns in the System of a Non-equivalent Lexicon.....	79
Maxim Orel (<i>Moscow</i>) Translating from English into Russian English: Causes, Dos and Don'ts..	87
Dmitry Shlepnev, Andrey Zurabov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Pragmatic Aspects of Legal Translation: A Target Group Factor, Classification of Recipients.....	98

PROBLEMS OF TEACHING TRANSLATION

Christiane Nord (<i>Germany</i>) Jack of All Trades, Master of None?.....	114
Lydia Borisova (<i>Voronezh</i>) From the Experience of Teaching Legal Translation to Language Students and Law Students.....	122
Alexander Zlobin (<i>Saransk</i>) About the Concept of a Translator's Competence.....	130
Svetlana Mikhailova (<i>Riga</i>) Project Work and Its Integration into the Curricula of Teaching Professional Translators and Interpreters.....	144
Vadim Sdobnikov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Translation Virtues vs. Translation Vices.....	151

LITERARY TRANSLATION IN THE PAST AND THE PRESENT

Zoya Kirnoze, Sergey Fomin (<i>Nizhny Novgorod</i>) François Mauriac in Russian.....	156
Victor Lanchikov (<i>Moscow</i>) The History of Translation in Russia as an Evolution of the Functional Focus of the Translated Text.....	163
Evgeniy Plisov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Magnificat as a Liturgical Text: Peculiarities of Translating into German.....	173

CRITICAL ISSUES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Tatiana Kozlova (<i>Zaporozhe</i>) Archaic Worldview: Antinomy Concepts and Analogies in their Representation.....	181
Evgeny Sidorov (<i>Moscow</i>) Advance Understanding in Cross-culture Communication.....	190

ISSUES OF LANGUAGE AND SPEECH STUDIES

Elena Balashova (*Kaluga*)

Typology of Temporal Relationships in Russian Idyll of the 20th Century.... 196

Alexander Zaviyalov (*Nizhny Novgorod*)

Newspaper Definition as an Analytical Text Type..... 206

Nina Kirillova (*Saint-Petersburg*)

Laughter as Communicative Behavior in M.Proust's Novels..... 216

Svetlana Kuzmina (*Nizhny Novgorod*)

Manifestations of Reverse Language Interference (featuring examples from the Russian and the English languages)..... 227

Tatiana Matveicheva (*Stavropol*)

Mythologeme "House" as the Extensional Marker of the Fairy Tale..... 234

Tatiana Nikolskaya (*Nizhny Novgorod*)

A Proper Name as a Means of Genre Transplantation..... 240

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

ОТНОШЕНИЕ «ОРИГИНАЛ/ПЕРЕВОД» КАК ОДИН ИЗ «ВЕЧНЫХ» ВОПРОСОВ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

И.А. Барина, Н.М. Нестерова

Пермский государственный технический университет, Пермь

В данной работе говорится об одной из основных проблем теории и практики перевода – проблема интертекстуальных отношений между первичными и вторичными текстами. Суть и сложность этой проблемы была рассмотрена А.Поповичем, который определял перевод как метакоммуникацию, первичный текст как прототекст, а вторичный текст как метатекст. В переводе переводчик проявляет свое отношение к прототексту. Такое отношение может быть положительным или спорным.

Ключевые слова: перевод, первичный текст, коммуникация, метакоммуникация, текст, метатекст, прототекст.

Relationship between Source Text and Target Text as "Eternal" Problem of Translation Theory and Practice Irina Barinova, Natalia Nesterova

The paper deals with one of the key problems of translation studies – the problem of intertextual relationship between source and target texts. The essence and complexity of the problem was considered by A.Popovitch who defined translation as metacommunication, source text as a prototext and target text as a metatext. In translation the translator manifests his/her attitude to the prototext. This attitude may be affirmative or controversial.

Key words: translation, source text, communication, metacommunication, text, metatext, prototext.

Как известно, в теории и практике перевода существуют так называемые «вечные вопросы», их можно считать одновременно и «старыми», и «новыми». К ним относятся переводческая эквивалентность и ее типы, процедура и стратегия перевода, перевод как коммуникативный акт, прагматика перевода, а также такие глобальные понятия, как сущность перевода, переводимость, адекватность перевода. Их «вечность» объясняется ненаблюдаемостью перевода, его неуловимостью, с одной стороны, и отсутствием единого представления о переводе, его онтологии, с другой стороны. В 1956 году английский лингвист Джон Р.Фёрс писал: «Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории и философии. Знаем ли мы,

как мы переводим? Знаем ли мы хотя бы, **что мы переводим?** Если бы мы могли ответить на эти вопросы в строго научных терминах, мы значительно продвинулись бы вперед по пути создания новой всеобъемлющей общей теории языка и базы для философских обобщений» [1. С.35].

Уже не одно поколение тех, кто задумывался об уникальном феномене перевода, пыталось ответить на эти онтологические вопросы. Попытки эти продолжаются и сейчас, приобретая все более и более интенсивный характер. Если говорить о состоянии науки о переводе сегодня, то первое, что нужно отметить, – это изменившийся статус перевода в современном мире и концептуальное изменение в понимании самого феномена перевода. Такое впечатление, что в сегодняшнем представлении о переводе актуализировались все семантические составляющие латинского и греческого слов, означающих перевод. Если взять эти слова и проанализировать их семантику, то мы получим следующую картину. Древнегреческое слово «герменейя» означает перевод, толкование, дар речи, речь. Тогда перевести – это значит изъяснить, выразить, истолковать. Латинское «traduco» (trans+duco) – водить через. Другое латинское слово «interpretis» – толковать, объяснять, переводить, комментировать. Приставка «inter-» – между, посреди. Interpretatio – посредничество. Таким образом, складывается следующая семантическая картина понятия «перевод»: 1) через; 2) водить, возить; 3) толковать; 4) выражать; 5) комментировать; 6) посредничество. Очевидно, что такое емкое понятие не может означать только межъязыковой перевод, последний – это только частный случай перевода как универсальной речемыслительной деятельности. В свое время Р. Якобсон писал: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его **перевод в другой знак**, особенно в такой, в котором, как настойчиво подчеркивал Пирс, <...> «оно более полно развернуто» (выделение наше. – *И.Б. и Н.Н.*) [2. С.17].

Якобсоновское понимание значения языкового знака позволяет считать, что механизм перевода действует во всех видах коммуникации: автокоммуникации, внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической, перевод может быть как интракультурным, так и интеркультурным. Такое «расширенное» понимание перевода нашло отражение в определении, которое дает ему философ и переводчик В.В.Бибихин: «Можно определить перевод как одно из проявлений человеческой способности, а именно способности к словесному (в некоторых случаях не обязательно словесному) выражению. Другими словами, **перевод в наиболее общем смысле есть явление человеческого языка, а не человеческого разноязычия** (выделение нашею – *И.Б. и Н.Н.*) [3. С. 220].

Кроме расширения самого понятия «перевод» сегодня происходит и переосмысление многих вопросов, связанных с пониманием сущности этого сложного феномена. Перевод был осознан как точка пересечения практически всех проблем, как лингвистических, так и философских, культурологических, литературоведческих.

Многогранность перевода как явления языка, литературы, культуры и привела к тому, что перевод превратился из маргинального объекта лингвистических исследований в один из центральных вопросов гуманитарных наук в целом. Количество людей, попавших в «сети восхищения» переводом, значительно увеличилось, и они увидели новые горизонты в изучении этого притягательного своей сложностью и загадочностью феномена. Началось новое осмысление и переосмысление перевода уже в современном его понимании. Сегодня переосмысливаются такие дихотомии, как автор/переводчик, первичность/вторичность текстов оригинала и перевода. Переопределяются и основные понятия старой парадигмы – эквивалентность и точность (верность) перевода. Seriously рассматривается проблема «видимости / невидимости» переводчика (L. Venuti). Остро обсуждается вопрос об ориентации процесса перевода, о так называемых «points of orientation» (G. Toury). Перевод стал рассматриваться больше как культурный, нежели чисто языковой феномен (A. Lefevere, S. Bassnett), возникло и философское направление, точнее, направления. Это прежде всего герменевтическое и деконструктивистское.

Если попытаться вычленив базовые положения современного переводоведения и тенденции их развития, то картина будет следующая:

1) Два подхода – лингвистический и культурологический, которые существовали изолированно друг от друга, стали сближаться, что, бесспорно, связано с пересмотром отношений язык/культура. Общей платформой стала семиотика, позволяющая посмотреть на перевод как процесс бесконечного семиозиса.

2) Интерес к истории¹, поиск «философских корней» проблем перевода в далеком и не очень далеком прошлом вызвал вопрос о периодизации в изучении перевода. Знакомство с прошлым перевода делает возможным по-новому оценить роль перевода в истории цивилизации.

3) Роль переводчика как соавтора (co-writer) или даже автора (creative writer) в жизни текста нашла выражение в появлении такого

1 Характерно появление таких фундаментальных антологий, как например, «Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche» (ed. D. Robinson), «Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida» (ed. R. Schulte and J. Biguenet) и уже упоминавшейся «The Translation Studies Reader».

вопроса, как «видимость/невидимость» (visibility/invisibility) переводчика.

4) Переоценка отношений в паре оригинал/перевод приводит к «десакрализации» оригинала и его автора и, наоборот, к повышению статуса текста перевода.

5) Поиск различий между оригиналом и переводом с целью оценить качество перевода заменяется поиском причин, вызвавших эти различия. В центре внимания оказывается та проблема, которую Р. Якобсон назвал «кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики», а именно: «эквивалентность при существовании различия» [4. С.18]. Причины таких различий ищутся не только в языках, но и в «концептуальных и текстовых решетках» (conceptual and textual grids) (A. Lefevere).

6) Понимание перевода как текста, зависящего от оригинала, сменяется представлением о переводе как «новой жизни» оригинала («the after-life of a text»). Появляется понятие «межъязыкового пространства», в которое и выходит перевод.

Такое множество и «пестрота» вопросов и концепций не может не тревожить тех теоретиков, которые ищут возможности создания некой обобщающей теории перевода. Заостренно-полемическую точку зрения на современное состояние науки о переводе излагает известный отечественный исследователь перевода М.Я. Цвиллинг в статье под названием «Исчерпала ли теория перевода свои возможности?». Исследователь сравнивает путь, пройденный теорией перевода, с исканиями спелеологической экспедиции, обследующей огромную пещеру. «Сначала, – пишет ученый, – они (спелеологи – *И.Б. и Н.Н.*) как бы ощупью продвигаются по узкому проходу, предчувствуя скорый выход в просторный подземный зал, однако вместо этого оказываются перед множеством разветвляющихся ходов, образующих целый лабиринт. Можно сказать, что теория перевода столкнулась с парадоксальной ситуацией: чем больше она узнает о своем предмете, тем труднее свести это знание в единую систему, тем менее достоверными и тем более относительными становятся ее утверждения». В результате, как считает Цвиллинг, исследователь перевода «покидает сферу позитивных наук и вступает в царство философского (а может быть и религиозного?) умозрения». Сама же теория перерастает «в междисциплинарную отрасль науки с явно выраженной многомерной структурой, сходной со знаменитой "игрой в бисер" из одноименного романа Германа Гессе». Исходя из такого видения современного переводоведения, ученый видит цель науки в выработке некой метатеории, которая свела бы воедино все то множество различных представлений о переводе и заложила бы основы для формирования по-настоящему новой продуктивной парадигмы, «способной послужить

прочным основанием для дальнейшего успешного продвижения нашей науки как равноправной и авторитетной дисциплины в общем потоке **самопознания человечества**» (выделение наше. – И.Б. и Н.Н.) [5. С.49-50].

Отсутствие единого подхода к пониманию и исследованию перевода подчеркивает и S.Bassnett, когда говорит о современном переводоведении. Ее слова представляют сжатую и, как нам кажется, точную характеристику науки о переводе сегодня: «The common threads that link the many diverse ways in which translation has been studied over the past two decades are an emphasis on diversity, a rejection of the old terminology of translation as faithlessness and betrayal of an original, the foregrounding of the manipulative powers of translator and a view of translation as bridge-building across the space between source and target. This celebration of in-betweenness, which scholars from outside the field of translation have also stressed, reflects the changing nature of the world» [6. С.10]².

Однако в отличие от М.Я. Цвиллинга, Bassnett считает, что в современном переводоведении можно найти те нити (threads), которые связывают науку о переводе в нечто цельное при всем многообразии исследовательских направлений. Одной из таких нитей, на наш взгляд, является та, что связывает оригинал и перевод.

Первыми, кто межтекстовые отношения оригинала и перевода определил как научную проблему, были представители переводоведческой школы бывшей Чехословакии – И.Левый, Ф.Мико и А.Попович (60-70 гг. XX века). Работы И.Левого («Искусство перевода», «Перевод как принятие решения»), а позднее труд А.Поповича, посвященный проблемам художественного перевода, – это масштабные исследования, выросшие из идей чешских структуралистов, в частности Яна Мукаржовского, одного из самых признанных классиков эстетической мысли прошлого столетия. Я.Мукаржовский в своей работе «Искусство как семиологический факт» (1934), определяя специфику художественного произведения, отмечает его «непередаваемость», хотя оно и «предназначено для того, чтобы посредничать между его творцом и коллективом». В частности, он пишет: «Произведение – это еще и "вещь", представляющая его в чувственном мире и доступная восприятию всех без каких бы то ни

2 «Нитями, связывающими множество разнообразных направлений, в рамках которых исследуется перевод в течение последних двух десятилетий, являются признание множественности подходов, отказ от рассмотрения перевода в старых терминах «верности» оригиналу и его «предательства», выход на передний план переводчика и признание его манипулятивной власти, а также понимание перевода как возведения моста через пространство, разделяющее исходную и принимающую среду. Признание перевода как «in-betweenness» учеными не из мира переводоведов отражает меняющуюся природу нашего мира».

было ограничений. Но художественное произведение не может точно так же быть сведено и к этому произведению-вещи, поскольку в результате перемещения во времени и пространстве такое произведение-вещь порой полностью изменяет свой вид и свою внутреннюю структуру. <...> Такие изменения становятся осязаемыми, например, если мы сравниваем между собой ряд следовавших друг за другом переводов одного и того же поэтического произведения [7. С.191].

Опираясь на концепцию литературной коммуникации, к формированию которой привели как раз идеи Я. Мукаржовского об изменчивости и живости литературного факта как знаковой деятельности, чешские теоретики перевода и начали разрабатывать методы системного исследования художественного перевода, обращая особое внимание на отношения оригинала и перевода, автора и переводчика. Так, в частности, А. Попович пытается ответить на следующие вопросы: «Является ли перевод специфическим текстом по отношению к другим литературным текстам? Если "да", то в чем его специфичность? Особое ли у него положение среди остальных текстов или он представляет собой самостоятельный "литературный жанр"?» [8. С.24].

Отвечает он на данные вопросы в «мета-» терминах, выстраивая целую систему метафеноменов: метакоммуникативный аспект, метакоммуникативный контекст перевода, метакоммуникация, метаязыковая деятельность, метахудожественная деятельность переводчика, металитература, метатекст. Свою задачу он видит в том, чтобы «выработать типологию различных способов связи между текстами». Для этого он делит все тексты на прототексты и метатексты. Метатекст – это «модель прототекста, продукт связи, способ существования межтекстового инварианта между двумя текстами» [8. С.184].

Типология метатекстов, которую предлагает чешский исследователь, ориентирована именно на определение места текста перевода среди других метатекстов, которые появляются в результате манипуляции с прототекстом. Рассматривая возможные виды манипуляции с текстом, в том числе манипуляции, осуществляемые самим автором, литературным критиком, читателем и пр., А.Попович отмечает, что «ни одна коммуникативная манипуляция с литературным текстом не зависит настолько от существования и особенностей оригинала, как перевод», поскольку «из всех способов реализации художественного текста перевод наиболее способствует продолжению "жизни" первоначального коммуниката». Отсюда и задача переводчика – «перенести оригинальное произведение в другую литературу и добиться того, чтобы оно при этом как можно меньше утратило своих общих, особенных и индивидуальных черт» [8. С.147].

Для создания типологии метатекстов вводится понятие межтекстового инварианта, которым обозначается то, что объединяет два текста – прототекст и метатекст. Межтекстовый инвариант различен у различных метатекстов. Он может быть шкалирован от моделей, максимально близких прототексту (копия), до моделей, близость которых к прототекстам является минимальной (пародия). Перевод как метатекст находится где-то посередине между этими крайними точками, между крайними способами соотношения текстов.

Связь одного текста с другим – это **аксиологическая** операция, в которой проявляется авторская позиция по отношению к прототексту. Она может быть положительной или негативной. Для иллюстрации данных позиций Попович использует «верный» перевод (положительное отношение) и «свободный перевод» с преобладанием в нем деструктивного элемента (негативное, полемическое отношение). Соответственно этим отношениям метатексты делятся на **аффирмативные** и **контроверзные**. Перевод должен быть аффирмативным текстом, т.к. в нем реализуется аффирмативное отношение к первоисточнику, свидетельствующее о зависимости перевода от оригинала. «Суммарно текст перевода в его первичной функции – в отношении к оригиналу – можно характеризовать как репрезентативную модель аффирмативной связи одного текста с другим» [8. С.158].

Другие категории метатекстов, выделяемые Поповичем, – это контроверзные (пример – пародия), квазиметатексты (оригинальное произведение выдается за перевод или произведение другого автора), читательские метатексты («проекция читательских установок в образной структуре перевода») и т.д. Переводческую деятельность Попович определяет как «метахудожественную», как **«вторичное, производное литературное творчество, непосредственный импульс которого – уже существующее произведение»** [8. С.158.]. Связывают два текста в случае перевода аффирмативные отношения, и даже больше, если поверить Ж.Деррида: в основе феномена перевода лежит любовь – «Сильная форма желанья, интереса и даже очарования».

Однако, как мы все знаем, и аффирмативные отношения, связывающие оригинал и перевод могут быть разными. Отличаются эти отношения тем, насколько «свободно» манипулирует переводчик текстом оригинала. История перевода предлагает множество примеров, позволяющих увидеть «манипулятивную власть» переводчика как автора нового текста или, в терминологии А.Поповича, метатекста. Есть переводчики, которые выбирают путь «служения» автору и его тексту. Этот тот путь, который В.Набоков назвал «servile path». А есть переводчики, которые демонстрируют иную позицию по отношению к оригиналу, т.е. к прототексту. Они идут по пути «переосмысления» последнего, в какой-то степени, даже «разрушая» его, но это не означает

«негативного» отношения к нему. Это та вариативность в отношениях автор переводчик, оригинал перевод, которая вписывается в ту самую «золотую середину», куда помещал А.Попович перевод, предлагая шкалу метатекстов. В истории отечественного перевода классическим примером таких различных позиций по отношению к оригиналу являются позиции М.Лозинского и Б.Пастернака. Хорошо известна характеристика (мы ее уже приводили в докладе на конференции 2007 года), которую дал сам Пастернак своему переводу и переводу Лозинского. Так, о своем переводе он говорил: «Работу мою надо судить как русское **оригинальное** драматическое произведение, потому что, помимо точности, равнострочности с подлинником и прочего, в ней больше всего той **намеренной свободы**, без которой не бывает приближения к большим вещам». В то время как перевод Лозинского он оценивал совершенно иначе: «В смысле близости в соединении с хорошим языком и строгой формой идеален перевод Лозинского. Это и театральный текст, и книга для чтения, но больше всего это единственное пособие для изучающего, не знающего по-английски, потому что полнее других дает понятие о внешнем виде подлинника и его словесном составе, являясь их **послушным изображением**» (Выделение наше. — *И.Б. и Н.Н.*). Благодаря такому различному отношению переводчиков, мы имеем две различные, но, можно сказать, «равновеликие» русские версии шекспировского текста. И совершенно очевидно, что обе они связаны со своим прототекстом «сильной формой желанья, интереса и даже очарования», т.е. аффирмативной связью. Если рассматривать оба названных перевода в совокупности, то можно сказать, что в них актуализировались значения как греческого, так и латинского терминов.

Библиографический список

1. Фёрс Д.Р. Лингвистический анализ и перевод / Д.Р.Фёрс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978.
2. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р.Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978.
3. Биbihин В.В. К проблеме определения сущности перевода / В.В.Биbihин // Слово и событие. – М.: УРСС, 2001.
4. Якобсон Р. Указ. соч.
5. Цвиллинг М.Я. Исчерпала ли теория перевода свои возможности? / М.Я.Цвиллинг // Вопросы филологии. – 2002. – № 1.
6. Bassnett S. Translation Studies / S.Bassnett. – London and New York, 2002.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства /

- Я.Мукаржовский. – М.: Искусство, 1994.
8. Попович А. Проблемы художественного перевода / А.Попович. – М.: Высш. шк., 1980.
 9. Зарубежная литература в переводах Б.Л.Пастернака. – М.: Радуга, 1990.

Сведения об авторах

Баринова Ирина Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного технического университета
e-mail: barin@perm.ru

Нестерова Наталья Михайловна
доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурной коммуникации
Пермского государственного технического университета
e-mail: nest-nat@yandex.ru

ПЕРЕВОДЧИК ПРОЗРАЧНЫЙ И НЕПРОЗРАЧНЫЙ

Д.М. Бузаджи

Московский государственный лингвистический университет, Москва

В статье ставится вопрос о том, могут ли или должны ли личные предпочтения переводчика влиять на переведенный текст. Данный аспект затронут для определения прозрачности переводчика, т.е. для определения стратегии устранения любого видимого личного вмешательства. Автор данной статьи пытается опровергнуть ряд ошибочных представлений, обычно ассоциирующихся с концепцией прозрачности, и показывает, что перевод, сделанный по-настоящему прозрачным переводчиком, требует большого мастерства и творчества, и он не обязательно будет скучным, а также пытается предоставить читателям не меньше возможных трактовок, чем сам оригинал. Ключевые слова: невидимость переводчика, прозрачность, роль переводчика.

On the Translator's Transparency Dmitry Buzadzi

The article addresses the question of whether the translator's personal agenda may or should influence the translated text. The case is made for the translator's transparency, i.e. the strategy of eliminating any conspicuous personal interference. The article attempts to refute a number of misconceptions commonly associated with the concept of transparency and show that a translation done by a truly transparent translator requires great skill and creativity, is not necessarily bland and strives to provide readers with as many possible interpretations as the original.

Key words: the translator's invisibility, transparency, the role of the translator.

Вопрос о роли переводчика в переводческом процессе, о воздействии его личности на текст перевода традиционно привлекает к себе большое внимание и вызывает массу споров. Можно сказать, что в отечественной теории и практике перевода второй половины XX в. утвердился взгляд на переводчика как, по выражению Гоголя, на «прозрачное стекло»: чем меньше в тексте перевода от переводчика и чем больше от оригинала, тем лучше переводчик выполнил свою работу. Казалось бы, такая трактовка роли переводчика настолько логична, что не требует дальнейшей корректировки. В таком случае задача общей и частной теории перевода заключалась бы в том, чтобы, все точнее описывая закономерности перевода в целом и в рамках конкретных языковых пар в частности, помогать переводчику становиться «незаметнее», т.е. принимать переводческие решения на основе как можно более объективных принципов.

Однако постулат о том, что идеальный переводчик – «прозрачное стекло», разделяют далеко не все переводоведы. Так, известный американский теоретик перевода Д.Робинсон пишет: «Переводчик – отнюдь не нейтральная, беспристрастная переводческая машина, и ни превращать его в такую машину, ни принуждать его видеть себя в такой роли ни в коем случае нельзя. Личный опыт переводчика – его чувства, взгляды, мотивации, ассоциации – не только допустимый, но и необходимый элемент действенного текста перевода (перевод мой. – Д.Б.)» [1. С.535]. В другой работе того же автора говорится о том, что переводческая традиция заставляет переводчика идти на многочисленные жертвы: «Вспомнить хотя бы о яростных нападках на «дословные» и «вольные» переводы или о том, что хорошие переводчики вынуждены отказывать себе в удовольствии держаться «слишком» близко к оригиналу, с любовью воспроизводить его контуры языком перевода, переводить слово в слово или же, напротив, в удовольствии «слишком» смело устремляться в противоположном направлении, разрывать обусловленные идеологией связи со смыслом оригинала, переводить вольно (перевод мой. – Д.Б.)» [2. С.536-537].

Во второй цитате стоит отметить слово «идеология». Вообще, складывается впечатление, что у западных переводоведов, выступающих в защиту «непрозрачности» переводчика, идеологические аргументы зачастую превалируют над лингвистическими. Так, Л.Венути утверждает: «В основе невидимости переводчика лежит торговый дисбаланс, из-за которого... иностранные тексты переводятся на английский редко и подвергаются одомашнивающей переделке, в результате чего культурный капитал иностранных ценностей в английском языке снижается. Невидимость переводчика свидетельствует о господствующем в Великобритании и Америке чувстве культурного превосходства, чувстве, которое приводит – без особого преувеличения – к империализму во внешней политике и ксенофобии во внутренней (перевод мой. – Д.Б.)» [3. С.13].

Если последовать популярной сегодня в гуманитарной среде тенденции релятивизма, маскирующегося под объективность, достаточно было бы привести аргументы как за, так и против переводческой «прозрачности» и считать на этом вопрос закрытым. Однако переводчик-практик, особенно если ему приходится преподавать перевод, не может быть «видимым» и «невидимым» одновременно, а значит, выбрать одну установку из двух все-таки необходимо. Но, прежде чем приступить к их непосредственному сопоставлению, хотелось бы обсудить ряд спорных или откровенно некорректных положений, вытекающих из дихотомии «прозрачность-непрозрачность».

1. Говоря о прозрачности переводчика, мы отнюдь не имеем в виду, что его личность в переводе никоим образом не проявляется. Уже тот

факт, что переводчик раз за разом выбирает некий вариант из множества возможных и что разные переводчики никогда не переведут более или менее длинный текст полностью одинаково, свидетельствует о том, что в переводе всегда так или иначе отражается его создатель. Однако характер этого отражения может быть очень разным. Если переводчик стоит на позициях прозрачности, каждый его выбор в первую очередь определяется объективными факторами (словарное значение, узус, функция в тексте, стилистическая характеристика оригинала и т. д.). Таким образом, все привнесенное в текст перевода «от себя» имеет случайный, не поддающийся рационализации характер. Дополнительная информация, обусловленная не характером оригинала, а личностью переводчика, в таком случае сливается в фоновый «информационный шум», который – если судить по строжайшим меркам – отчасти искажает оригинал, но не мешает тексту перевода служить его достоверным воспроизведением. Так характерный треск и шум, которым сопровождается проигрывание грампластинок или аудиокассет, не дает оснований говорить, что записанная на них музыка не та, что звучала в концертном зале или на студии.

Если же воздействие переводчика на оригинал осуществляется осознанно и имеет тенденциозный характер, то речь будет идти не о «фоновом шуме», а, продолжая аналогию с музыкой, изменению аранжировки, тональности, а то и самой мелодии оригинала. Таким образом, оправдывать намеренное вмешательство переводчика в оригинал тем, что полностью исключить свое воздействие он все равно не сможет, – прием некорректный.

2. В работах некоторых теоретиков часто – явно или косвенно – проходит мысль о том, что прозрачность переводчика ведет к гладкописи: если переводчик незаметен, значит, текст перевода всегда и во всем нормативен, удобочитаем и, как следствие, далек от духа оригинала. Б.Хатим, обобщая взгляды на проблему невидимости переводчика, пишет: «Подходы, согласно которым переводчик должен оставаться невидимым, подвергаются критике за то, что в них постулируется приоритет таких ценностей, как удобочитаемость, и проводится мысль о том, что перевод – это на самом деле не перевод, а «оригинал» (или возможный вариант оригинала)... [сторонники этих подходов] обычно понимают перевод как беспрепятственный процесс коммуникации, а лучшими переводчиками считают тех, кто лучше всего передает “смысл” (перевод мой. – Д.Б.)».

Однако очевидно, что смешивать понятия «прозрачность/невидимость» и «гладкопись» можно только по большому недоразумению. Если переводчик действительно «прозрачен», гладким в его переводе окажется только то, что было гладким в оригинале. То, что в оригинале было новаторским, противоречащим традиции, индивидуально авторским, квалифицированный переводчик, стоящий на позициях

прозрачности, постарается воспроизвести в переводе столь же оригинальными, «шероховатыми» средствами. Гладкопись, установка на естественность во что бы то ни стало – это такое же (хотя и менее заметное) проявление переводческой непрозрачности, как и другая крайность – установка на странность и неестественность вне зависимости от того, была ли она предусмотрена автором оригинала.

3. Как свидетельствуют некоторые из вышеприведенных цитат, критики прозрачности приписывают своим оппонентам желание превратить переводчика в бездушную машину. Прозрачность понимается как отказ от творчества, работа строго по шаблону. Безусловно, это так, если речь идет о переводе, сглаживающем все особенности оригинала и выдающем на выходе усреднено-банальный текст. Однако подлинная прозрачность требует от переводчика максимального напряжения творческих сил. Перевести текст так, чтобы не заслонить собой автора, – задача сродни той, которую решают художники-реставраторы. Чтобы картина после реставрации оставалась произведением своего первоначального создателя, а не являла собой отпечаток художественных предпочтений реставратора Иванова, реставратор Иванов должен совершить титанический труд. Таким образом, если смотреть на вещи объективно, шаблонный, нетворческий труд переводчика приводит как раз к непрозрачности.

Конечно, блестящие находки прозрачного переводчика оценить в полной мере могут только специалисты (или, по крайней мере, люди, владеющие как языком перевода, так и языком подлинника), и привлечь к себе внимание гораздо проще, если переводить непрозрачно. Но вопрос о том, как переводчику быстрее добиться известности, в сферу интересов переводоведения входить не должен.

4. В работах некоторых исследователей вопрос о роли, заметности переводчика трактуется в связи с качествами читательской аудитории и читательскими ожиданиями. Характерен следующий пассаж из довольно часто цитируемой статьи Э.Маркштайн: «Потребитель наших художественных переводов стал квалифицированнее, даже рафинированнее. Расширившийся горизонт читательских ожиданий делает его более восприимчивым ко всякого рода новшествам. И конечно, сама литература как объект перевода... обеспечивает нам готовность читателя участвовать в переводческом эксперименте, иначе – в реализации текста. А в нашем случае этого можно достичь, только если не скрывать от него, что перевод – это перевод» [5].

Если проанализировать это высказывание (а подобная мысль содержится и в приведенной выше цитате из Б.Хатима и у других авторов), можно заметить одно любопытное противоречие. Тогда как прозрачному переводчику приписывается стремление представлять свой перевод как оригинал, переводчик непрозрачный («постмодернистский», по

терминологии Э.Маркштайн) напрямую показывает, что его текст является переводом. Однако справедливость такого мнения вызывает вопросы.

Прозрачный переводчик – фигура для рядового читателя малозаметная. Его имя указывается мелким шрифтом в ряду другой технической информации об издании, но главное – прозрачный переводчик не стремится к соавторству. Единственная задача такого переводчика – донести до читателя текст иноязычного автора в наиболее чистом виде, как можно меньше прибавив или убавив. И если бы такое стремление было, как считает Э.Маркштайн, фикцией, то мы жили бы в совершенно ином мире, где любой текст – включая договоры, инструкции по эксплуатации, художественную прозу и поэзию и, в том числе, статьи переводоведов-постмодернистов – приобретал бы в переводе совершенно непредсказуемые качества и не обеспечивал бы межкультурной коммуникации. И если согласиться с тем, что прозрачный переводчик представляет свой текст как оригинал, то необходимо сделать важнейшую оговорку: это оригинал, принадлежащий перу иноязычного автора.

С другой стороны, переводчик, придерживающийся линии непрозрачности, неизбежно претендует на статус соавтора. Открыто представляя свою работу как «переводческий эксперимент», он вынуждает читателя воспринимать переводной текст как совместное творчество автора X (который никаких переводческих экспериментов не проводил) и переводчика Y. Таким образом, нарочито переводной текст непрозрачного переводчика становится на самом деле новым оригинальным произведением, созданным на основе иноязычного подлинника.

Чтобы убедиться в том, что никакого парадокса здесь нет, достаточно провести аналогию с устным переводом. Как известно, профессиональный устный переводчик, переводя фразу, сказанную от первого лица, также использует первое лицо, а выражения вроде: «Он сказал, что...» выдают непрофессионала, не знакомого с техникой устного перевода. Если разобраться, логика таких требований к оформлению устного перевода вполне очевидна. Употребляя первое лицо, переводчик выдает свой текст за оригинал, но при этом сам является «невидимым»: у двух человек, общающихся через переводчика, создается ощущение того, что они ведут диалог напрямую. Однако, передавая слова говорящих от третьего лица, т.е. нарочито показывая, что текст перевода не тождественен оригиналу, переводчик вмешивается в диалог как активный интерпретатор. Зачастую от того, какой подход изберет устный переводчик, зависит и экстралингвистическое поведение беседующих. В первом случае они, как правило, при разговоре обращаются непосредственно друг у другу и строят свои высказывания так, как если бы собеседник говорил с ними на одном языке. Во втором случае обе стороны смотрят в основном на переводчика и формулируют свой текст как предназначенный для передачи через третье лицо (маркерами этого могут

служить фразы вроде: «Скажите ему, что...»). Определить, какой из этих двух подходов обеспечивает наиболее полноценное общение отправителя и получателя текстов, на наш взгляд, не составляет труда.

5. Сторонники заметной роли переводчика часто указывают на то, что любой перевод представляет собой лишь одну из возможных интерпретаций оригинала и, следовательно, переводчик может не бояться своей интерпретационной функции, а смело ее на себя возлагать.

Для иллюстрации спорного характера этого утверждения приведем пример переводческого анализа из книги Т.А.Казаковой «Художественный перевод: в поисках истины». Комментируя выполненный А.Блоком перевод двух строк из стихотворения Г.Гейне «Лорелея»: «В вечерних лучах алеют / Вершины дальних гор»³, автор ссылается на мнение В.Левика, который не согласен с вариантом «дальних гор», так как «на Рейне никаких дальних гор нет», а речь идет о конкретном утесе, возвышающемся над другими скалами [6. С.62]. Однако далее Т.А.Казакова указывает на то, что в словаре Блока слово «дальний» не столько обозначает дистанцию, сколько является признаком вымышленного мира, и приходит к следующему заключению: «...*Дальние* горы Блока означают вовсе не конкретный ландшафт на Рейне, а являются выражением категории романтического вымысла, символа «нездешнего мира»... То, что для Левика является реальной скалой Лорелеи, в тексте Блока преобразуется в признак легенды, «страшного» мира волшебницы Лорелей, что, в принципе, не противоречит условиям романтической легенды Гейне, хотя могло бы противоречить, например, запискам путешественника, который описывает “прибрежье Рейна”» [6. С.63].

В данном случае мы действительно имеем дело с одной из возможных, и довольно субъективных, интерпретаций оригинала, причем понять ее русскоязычный читатель может только в том случае, если он знаком с идиостилем переводчика. Можно ли сказать, что позиция Блока имеет такое же право на жизнь, как позиция Левика⁴? Нам представляется, что нет. Если бы переводчик не ввел в текст субъективно-романтический компонент («дальние горы» вместо одной конкретной скалы), т.е. проявил бы больше прозрачности, он отнюдь не увел бы читателя перевода в сторону «записок путешественника», а открыл бы перед ним такое же (или почти такое же) разнообразие интерпретаций, какое есть у читателя оригинала. В этом случае читатель перевода сам смог бы выбрать: толковать ли описание как исключительно романтическую картину или воспринимать легенду на фоне реалистичного рейнского ландшафта.

Непрозрачный переводчик, берущий на себя роль интерпретатора, зачастую лишает читателя перевода интерпретационной свободы, которую

³ Немецкий оригинал: «Der Gipfel des Berges funkelt / Im Abendsonnenschein». Дословный перевод: «Вершина горы искрится / В лучах вечернего солнца».

⁴ В его переводе эти строки звучат так: «Лишь на одной вершине / Еще пылает закат».

прозрачный переводчик в большей или меньшей степени способен, как правило, сохранить. В этой связи уместно процитировать В.С.Модестова, который отмечает: «Цель переводчика – свести к минимуму свое субъективное вмешательство в текст и максимально приблизиться к объективному смыслу переводимого им произведения... В отличие от обычного читателя, который, как правило, интуитивно определяет свое отношение к произведению и его персонажам, переводчик должен делать это обдуманно. От его интерпретационной позиции зависят мнение и суждение читателя об авторе подлинника; акт этот важный и очень ответственный перед автором оригинала и перед читателями» [7. С.59, 63].

Таким образом, мы вынуждены по-другому взглянуть на приводившееся выше мнение о том, что «новый» перевод, перевод-эксперимент, рассчитан на более «квалифицированного» и «рафинированного» читателя. Вряд ли по-настоящему квалифицированный читатель согласится с тем, чтобы переводчик откровенно навязывал ему свое видение оригинала, даже если оно идет вразрез с авторской идейной позицией, художественными методами, идиостилем и т. д. И неслучайно защитники интерпретационной свободы переводчика в большинстве случаев черпают примеры из переводов поэзии. С одной стороны, перевод поэтических произведений – это та область письменного перевода, научно описать которую, пожалуй, труднее всего (хотя и вполне возможно). Доказать наличие в ней объективных закономерностей и критериев еще труднее, чем в области прозаического перевода. С другой стороны, многие поэтические произведения весьма коротки, поэтому – если учесть неизменную «престижность» поэтического перевода – количество переводов одного и того же стихотворения может быть велико. Однако абсолютное большинство переводных текстов – от технической документации до романов – переводятся, по крайней мере в течение относительно ограниченных отрезков времени, только один раз, поэтому на практике читатели имеют дело не с богатым выбором разнообразных переводческих интерпретаций одного и того же произведения, а с одной интерпретацией, которая и представляет текст оригинала в культуре языка перевода.

С учетом всего вышесказанного, нам представляется, что серьезных научно и практически обоснованных причин отстаивать непрозрачность переводчика нет. Однако наблюдаемая популярность этой позиции вполне объяснима. Ниже мы перечислим некоторые факторы, которые, на наш взгляд, обуславливают жизнеспособность концепций непрозрачного переводчика:

1. Сохранять при переводе прозрачность труднее, чем не сохранять. Чтобы добиться прозрачности, переводчик должен обладать обширными знаниями из области общей и частной теории перевода; должен знать и уметь выявлять нюансы узуса иностранного языка и постоянно работать

над совершенствованием своего владения родным языком; должен пополнять свой словарный запас и развивать чувство языка; должен иметь представление об особенностях исходного и переводящего языков в разные эпохи, в разных регистрах, сферах коммуникации и т.д. Проявить же непрозрачность переводчик способен и не обладая этими знаниями и умениями. Безусловно, мы не станем утверждать, что переводческая непрозрачность – всегда следствие низкой квалификации переводчика. Однако отличить непрозрачность принципиальную от непрозрачности вынужденной не всегда возможно.

2. Непрозрачный переводчик заметнее прозрачного. Очевидно, что переводчик, намеренно отражающий в переводах свои стилистические предпочтения, свою идеологию, вкусы, имеет гораздо больше шансов добиться известности. Однако задача добиться известности никоим образом не входит в число обязанностей переводчика и не имеет никакого отношения к переводоведению. Перевод, как и любое другое ремесло (которое мы определим как творческую деятельность, осуществляемую в практических целях), ориентирован на практический результат, обеспечиваемый в интересах заказчика/потребителя, а не на самовыражение исполнителя. Однако, по нашим наблюдениям, перевод часто воспринимается как разновидность литературного искусства, которая облегчает не наделенному литературным талантом человеку путь к писательской славе.

3. Недостаточно развитый языковой вкус читательской аудитории. В отличие от Э.Маркштайн мы полагаем, что популярности «постмодернистского» перевода способствует не высокий, а, наоборот, низкий уровень литературной культуры, который наблюдается у части читателей. Недостаток стилистического чутья (охотно соглашаясь со стилистическими экспериментами переводчика-интерпретатора, «читатель новой формации», как правило, не прощает даже незначительных «экспериментов» с фактическим смыслом текста), отчасти обусловленный упадком лингвистической культуры в СМИ и низким качеством переводов художественной литературы и кинофильмов, приводит к тому, что читатель не воспринимает или неверно воспринимает особенности функциональных стилей и жанров, экспрессивных и образно-выразительных языковых средств, продуктивных грамматических и словообразовательных моделей и т.д. В результате переводы, созданные с соблюдением принципа прозрачности, зачастую представляются такому читателю слишком гладкими, пресными и маловыразительными. При этом ожидание от перевода яркой выразительности иногда основывается только на том, что читатель, не владея в достаточной мере исходным языком, усмотрел такую выразительность во вполне традиционно написанном тексте оригинала.

Безусловно, концепции прозрачности и непрозрачности предопределяют разные направления развития теории перевода. Если идти по пути прозрачности, теория перевода должна стремиться к наиболее полному описанию процесса перевода и факторов, на него влияющих, к по возможности наиболее точному определению адекватности перевода и описанию переводческих ошибок, к выработке все более полных и конкретных рекомендаций переводчикам, работающих с той или иной парой языков и с тем или иным типом текстов. Это путь трудный, но он способен обеспечить реальный прогресс в переводоведении.

Концепция переводческой непрозрачности, на наш взгляд, приведет к тому, что переводоведение все дальше будет отходить от собственно переводоведческих и лингвистических проблем в такие области, как литературоведение, культурология, психология, политика, социология религия и философия. При этом практический аспект переводческой деятельности будет учитываться все меньше, а личность переводчика будет играть все более заметную роль. В результате можно ожидать постепенного отказа от выработки конкретных рекомендаций и установку на чистый дескриптивизм и релятивизм. Этот путь представляется нам гораздо легче первого, он значительно расширяет сферу интересов переводоведения и создает условия для возникновения многочисленных новых концепций и теорий, однако, на наш взгляд, в этом случае перевод из вторичного коммуникативного акта превратится в разновидность самостоятельного творчества, а подлинный, дающий практические результаты прогресс в переводоведении будет заменен простым увеличением разнообразия.

Библиографический список

1. Robinson D. The Translator's Turn / D.Robinson // цит. по Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by Daniel Weissbort and Astradur Eysteinnsson. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
2. Robinson D. 'The Ascetic Foundations of Western Translatology: Jerome and Augustine' in Translation and Literature, I / D.Robinson // цит. по Translation – Theory and Practice: a Historical Reader / ed. by Daniel Weissbort and Astradur Eysteinnsson. – Oxford: Oxford University Press, 2006.
3. Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation / L.Venuti. – Abingdon, New York: Routledge, 2008.
4. Hatim B. Teaching and Researching Translation / B.Hatim. – Harlow: Pearson Education Limited, 2001.
5. Маркштайн Э. Постмодернистская концепция перевода (с вопросительным знаком или без него) / Э.Маркштайн // Иностранная

литература - №9. – 1996. // цит. по
<http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/mark.html>.

6. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины / Т.А.Казакова. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006.
7. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика / В.С.Модестов. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М.Горького, 2006.

Сведения об авторе

Бузаджи Дмитрий Михайлович

кандидат филологических наук,

зав. кафедрой перевода английского языка МГЛУ

e-mail: dmitri.bouzadji@mail.ru

МЕТОДИКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛОЖНОСТИ ТЕКСТА В РАМКАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А.Б. Кутузов

Тюменский государственный университет, Тюмень

Данная работа посвящена существующим способам определения сложности оригинального текста с помощью анализа самим переводчиком или программой-переводчиком. Автор делает акцент на двух алгоритмах: определение синтаксической сложности через предикатный подход и приблизительный расчет энтропии текста путем сжатия его с помощью распространенного программного обеспечения, например, gzip. В работе описана предварительная проверка последнего алгоритма на учебных текстах на перевод.

Methods of Calculating Complexity of a Text During Translation Analysis Andrey Kutuzov

The paper overviews the existing ways to calculate complexity of original text parsing by human translator or by machine translation system. The author emphasizes two algorithms: hierarchy of text predicates and approximate calculation of text information entropy through compressing it with mainstream software like gzip. Preliminary verification of the last algorithm on the corpus of training texts for translation is described.

1.

1. Введение

Само появление переводческих ошибок обусловлено двумя факторами: компетенцией самого переводчика и сложностью переводимого текста. Существует явная потребность в определении сложности текста, подлежащего переводу. Это необходимо как практикующим переводчикам для оценки стоимости перевода и затрат времени, так и преподавателям для определения уровня текста и его соответствия этапам обучения. Кроме того, это нужно и для систем автоматического перевода (machine translation).

Любой перевод происходит в два этапа: обработка (parsing) текста оригинала и порождение (синтез) текста перевода. Мы рассматриваем определение сложности или трудности обработки текста оригинала вне зависимости от его языка.

Встаёт вопрос, каким же вообще закономерностям подчиняется определение сложности текста с точки зрения переводчика? Что такое эта «**сложность текста**»? Интуитивно понятно, что этот параметр прямо пропорционален количеству тех лексических единиц, синтаксических структур и прагматических ситуаций, которые вызывают трудности в переводе [1]. Но эти факторы нестабильны — ведь для каждого переводчика большую трудность представляет свой набор лингвистических единиц. Так, текст с большим количеством юридических терминов будет воспринят как сложный переводчиком художественной литературы и как простой – переводчиком, специализирующимся в области юриспруденции. Но проблема не столько в этом, а в том, что вряд ли возможно даже гипотетически представить себе алгоритм определения сложности текста на основе этих факторов, который бы подходил к любому тексту и не был субъективным. Возможно, именно поэтому литературы по проблеме определения сложности перевода очень мало.

В данной работе мы описываем существующие объективные алгоритмы определения сложности любого текста. Многие из этих алгоритмов создавались без учёта переводческой специфики. Тем не менее, автор надеется на то, что этот материал будет полезен переводчикам и переводоведам. Интересно, что фактически каждый из представленных ниже алгоритмов предполагает собственное понимание самой концепции «сложность текста».

Методы и алгоритмы

1) Повторяемость

Для переводчика наиболее очевидный практический способ определить сложность текста — это вычислить его внутреннюю повторяемость и повторяемость по сравнению с текстами, переведёнными ранее. Естественно, что если в представленной к переводу новой версии документа по сравнению со старой версией изменилось лишь несколько строк, то сложность текста резко падает. То же самое происходит, если текст обладает высокой степенью внутренней повторяемости хотя бы на уровне предложения. Строго говоря, это вообще не оценка сложности текста, но в практическом плане такой метод имеет право на существование.

Для оценки повторяемости и распространения (propagation) уже переведённых сегментов на новый документ служат системы памяти переводов (translation memory), например, OmegaT или Trados.

В данном случае сложность текста понимается в сугубо практическом плане – как количество уникальных единиц, не переводившихся ранее.

2) Специализация

Ещё один алгоритм определения сложности текста — отношение количества терминов к общему количеству слов. **Гипотеза** в данном случае такова: чем больше в тексте терминов, тем сложнее он для перевода. Однако, у этого алгоритма есть две проблемы — во-первых, не очевидна истинность гипотезы (возможно, что однозначность и системность терминов наоборот способствует лёгкости перевода), а во-вторых, до сих пор остаётся не до конца решённым вопрос о том, что же, собственно, считать терминами. Тем не менее, в рамках одного тематического поля вполне можно реализовать алгоритм обработки текста, основанный на одном или нескольких специальных словарях. Такой алгоритм мог бы оценивать количество словарных терминов в данном тексте и возвращать оценку отношения этого количества к общему объёму текста.

Итак, данный подход под сложностью текста понимает степень его специализированности.

3) Синтактика

Попытки определения сложности парсинга текста предпринимались в психолингвистике. Эта наука рассматривает обработку текста как поиск соответствия его информационной структуры имеющимся в памяти человека фреймам ситуаций. Для выявления трудностей этого процесса в психолингвистике обычно используется так называемый предикатный подход [2], который имеет дело с текстовым субъектом, и иерархией текстовых предикатов, которая может быть представлена в виде дерева. **Гипотеза** звучит так: чем сложнее дерево предикатной структуры (синтаксис текста) — тем сложнее парсинг текста. Поскольку задача автоматического синтаксического анализа для основных языков в принципе уже решена [3], то можно использовать любой синтаксический модуль (например, *Synap* рабочей группы aot.ru) и затем определённым образом параметризовать его вывод (например, подсчитывать число синтаксических связей и присваивать им весовые категории).

Тем не менее, такая задача требует наличия специализированных программ и разработки методов параметризации их вывода. Пока это довольно трудоёмко и вряд ли пригодно для повседневного использования. Однако мы считаем данный метод объективным и весьма перспективным в будущем.

4) Соотношение *types/tokens* и средние длины слов и предложений

Ещё один простой способ определения сложности текста пришёл, как ни странно, из генетики. Там используют лингвистические методы при обработке данных о ДНК [4]. В рамках этого подхода сложность текста есть функция от богатства его словаря (лексического разнообразия).

Используется следующая **гипотеза**: чем больше в тексте словоформ (word types) по отношению к словоупотреблениям (word tokens), тем сложнее текст. Самым сложным текстом является тот, в котором количество словоупотреблений равно количеству словоформ. Если же текст лексически беден, то его обработка не сложна. Существует множество программных модулей, реализующих автоматический подсчёт соотношения словоформ и словоупотреблений.

Вариация этого алгоритма — оценка отношения фактического количества слов в тексте к их максимально возможному количеству (то есть, к количеству букв). Как легко видеть, здесь оценивается длина слов. Собственно, эта методика известна ещё с 50-х годов под названием «флэштест» (употребляется в основном в рекламном деле). **Гипотеза**: сложность текста прямо пропорциональна средней длине слова и средней длине предложения.

Эти алгоритмы просты в употреблении, но, к сожалению, не отражают взаимозависимости между единицами перевода, которые содержатся в тексте. Текст с большим количеством длинных, но похожих друг на друга слов может быть легче для парсинга, чем текст с короткими, но очень несхожими лексическими единицами.

Мы считаем, что подобные методики не определяют напрямую сложность текста, но могут послужить одним из этапов такой оценки. Речь идёт об автоматическом определении функционального стиля текста по спектрам длин слов (а иногда и просто через среднюю длину слова). Такие компьютерные классификаторы уже существуют (см., например, [5]) и вполне способны различить разговорную речь, научные и деловые статьи, публицистику, новости и художественную прозу [6]. Подобный предварительный разбор может быть полезен и в рамках предпереводческого анализа. Отметим, что надёжное определение стиля начинается на размерах текста от 10 тысяч слов.

5) Информационная энтропия

Наконец, последний алгоритм определения сложности текста — чисто математический. Он основан на понятии **информационной энтропии** (напомним, что это мера хаотичности информации). Общий смысл этого алгоритма — вычисление меры избыточности или предсказуемости текста. **Гипотеза** здесь звучит так: чем менее предсказуем и избыточен текст, тем он сложнее.

Встаёт вопрос — как же быстро и объективно определить сложность текста, основанную на энтропии? В теоретическом плане ответ на это дал известный математик А.Н.Колмогоров [7]. В его терминах, сложность текста — это длина минимальной программы, которая выводит данный текст, а энтропия — это сложность, делённая на длину текста.

К сожалению, это определение чисто умозрительное. Надёжного

способа однозначно определить эту программу не существует.

Но есть алгоритмы, которые фактически как раз и пытаются вычислить колмогоровские сложность текста и энтропию [8]. Что интересно, эти алгоритмы знакомы всем, кто работает с компьютером. Это так называемые «архиваторы» или «компрессоры» - программы, сжимающие файлы. В самом деле, текст, сжатый программой zip или rar, представляет собой некоторую «программу», которая затем при декомпрессии интерпретируется таким образом, что на выходе мы видим исходный текст. Конечно, это не идеальная колмогоровская «минимальная программа», но некоторое приближение к ней.

Таким образом, по степени сжатия текста какой-либо программой компрессии, мы можем судить о его избыточности и в какой-то степени о мере его сложности. Если текст сжимается хорошо (то есть, получаем сжатый файл меньшего размера), следовательно, он обладает высокой избыточностью, а сложность его не велика. Если же сжатый текст по размеру почти не уступает несжатому, то мы можем сделать заключение о его относительно высокой сложности. В пользу данного метода говорит его быстрота и доступность — практически на любом компьютере есть программа-архиватор.

В следующем разделе мы проверим, действительно ли колмогоровская энтропия текста коррелирует с переводческими задачами.

Результаты

Для предварительной проверки корреляции мы взяли три текста на английском языке из рабочих программ кафедры перевода и переводоведения ТюмГУ для 3, 4 и 5 курсов, соответственно. Наша гипотеза состояла том, что тексты для старших курсов должны быть сложнее, чем для младших, а следовательно — обладать более низкой избыточностью и большей энтропией.

Мы сжали каждый из текстов компрессором gzip 1.3.5. Он реализует алгоритм сжатия Лемпеля-Зива (LZ77). Использовались настройки сжатия по умолчанию.

Вот полученные оценочные результаты:

```
[kender@neverland test]$ gzip -l *
```

compressed	uncompressed	ratio	uncompressed_name
1226	2505	52.0%	3.txt
762	1347	45.2%	4.txt
1197	2221	47.2%	5.txt

Больше всего нас интересует столбец ratio, то есть, степень сжатия. Чем она выше, тем меньше избыточность исходного текста, тем меньше в нём энтропии. Как можно видеть, действительно, текст для третьего курса

сжимается гораздо лучше, чем тексты для 4 и 5 курса. Различия между их степенями сжатия (45,2 и 47,2 процента), скорее всего, объясняются статистической погрешностью.

Конечно, нашей выборки недостаточно для каких-либо окончательных выводов, это всего лишь пилотный «забор проб». Тем не менее, проверка показала, что определённая корреляция есть, метод определения сложности текста через его информационную энтропию показывает осмысленные результаты, а следовательно — можно проводить дальнейшие исследования в этой области.

Заключение

Итак, мы показали некоторые из существующих концепций сложности текста и алгоритмы её вычисления: сравнение с ранее переведёнными текстами, терминологический, психолингвистический, алгоритм спектров длин слов / богатства словаря и метод информационной энтропии. Все они могут быть использованы для определения того или иного аспекта сложности парсинга исходного текста. Из перечисленных алгоритмов наиболее перспективным в рамках переводоведения нам представляется **психолингвистический** (оценка синтаксической сложности через предикатный подход), а наиболее готовым к применению прямо сейчас — **энтропийный**. Возможно, в ближайшем будущем мы увидим какие-то варианты синтеза этих двух подходов.

Библиографический список

1. Helge Dyvik. The Interaction Between Text Difficulty and Translation Accuracy / D.Helge // Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson.- Rodopi, 1999, ISBN 904200505X.
2. Данилова Н.Н. Психофизиология: Учебник для вузов / Н.Н.Данилова. – М.: Аспект-Пресс.1998.
3. Рабочая группа «Автоматический анализ текста», URL: <http://www.aot.ru>.
4. Troyanskaya Olga et al. Sequence complexity profiles of prokaryotic genomic sequences: a fast algorithm for calculating linguistic complexity / Olga Troyanskaya et. al. // Bioinformatics, volume 18, number 5, may 2002.
5. Худломер», URL: <http://teneta.rinet.ru/hudlomer/>.
6. Хмелёв Д.В. О лингвоанализаторе 3-эпсилон / Д.В.Хмелёв. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/khmelev/descrwin.html>.
7. Колмогоров А.Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» / А.Н.Колмогоров //Проблемы передачи информации. – 1965. – Т.1. – No 1.
8. Кукушкина О.В., Поликарпов А.А., Хмелёв Д.В. Определение авторства текста с использованием буквенной и грамматической информации /

О.В.Кукушкина, А.А.Поликарпов, Д.В.Хмелёв //Проблемы передачи информации – 2001. – Т.37. – Вып.2. –Translated in "Problems of Information Transmission". URL: <http://www.philol.msu.ru/~lex/khmelev/published/gramcodes/gramcodeswin.html>

Сведения об авторе

Кутузов Андрей Борисович
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
перевода и переводоведения
Тюменского государственного
университета
e-mail: akutuzov72@gmail.com

ДАЙТЕ ПЕРЕВОДЧИКУ СЛОВАРЬ!

О.В. Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

Словарей, специально составленных для переводчиков, не существует. Переводчикам необходимы словари, в которые бы входили все известные лексико-семантические варианты любого слова, которые содержали бы информацию о возможных синтаксических конструкциях для любого слова. Им также необходим тезаурус стереотипных ситуаций и общепринятых способов их описания.

Ключевые слова: лексикографические принципы, лексико-семантические варианты, сочетаемость, штатные ситуации.

Compile a dictionary for a translator, please!

Olga Petrova

There are no dictionaries compiled for translators. Translators need dictionaries that would list all known lexico-semantic variants of every word and provide information about syntactic patterns for each of them. They also need a thesaurus of stereotypical situations with information about standard ways of describing them.

Key-words: lexicographical principles, lexico-semantic variants, combinability, standard situations.

Могли ли мы еще пару десятилетий назад представить себе, что библиотеки и книжные магазины будут поистине завалены словарями? Каких только словарей у нас сегодня нет! Одноязычные толковые, комбинаторные, тезаурусы, словари сленга, словари рифм, словари языка и культуры, «активаторы», словари двуязычные общие и отраслевые, словари бумажные и электронные, электронные обычные и пополняемые – ну просто лексикографический рай. Или ад – это как посмотреть.

Такое обилие словарей – естественная реакция на возросший спрос. Многократно возросло количество желающих изучать иностранные языки. Даже не на порядок, а на порядки выросло число тех, кто хочет стать переводчиком. И рынок, естественно, отреагировал на этот возросший спрос. С одной стороны, отечественные издательства стали в спешном порядке издавать всевозможные словари, не слишком заботясь и строгом следовании определенным лексикографическим принципам. С другой –

книгоиздатели других стран стали активно «осваивать» наш рынок, наводняя его теми словарями, которые до недавнего времени казались нам пределом мечтаний: Oxford, Longman, Macmillan, Collins... Вот только всегда ли эти словари соответствуют тем требованиям, которые мы к ним предъявляем? И, с другой стороны, те ли требования мы к ним предъявляем? Всегда ли цель, с которой составлялся словарь, соответствует тому, для чего мы его используем?

Примером явного несоответствия такого рода может служить то, что наиболее широко представленным и в продаже, и в библиотеках **языковых вузов** оказался изданный в 2003 году Longman Dictionary of Contemporary English (далее – LCE). На кого он рассчитан? В отличие от словарей, в самом названии которых присутствует указание на то, для кого этот словарь предназначен (Oxford Advanced Learner's Dictionary (далее O7); Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International Student Edition (далее MED) и т.д.), на обложке этого словаря имеется лишь загадочная надпись «The Living Dictionary». Никаких указаний на уровень владения языком, при котором этот словарь может быть полезным, нет. Зато есть пленяющее своей прямотой сообщение: 106,000 words and phrases – all the words you need (!?)⁵. Еще словарь обещает 1 миллион дополнительных предложений из книг и журналов. Беда только в том, что часто дается множество примеров употребления слова в одном и том же значении в одной и той же (причем наиболее очевидной) синтаксической модели (Anita's dress, her dress, his dress...), но в то же время, как признаются сами составители словаря, не все приводимые примеры употребления слова соответствуют приводимым определениям. Значит, с одной стороны, не все ЛСВ снабжены примерами, а с другой – в примерах есть ЛСВ, не включенные в основную словарную статью. Почему? Если в картотеке были примеры употребления слова в этом значении, если эти примеры включены в словарь, почему же нет определения этих значений? Что это за новый лексикографический принцип? Ведь если составители сами об этом пишут, значит, это не случайность, не ошибка, а именно принцип. Но какой в нем смысл? Если приводится определение, а потом дается пример, никак с ним не соотносящийся, то это может поставить в тупик даже человека, неплохо знающего язык. Тот же словарь, но уже его Updated Edition, содержит планы занятий, рекомендуемых для определенных уровней владения языком: первый – для ЛЮБОГО уровня (учимся располагать слова по алфавиту и искать их в словаре – это на ЛЮБОМ-то уровне!), второй – для уровня advanced, с третьего по седьмой – для intermediate (странная

⁵ Для сравнения скажем, что англо-русская часть Большого англо-русского и русско-английского словаря В.К.Мюллера, предназначенного для учащихся старших классов, студентов и специалистов, занимающихся углубленным изучением английского языка (т.е. не для лингвистов), содержит 250000 слов и словосочетаний.

последовательность, не так ли?), а последующие – по одному для уровней IELTS, FCE и CAE. Значит ли это, что словарь рассчитан на любой уровень владения языком, в том числе и на достаточно высокий? Тогда почему в нем приводится так мало значений слов? Порой два-три значения там, где, скажем, The American Heritage Dictionary (далее АН) дает 7-8 и больше. Сравним, например, словарные статьи на слово «bracket»:

АН:

1. A device that holds or fastens two or more parts together or in place; a clamp.
2. A device, such as a supporting beam in a building or a connecting wire or rope, that steadies or holds something else erect.
3. **braces** Chiefly British Suspenders.
4. An orthopedic appliance used to support, align, or hold a bodily part in the correct position.
5. A dental appliance constructed of bands and wires that is fixed to the teeth to correct irregular alignment. Often used in the plural.
6. An extremely stiff, erect posture.
7. A cause or source of renewed physical or spiritual vigor.
8. A protective pad strapped to the bow arm of an archer.
9. Nautical A rope by which a yard is swung and secured on a square-rigged ship.
10. A cranklike handle with an adjustable aperture at one end for securing and turning a bit.
11. *Music* A leather loop that slides to change the tension on the cord of a drum.
12. *Music*
 - a. A vertical line, usually accompanied by the symbol {, connecting two or more staves.
 - b. A set of staves connected in this way.
13. A symbol, { or }, enclosing two or more lines of text or listed items to show that they are considered as a unit.
14. *Mathematics* Either of a pair of symbols, { }, used to indicate aggregation or to clarify the grouping of quantities when parentheses and square brackets have already been used. Also called bracket.
15. pl. **brace** A pair of like things: three brace of partridges.

LCE:

1. [usually plural] also **round bracket** *British English* one of the pair of signs put around words to show extra information [= **parenthesis** *American English*]
in brackets
Last year's sales figures are given in brackets.
? angle brackets ? square bracket ? punctuation mark

2. **income/tax/age etc bracket** a particular income, tax etc range:

the highest tax bracket

families in lower income brackets

3. a piece of metal, wood, or plastic, often in the shape of the letter L, fixed to a wall to support something such as a shelf.

При этом в списке примеров действительно присутствует предложения, не соотносящиеся с этими тремя значениями: «A good ground is easy to find; hoisting lugs on the engine or the alternator mounting brackets make good grounds», «A little ink bottle and two pens were fastened to its floor by gold brackets», «A slender pointed cellular disrupter swung out on skeletal brackets». По-видимому, предполагается, что человек, не знающий, что такое brackets, знает, что такое hoisting lugs on the engine or the alternator mounting brackets, да и вообще в состоянии понять это предложение, которое, вообще-то призвано помочь ему научиться пользоваться словом brackets. И как, пользуясь этими определениями, можно понять предложение, в котором идет речь о brackets на зубах у подростка?

Longman Dictionary of Contemporary English можно ругать и дальше – он, право же, этого заслуживает. Однако речь на самом деле идет не о нем. Всегда были хорошие словари и плохие, удачные и неудачные. Но как случилось, что именно этот словарь стал у нас чуть ли не самым распространенным, причем именно в языковых вузах, где студентов готовят не к экзаменам на IELTS, FCE или CAE, а к профессиональному владению иностранным языком, в том числе и к профессиональной деятельности переводчика?

Нужно ли говорить о том, насколько и сам процесс, и результат работы переводчика зависят от имеющихся у него словарей? Мысль о необходимости постоянного обращения к словарям будущим переводчикам начинают внушать с первого дня их профессиональной подготовки. Студентам рассказывают о существующих видах и типах словарей, их учат грамотно искать необходимую информацию и совершенно справедливо ругают того, кто, выполняя письменный перевод, переводит по догадке, пытаясь вывести значение того или иного слова из контекста или «подтянуть» контекст к единственному известному ему лексико-семантическому варианту. Если, столкнувшись со словом TV-dinner, студент начинает фантазировать на темы ужина перед телевизором, передачи типа «Кулинарный поединок» и т.д., ему объясняют, что вместо этого нужно просто посмотреть в словарь и узнать, что это *a meal that you can buy already cooked and prepared, that you only have to heat up before you can eat it* (O7), или *a frozen prepared meal, usually packaged in a disposable serving tray, that needs only to be heated before serving* (АН) или *a meal that is sold already prepared, so that you just need to heat it before eating* (LCE). Но это он узнает, если посмотрит в толковый словарь. А если он обратится,

скажем, к столь популярному сегодня словарю *Linguo*, то он найдет весьма странное определение: «обед из замороженного полуфабриката (продаётся в алюминиевой фольге), обед на скорую руку». Во-первых, складывается впечатление, что это не продукт, который можно купить, а процесс принятия пищи, представляющей собой замороженный полуфабрикат («обед из полуфабриката»). А это на самом деле даже и не полуфабрикат, а готовое блюдо. Во-вторых, совершенно непонятно, зачем потребовалось добавлять явно устаревшую информацию насчет «алюминиевой фольги», которая в наш век микроволновок ставит в тупик: как же можно разогреть такой «обед»? А далее зачем-то добавляется устойчивое выражение «на скорую руку», что создает у читателя совершенно искаженное представление о значении исходной лексической единицы. Если *TV dinner* – это «обед на скорую руку», то и «обед на скорую руку» - это *TV dinner*. Чему же удивляться, когда студент, имея в виду что-то вроде «*Let's fix a quick lunch*», говорит «*Let's have a TV dinner*»! Ведь ему же СЛОВАРЬ сообщил, что *TV dinner* – это обед на скорую руку! Студенту невдомек, что вместо лексического соответствия или описания значения лексической единицы словарь предложил ему вариант перевода этой единицы в определенном (однако не обозначенном в словаре) контексте. Но тогда ведь и в число значений глагола *to be* нужно включать «лежать», «висеть», «стоять», «учиться», «служить» и т.д., так как составитель словаря может иметь в виду разные фразы – *there is a book on the desk, there is a picture on the wall, there is a walking stick in the corner, he is at Oxford, he is in the army...* При чем же здесь *значение* слова?

Наверное, у каждого переводчика есть своя коллекция невероятных «ляпов», которые ему так или иначе довелось видеть в текстах, переведенных непрофессионально. К числу самых впечатляющих в коллекции автора этих строк можно отнести переведенную на английский язык и заполненную анкету, в которой была графа «*Floor: Man's*», и доклад, который был посвящен изучению «*absent-minded radiation*». Можно сколько угодно смеяться над безграмотностью, а главное – над самонадеянностью людей, которые берутся переводить что-то, не зная языка. Но можно посмотреть на эту проблему и по-другому. Разумеется, перевод требует знания языка. Но словари-то издаются именно для тех, кто его не знает или знает не очень хорошо. Иначе не было бы необходимости включать туда, скажем, местоимения, союзы, предлоги и артикли. Значит, пользуясь словарем, какую-то достаточно правильную информацию об интересующих его словах должен получить и человек, который языка практически не знает. Попробуем поставить себя на его место.

Итак, нам нужно перевести графу анкеты: *Пол – мужской*. Открываем словарь на слово «пол». В Мультитране находим список: *floor, sex, half*. Далее – *flooring, gender*. Вот так. Выбирай любое. Исходя из здравого смысла, решаем, что самое первое слово будет самым общим. Но

все-таки решаем проверить. *Linguo*: пол I муж. floor; II муж. биол. sex. Итак, второе значение имеет ограничения на употребление (*биол.*), а первое – нет. Значит, наше предположение об общеупотребительности слова floor было верным? Пожалуй, стоит все-таки проверить еще в каком-нибудь авторитетном русско-английском словаре. Скажем, в Оксфордском. Если в первых двух словарях разные английские слова были поданы как разные значения одного и того же русского слова, то в Оксфордском словаре слов «пол» оказалось уже два: пол¹ floor и пол² sex. Так что нашему «переводчику» предстоит сделать выбор между вариантом floor, не имеющим никаких уточнений (т.е., по-видимому, таким же «общим» словом, как и русское «пол»), и словом, которое у него ассоциируется с употребительным русским «секс». Может быть, он и не так строг в своем отношении к последнему, как учительница английского языка, в свое время написавшая в графе sex категоричное «по sex», но тем не менее он вполне обоснованно выбирает «нейтральное», по его мнению floor. Ведь ни один словарь не написал, что floor – это только в помещении.

Посмотрим слово *рассеянный*. Мультитран дает список: *dissipated, scattered, diffused, absent-minded, absent, abstracted, diffuse (o svete u m.n.), hare-brained, vacant (o vzgljade u m.n.), erratic, moony, oblivious, vague, dispersed, absentminded, mused, forgetful, sparse, wool-gathering*. Можно только гадать, почему наш горе-переводчик из всего этого лексикографического изобилия выбрал в качестве определения для своей радиации именно *absent-minded*, а, скажем, не *erratic, hare-brained* или *wool-gathering*. Но почему-то выбрал. И, возможно, проверил свой выбор. В том же Мультитране: *absent-minded общ. рассеянный*. Все. Точка. Проверим в *Linguo*. *Рассеянный*. В *The Oxford Russian Dictionary* отдельной статьи нет, но в статье *absent* отдельно выделено *absent-minded: рассеянный*. Сомнений не осталось. Проверял и перепроверял в доступных ему словарях.

Разумеется, приведенные примеры гротескны. Людям, не знающим языка совершенно, словари помочь с переводом не могут. Но эти примеры заставляют задуматься над тем, для кого и для чего словари составляются. К словарям претензий много. Не всегда понятные принципы отбора единиц (почему, скажем, в LCE и MED слово *escrow* есть, а в O7 – нет?), некорректность определений, разнобой в толкованиях (то же самое *escrow* в лонгмановском словаре определяется как *money, land, or a written contract, etc that is held by someone who is not directly involved in an agreement while the agreement is being achieved*, а в макмиллановском – как *money, property, or a legal document that is kept by someone until a particular thing has happened*), уже обсуждавшаяся их неполнота. Словарные дефиниции в разных словарях нередко просто противоречат друг другу. Так, столкнувшись с необходимостью найти соответствие слову «пустоты» в тексте, где речь идет о последствиях тектонических процессов,

переводчик без всякого труда найдет слово *interstice*. Найдет он его в русско-английских словарях – скажем, в *Linguo* или *Multitran* (в том числе с уточнением «пустоты в горных породах»). Правда, в словаре В.К.Мюллера формы «пустоты» нет, есть только «пустота», но зато в его англо-русской части есть *interstice* – *расщелина, скважина*. Если же он захочет проверить значение этого слова по толковым английским словарям, то найдет дефиниции, которые поставят его в тупик:

a small crack or space in sth – (O7);

a small space or crack in something or between things (Small plants were growing in the interstices of the rock.) – (LCE);

a very small or narrow space between objects or surfaces – (MED);

a space, especially a small or narrow one, between things or parts – (АН)

Все толковые словари с редким единодушием подчеркивают маленький размер этого пустого пространства, скорее соотнося это пространство с понятиями, обозначаемыми русскими словами «*щель*», «*трещина*» и т.д. И что в этой ситуации делать переводчику? Поверить нашим словарям и использовать слово *interstices* или поверить толковым словарям, составленным носителями языка, которые утверждают, что больших *interstices* не бывает? Правда, в *Linguo* есть две статьи – одна на *interstice*, а другая – на *interstices*. *Interstice* определяется как *промежуток; расщелина, щель*, а значение *пустоты в горных породах* приводится в статье *interstices*. Означает ли это, что здесь имеется различие между значениями форм единственного и множественного числа? Или это неполнота толковых словарей? А может быть, неточность двуязычных? Как переводчик может об этом судить?

Когда студент-переводчик берет первое попавшееся ему в двуязычном словаре лексическое соответствие, преподаватель совершенно справедливо ругает его за то, что он не проверил значение этого слова по толковому словарю. Но всегда ли такая проверка помогает? Попробуем, скажем, перевести предложение «He tried to be **off-hand** and not too obviously uninterested», пользуясь в целом очень неплохим «Новым большим англо-русским словарем» под редакцией Ю.Д.Апресяна. Ничего, кроме бессмысленного варианта «Он старался держаться **бесцеремонно** и даже казаться заинтересованным», у нас явно не получится. Проверим слов *off-hand* по толковым словарям. LCE дает два значения: 1. *not very friendly towards someone when you are talking to them*; 2. *said or done without thinking or planning*. В O7 и того хуже – всего одно значение: *(disapproving) not showing much interest in sb/sth*. Действительно, остается только признать, что автор английского текста написал странную вещь: его герой сознательно старался вести себя так, чтобы вызвать осуждение окружающих. Но зачем же он тогда пытался скрыть отсутствие заинтересованности? Поможет нам только словарь В.К.Мюллера, фиксирующий значение «*непринужденный*». Можно было бы

предположить, что это значение появилось недавно, а потому не вошло в словарь Ю.Д.Апресяна, изданный в 2000 году, но уже вошло в словарь В.К.Мюллера, вышедший в 2008. Только вот приведенное предложение взято из книжки У.Голдинга «Повелитель мух», написанной, как известно, более пятидесяти лет назад.

Складывается невеселая картина: словари неполны как в плане словника, так и в плане количества ЛСВ, дефиниции расплывчаты (например, *beautiful someone or something that is beautiful is extremely attractive to look at – LCE*) и противоречивы, вместо лексических соответствий в случае словосочетаний и сложных слов нередко приводятся кальки или контекстуально обусловленные переводы (причем без указания на контекст). В целом такие словари, вероятно, вполне достаточны для того, чтобы, как пишется в анкетах, «читать со словарем» те или иные тексты. Но они очень мало помогают переводчику – не только любителю, но и профессионалу, неплохо знающему язык. Попробуйте, скажем, перевести с помощью доступных нам словарей словосочетание «боевой офицер». Попробуйте разобраться, как нужно сказать по-английски «он взмахнул рукой, в которой блеснул клинок» так, чтобы не получилось, что он этой рукой помахал, или «он согнул ноги в коленях, приготовившись к бою», чтобы не получилось, что у него от страха подгибались коленки. Ваше счастье, если вы все это знаете и словари вам не понадобятся. Но тогда для чего переводчику вообще словари?

И тут мы подходим к главному вопросу: а нужен ли переводчику словарь? И если да, то какой?

Разумеется, словарь нужен. И не словарь, а словари. Ни один переводчик не может знать всех слов – ни в иностранном языке, ни в родном. Но переводчику нужны особые словари.

Во-первых, словари с максимально полным словником. Вряд ли при отборе слов составитель должен решать, может это слово пригодиться переводчику или нет. Ведь даже если исключить специальные тексты (научные, технические, относящиеся к определенной предметной области), при переводе которых следует обратиться к специальным словарям, переводчик никогда не застрахован от появления в публицистическом (и уж тем более художественном) тексте какого-то слова, которое составители картотеки могли отбросить, сочтя «недостойным внимания». Материалом для составления словника должен служить такой корпус текстов, который исключит отсутствие, скажем, слова *escrow* или ЛСВ «*a dental appliance*» у слова *bracket*. В словаре должен даваться предельно полный список ЛСВ, которые должны быть четко дифференцированы.

Во-вторых – и это не менее важно, – словарь, предназначенный для переводчика, должен иметь расширенную информацию относительно синтаксических моделей, в которых слово употребляется, и его лексической сочетаемости. Ее можно включать в толковые или

двуязычные словари, а можно создавать и отдельные комбинаторные словари переводчика. Можно не сопровождать эту информацию примерами там, где употребление слова не выходит за рамки структур, общих для всех слов данной части речи. Но все те значения, в которых слово имеет особое, специфичное для него употребление, следует снабжать примерами – они же все равно в картотеке составителя есть!

И, наконец, третье, наиболее трудновыполнимое требование. Переводчику, особенно переводящему с родного языка на иностранный, нужен совершенно особый тип словаря, который можно было бы условно назвать «тезаурусом ситуаций». Все прекрасно знают, что народы, говорящие на разных языках, по-разному описывают, скажем, одни и те же жесты, одну и ту же мимику. Более того, одним и тем же жестам или мимическим движениям разные народы приписывают разное значение. Для говорящих по-русски «круглые глаза» означают удивление, изумление. А «round eyes» - это выражение удовольствия, восторга. Если героиня романа от удовольствия смешно морщила нос, то стоит ли переводить это на английский язык как «wrinkled up her nose»? Не получится ли, что она морщится от дурного запаха? Поэтому переводчику совершенно необходим словарь, в котором бы приводились типичные способы описания стереотипных ситуаций. Там должны быть такие разделы, как «телодвижения», «мимика», «выражение удовольствия/неудовольствия», «выражение гнева», «выражение удивления» и т.д.; там необходим набор клише из стандартных официальных сообщений на разные темы, набор фраз, с которыми официальные лица обращаются к гражданам в стандартных ситуациях (чтобы избежать недоразумений, типа того, которое произошло с американцем, говорящим по-русски и даже считающим себя переводчиком: остановивший его сотрудник ГАИ потребовал с него *документы*, он честно протянул свой паспорт и ничего не мог понять, когда гаишник потребовал «другой» – он долго доказывал, что он едет один, а поэтому никакого другого паспорта у него нет). Ничего невозможного в составлении перечня таких ситуаций нет – ведь есть же опыт составления разговорников, в которых приводится не дословный перевод фраз, а именно те самые клише, которые в том или ином случае используют носители другого языка. Только, разумеется, список ситуаций должен быть значительно полнее, а само слово «ситуация» не должно пониматься только как коммуникативная ситуация. И еще одно требование – в этом тезаурусе не нужно опускать те случаи, когда клише или стереотипные способы описания в двух языках совпадают. Такие совпадения там тоже должны быть отмечены. Иначе откуда же переводчику знать, что «у них» это могут сказать так же, как «у нас»?

Такой лексикографический справочник необходим не вместо словаря как такового, а в качестве отдельного раздела или даже отдельного тезауруса.

Можно сформулировать и другие требования, но главный принцип должен состоять в том, что нужны словари, по самой своей сути предназначенные для переводчиков и составленные с учетом специфики их работы.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук,
зав. кафедрой теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: petrova2000@sandy.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Л.А. Аверкина, А.М. Капитонова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова*

Данная статья посвящена особенностям перевода газетно-журнальных заголовков с немецкого языка на русский язык. Характерной чертой тестов подобного типа является выразительность, включающая в себя как экспрессивные конструкции, так и эмоциональную составляющую. Кроме того, в процессе перевода заголовков переводчик должен иметь в виду, что заголовок имеет противоречивую коммуникативную структуру: это означает, что с одной стороны, с функциональной точки зрения, заголовок синсемантический и представляет собой один из компонентов текста, с другой стороны, как графически усовершенствованная особая языковая конструкция, он аутосемантический. Авторы данной статьи предлагают перевод нескольких заголовков из немецких газет, учитывая при этом их лингвистические и экстралингвистические черты и используя различные грамматические и лексико-грамматические трансформации.

Ключевые слова: газетный комментарий, газетный заголовок, выразительность газетно-журнальной статьи, черты перевода газетных статей, черты перевода газетных заголовков.

Aspects of Newspaper Headlines Translation Larisa Averkina, Anna Kapitonova

The article is dedicated to the aspects of translation of newspaper comments headlines from German into Russian. The typical feature of this text type is its expressiveness which includes expressive structures as well as the emotional component. Besides in the process of headlines translation the translator should consider that the headline has an antinomic communicative structure: this means that on the one hand the headline is functionally sinsemantic and represents one of the text components, on the other hand as a graphically enhanced separate language structure it is autosemantic. The authors of this article try to give translation of several headlines of German newspaper comments considering both their linguistic and extralinguistic features and using different grammatical and lexical-grammatical transformations.

Keywords: newspaper comment, newspaper headline, expressiveness of newspaper articles, features of newspapers articles translation, features of newspaper headlines translation.

Интернационализация информационного пространства особенно актуальна применительно к средствам массовой информации. В связи с этим очень востребованным стал перевод газетных и журнальных статей. Этот вид деятельности, как известно, требует от переводчика определенного набора специальных знаний, умений и навыков.

Публицистический текст ориентирован на *воздействие*, на *прямое, непосредственное выражение авторской позиции*. Его основная цель вызвать определенное отношение к сообщаемой информации, а потому на первый план выдвигается **экспрессия**. Экспрессивность публицистического текста понимается многими учеными как широкое понятие, включающее в себя как средства образности и выразительности, так и эмоциональный компонент [1]. Именно комплекс средств экспрессивности и эмоциональности представляет наибольшие трудности при переводе газетно-журнальных статей.

Экспрессивность публицистического текста наиболее ярко выражается в заголовках статей. Будучи ориентиром при выборе материала для чтения, заголовки призваны привлечь внимание: из массы статей читатель выберет именно ту, которая обладает ярким, броским заголовком. Придумать такой заголовок - целое искусство. Это же касается и перевода, поскольку для создания адекватного и экспрессивного заголовка от переводчика требуется творческий подход и максимальное абстрагирование от формы оригинала. Однако не стоит забывать, что заголовок не только привлекает внимание, он также выполняет информативную функцию: в заголовке обозначается тема публикации или передается главная мысль статьи. Кроме того, в нем выражается отношение автора и редакции к описываемому факту, а также общая концепция издания. Особенно это касается газетно-журнальных комментариев, которые являются объектом нашего исследования. В них автор статьи не просто описывает некое событие, а выражает свою позицию, заставляя читателя обратить внимание на те или иные факты и проанализировать их.

Заголовок обладает **антиномичной коммуникативной природой** [2]. С одной стороны, заголовок **структурно и функционально синсемантичен**: он является полноправным компонентом текста, его неотъемлемой частью и связан с другими элементами публикации. С другой стороны, заголовок как графически выделенная самостоятельная языковая структура, предваряющая текст статьи, обладает чертами **автосемантичности**. Хотя заголовок формально самостоятелен, он составляет архитектуру текста, поэтому его ни в коем случае нельзя переводить в отрыве от текста. Отсюда следует главное правило перевода газетных статей: перевод заголовка осуществляется лишь после прочтения и разбора всей статьи целиком. Заголовок образует с текстом единую

семантически связанную с ним систему. При этом заголовок может соотноситься с различными компонентами текста: с его содержанием, с элементами содержания (начало, концовка), а также с формой подачи информации. Лишь определив связи заголовка с текстом, можно найти наиболее подходящую формулировку на языке перевода.

Рассмотрим некоторые языковые особенности немецких газетно-журнальных заголовков. В глагольных заголовках немецких комментариев чаще используются *неперфектные формы глагола*. Так, когда речь идет о событиях, происшедших в недавнем прошлом обычно используется настоящее историческое время (Präsens historicum). Употребление настоящего исторического времени придает заголовкам живость, приближает события к читателю и должно быть сохранено в переводе:

- *Merckle einigt sich mit Banken auf Notkredit* (Spiegel, 23. 12. 2008). - Меркле договаривается с банками о предоставлении срочного кредита (здесь и далее перевод наш).

- *SPD-Chef attackiert Linkspartei* (SZ, 14. 01. 2009). - Лидер партии СДПГ выступает с резкими выпадами в сторону Левой партии.

Простая форма прошедшего времени (Präteritum) употребляется в заголовках, относящихся к прошлым событиям, в основном в тех случаях, когда в заголовке есть обстоятельство времени или читатель точно знает, что описываемое событие произошло в определенный момент времени в прошлом. В переводе Präteritum целесообразно передавать глаголом несовершенного вида в прошедшем времени:

- *Der Killer schooss von hinten in den Kopf* (Welt, 20. 01. 2009). - Киллер стрелял в затылок.

Для передачи будущего времени в немецких заголовках также чаще всего используется форма настоящего времени (Präsens). Для русской прессы такое использование форм настоящего времени не характерно, поэтому в переводе рекомендуется использовать глаголы в будущем времени:

- *Wer rettet die Steuerzahler vor den Rettern?* (FAZ, 20. 01. 2009). - Кто спасет налогоплательщиков от спасателей?

Важной особенностью немецких газетно-журнальных заголовков является широкое использование *эллипсисов*. Популярной является эллиптическая форма пассивного залога с опущением вспомогательного глагола *werden* или *sein* для описания событий как в прошедшем, так и в настоящем времени. Использование эллиптических конструкций придает немецким заголовкам чрезвычайную сжатость и динамичность. Русским заголовкам, как и всему газетному стилю в целом, присущ более плавный, спокойный характер, и действие в них чаще передается существительным. Поэтому предложение превращается в назывное:

- *Mutmaßliche Terroristen erschossen* (Spiegel, 25. 01. 2009). - *Расстрел предполагаемых террористов*;
- *SPD zerstritten über Verhältnis zur Linkspartei* (Welt, 20. 01. 2009). - *Раскол в партии СДПГ*.

В последнем заголовке опущена часть информации, тем не менее, такая формулировка нам представляется оправданной. Если бы этот заголовок переводился более полно, то являлся бы слишком громоздким и не отражал бы краткость выражения этой мысли в оригинале: *СДПГ не может достичь единогласия по поводу сотрудничества с Левой партией*.

В немецких заголовках, выраженных эллиптическим предложением с пассивным залогом, также может опускаться подлежащее. На наш взгляд, такие предложения лучше всего переводить в виде безличных конструкций:

- *In Hamburgs Kneipen wird wieder mehr geraucht* (Welt, 20. 01. 2009). - *В Гамбурге вновь разрешили курить в пивных*.

Зачастую в немецких заголовках опускается глагол-связка *sein*. Для того чтобы их перевод соответствовал нормам русского языка и был понятен читателю, подобные заголовки рекомендуется переводить в качестве двусоставных или назывных предложений:

- *Hamas zu befristeter Waffenruhe bereit* (SZ, 25. 01. 2009). - *ХАМАС готов заключить временное перемирие*.
- *BMW in Not* (SZ, 20. 01. 2009). - *Кризис в концерне БМВ*.

Как показало наше исследование, для журнала *Der Spiegel* характерна эллиптическая форма заголовков комментариев, в которых опускается главное предложение и сохраняется лишь придаточное изъяснительное. Формально такие заголовки похожи на риторический вопрос, однако в них отсутствует вопросительный знак. Поскольку такие заголовки не являются характерными для русской прессы, представляется возможным их перевод в качестве назывных предложений:

- *Wie Frieden im Nahen Osten einkehren kann* (Spiegel, 08. 01. 2009). - *Залог мира на Ближнем Востоке*.

Необходимо отметить, что эмоциональное в немецких газетных заголовках в том числе связано с проникновением в прессу **разговорных элементов**, что обусловило **конвергенцию обиходно-разговорного и газетного функциональных стилей**. Этим объясняется не только выбор синтаксических конструкций, характерных для устной речи, но и лексические особенности заголовков. В газетных заголовках достаточно часто используются разговорные слова и выражения. В переводе также необходимо сохранять разговорность, не характерную для «качественной прессы» (термин Г. Ф. Вороненковой) и бросающуюся в глаза читателю:

- *Joe Bidens Frau verplappert sich bei Oprah Winfrey* (Welt, 20. 01. 2009). - *Жена Джо Байдена проболталась в ток-шоу Опры Уинфри*.

- *Schluss mit dem Gequatsche!* (SZ, 19. 01. 2009). – *Хватит болтовни!*.

- *Ich bin's, Joe* (FAZ, 20. 12. 2008). – *Это я, Джо.*

Для газетно-журнальных заголовков также характерен ряд стилистических особенностей. Интересным средством экспрессивности, использующимся в немецких заголовках, является *игра слов*:

- *Architekt entdeckt DDR-Wohnung: Deutsche Demokratische Reste* (SZ, 26. 01. 2009)

Здесь игра слов заключается в оригинальной расшифровке сокращения *DDR (Deutsche Demokratische Republik)*. Поскольку это авторский окказионализм, не имеющий эквивалента в русском языке, в русском варианте переводчик может придумать свою расшифровку для аббревиатуры ГДР, тематически вписывающуюся в смысловую канву оригинала. Нам представляется возможным вариант «*Германские Демократические Руины*». Перевод заголовка тогда будет выглядеть следующим образом:

- *Архитектор находит квартиру времен ГДР: Германские Демократические Руины.*

Частым явлением в заголовках немецких газетно-журнальных комментариев является использование **фразеологизмов**, связанное с их ярко выраженной экспрессивной окраской:

- *Bock zum Gärtner gemacht: Kasachstan darf OSZE führen* (Welt, 27. 12. 2008). – *Пусти козла в огород: Казахстан получил право возглавить ОБСЕ.*

В немецких заголовках используются также модифицированные фразеологизмы. В статье из газеты *Süddeutsche Zeitung* от 19 января 2009 г. автор обыгрывает известную поговорку „*Wer wagt, der gewinnt*“ (*Кто не рискует, тот не пьет шампанское*), однако он разрушает ее фразеологическое единство и тем самым добивается противоположного смысла:

- *Wer viel wagt, nicht gewinnt* (SZ, 19. 01. 2009). - *Кто слишком рискует, тот не пьет шампанское.*

В немецких заголовках часто используются **апозионезисы**, которые придают заголовкам эффект незаконченности, являются намеком или аллюзией на какое-то известное явление. Так, в приведенном ниже заголовке используется приписываемая Бертольту Брехту цитата, которая становится понятной лишь после прочтения всей статьи:

- „*Ist der Ruf erst ruiniert...*“ (SZ, 19. 01. 2009). – «*Однажды потеряв хорошую репутацию...*».

В комментарии говорится о бесполезности оказания государственной помощи компаниям, обанкротившимся во время экономического кризиса, на что и намекает заголовок. Цитата полностью приводится в тексте статьи и звучит следующим образом: „*Ist der Ruf erst*

mal ruiniert, lebt's sich gänzlich ungeniert“. По-русски эта фраза означает следующее: «*Однажды потеряв хорошую репутацию, и совесть потеряешь*».

Обычно именно передача таких заголовков таит в себе самые большие проблемы для переводчика. Поскольку в русском и немецком языках иногда отсутствуют эквиваленты некоторых **фразеологизмов**, а тем более **окационализмов** и других **образных средств**, которые автор может использовать в своем тексте, переводчик вынужден сам находить образные варианты, соответствующие нормам языка перевода и оказывающие то же прагматическое воздействие на читателя.

В процессе перевода переводчик использует различные **синтаксические** и **лексико-грамматические трансформации**.

1. Синтаксические трансформации

При переводе необходимо учитывать, что системы немецкого и русского языка имеют много несовпадений. Коренные различия заключаются в синтаксисе обоих языков. Для того чтобы не копировать не свойственные русскому языку синтаксические конструкции, переводчик прибегает к различным грамматическим трансформациям. При переводе заголовков немецких газетно-журнальных комментариев, переводчику чаще всего приходится **менять порядок слов** и **заменять синтаксические конструкции** оригинала.

1.1. Изменение порядка слов

Порядок слов в немецком и русском языках зачастую не совпадает. В отличие от русского языка с его свободным порядком слов порядок слов в немецком языке более фиксирован и сочетает в себе элементы твердого и свободного порядка слов. Прежде всего, это касается сказуемого в немецком предложении, за которым в каждом коммуникативном типе предложения закреплено свое место [4]. При этом порядок слов в предложении выполняет функцию коммуникативного задания, заключающегося в сообщении собеседнику новой информации (*рема*) в дополнение к той, которой он уже располагает (*тема*). Так, в немецком комментарии с заголовком

- *Die Ukraine ist schuld* (Spiegel, 10. 01. 2009)

речь идет о том, кто виноват в газовом конфликте между Россией и Украиной. Немецкий заголовок носит эмфатический характер и построен по типу Rh – Th, где рема - существительное *die Ukraine*. В русском языке для адекватной передачи содержания данного заголовка предложение необходимо построить по формуле Th – Rh, поставив существительное *Украина*, являющееся в предложении ремой, в конечную позицию:

- *Виновата Украина*.

1.2. Замена синтаксической конструкции

Копируя синтаксические конструкции из текста оригинала, переводчик рискует нарушить нормы языка перевода. Поэтому необходимо прибегать к одной из распространенных синтаксических трансформаций – **замене синтаксической конструкции**.

В статье об инаугурации президента США Барака Обамы заголовок сформулирован в качестве назывного предложения:

- *Barack Obamas Rede an die Seele Amerikas* (Welt, 20. 01. 2009).

Поскольку на русском языке назывное предложение будет перегруженным и непонятным, переводчик может использовать прием замены синтаксической конструкции, превратив предложение в двусоставное. Это позволяет добиться обозримости и большей динамичности заголовка на русском языке:

- *Барак Обама обратился к душе Америки*.

2. Лексико-грамматические трансформации

Для достижения адекватности перевода расхождения в системах двух языков заставляют переводчика прибегать к различным **лексико-грамматическим трансформациям**: *смысловому развитию, компенсации, конкретизации, антонимическому переводу и др.*

2.1. Смысловое развитие

Этот прием заключается в том, что при переводе разъясняется то или иное понятие, более конкретными и наглядными становятся его связи с сообщаемым [5].

- *Geschmiert und gereinigt* (Zeit, 05. 08. 2007). – *Взятки в России*:

Подмазать и отмыть

В статье *Geschmiert und gereinigt* речь идет о коррупции и отмывании денег в России, поэтому чтобы заголовок был понятен и соотнесен с реальной ситуацией, необходимо его конкретизировать. Добавляя начальный элемент *Взятки в России*, переводчик указывает тему газетного материала, которая служит ориентацией для читателя. Только в этом случае получатель информации перевода может правильно понять вторую часть заголовка, в которой используются жаргонизмы «*schmieren*» - «*подкупить, подмазать*» и «*reinigen*» - «*отмывать (деньги)*».

В статье *An der Kehle*, опубликованной в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, говорится о безвыходном положении Украины в газовом конфликте с Россией. Поскольку выражение “*es geht jmdm. an die Kehle*” имеет значение. „*jmdm. droht große Gefahr*“ [6], в русском языке представляется возможным использование близкого по смыслу выражения «*взять кого-либо за горло; быть в ловушке*», а также расширение заголовка за счет указания объекта действия - *Украина*:

- *An der Kehle* (FAZ, 15. 01. 2009). – Украина в ловушке.

2.2. Компенсация

Компенсация подразумевает под собой замену стилистических средств оригинала другими равноценными стилистическими средствами в тексте перевода или в возмещении в одном месте текста стилистических средств равноценными средствами в другом месте [5].

В опубликованной в газете *Die Welt* статье под названием *Die Zeitung der Todesmutigen* говорится об убийствах четырех журналистов *Новой газеты*. Поскольку в русском языке отсутствует эквивалент существительного „*der Todesmutige*“, на русский язык его можно перевести лишь в качестве придаточного определительного «*те, кто презирает смерть*»:

- *Die Zeitung der Todesmutigen* (Welt, 31. 01. 2009). – Газета тех, кто презирает смерть.

В опубликованном в журнале *Der Spiegel* комментарии *Im engen Schulterschluss* министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер пишет о необходимости сотрудничества США и Европы в различных областях: обеспечении стабильности в конфликтных регионах, экономическом партнерстве и предотвращении второй Холодной войны. Поскольку существительное „*der Schulterschluss*“ отсутствует в русском языке, представляется возможным перевод этого заголовка на основе одного из его компонентов:

- *Im engen Schulterschluss* (Spiegel, 12. 01. 2009). – Плечом к плечу; В тесном союзе.

2.3. Конкретизация

Конкретизация заключается в уточнении недифференцированных, абстрактных или непонятных получателю перевода понятий [5]. Например, партия ХДС в немецкой прессе часто обозначается как «*die Union*» – Союз. Поскольку данная форма не будет понятна русскому читателю, в переводе необходимо применить прием конкретизации:

- *Union: Nicht unser Problem* (SZ, 26. 01. 2009). – ХДС: это не наша проблема.

2.4. Антонимический перевод

Для более точного выражения мысли на русском языке, в некоторых случаях применяется **антонимический перевод**. Он заключается в употреблении в переводе слов противоположного значения для добавления или, наоборот, снятия отрицания, содержащегося в тексте оригинала [5]. Особенно часто этот прием применяется при переводе двойного отрицания:

- *Gaza: Neuer Konflikt nicht unmöglich* (Spiegel, 23. 06. 2007). – Сектор Газа: возможен новый конфликт.

Таким образом, следует подчеркнуть, что переводчик может сделать качественный перевод газетно-журнального комментария, только если он обладает обширными фоновыми знаниями, хорошо знаком с представленной в статье проблемой, действующими лицами и фактами. Только такие знания позволят переводчику правильно понять и передать на языке перевода многочисленные намеки и аллюзии, встречающиеся в тексте оригинала.

Сталкиваясь с вышеназванными трудностями при передаче немецких заголовков на русский язык, переводчик вынужден прибегать к различным трансформациям. Безусловно, нельзя говорить о том, что существуют универсальные правила перевода того или иного эмоционального или образного средства. Подход к оформлению каждого заголовка на языке перевода должен быть индивидуальным.

Библиографический список

1. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М.Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. – М.: 1958.
2. Гусякова Н.В. Прагматическая составляющая семантики газетных заголовочных комплексов (на материале журнала «Deutschland») / Н.В.Гусякова // Язык и социокультурная среда. Аспекты взаимодействия: Материалы 48 научно-методической конференции «Университетская наука региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.
3. Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества / Г.Ф.Вороненкова. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
4. Аверкина Л.А. Порядок слов в русском и немецком языках в аспекте перевода / Л.А.Аверкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. Выпуск 1. Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2007.
5. Роганова З.Е. Пособие по переводу с немецкого на русский язык / З.Е.Роганова. – М.: «Издательство литературы на иностранных языках», 1961.
6. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 3., völlig neu bearb. Und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverl., 1996. CD-ROM
7. Frankfurter Allgemeine Zeitung [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.faz.net/s/homepage.html>, свободный.
8. Der Spiegel [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.spiegel.de/>, свободный.
9. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/>, свободный.

10. Die Welt [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.welt.de/>, свободный.
11. Die Zeit [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.welt.de/>, свободный.

Список сокращений

1. FAZ - Frankfurter Allgemeine Zeitung.
2. Spiegel - Der Spiegel.
3. SZ - Süddeutsche Zeitung.
4. Welt - Die Welt.
5. Zeit - Die Zeit.

Сведения об авторах

Аверкина Лариса Алексеевна
зав. кафедрой теории и практики немецкого
языка и перевода НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
Капитонова Анна Михайловна
студентка 5-го курса переводческого
факультета НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: perevod@lunn.ru

ПРОДУКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМА РОДОВИДОВЫХ ЗАМЕН ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РУССКИХ РЕАЛИЙ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

М.Л. Алексеева

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург*

В данной статье рассматривается роль приема родовидовых замен в системе переводческих приемов, используемых для перевода реалий. В статье показана суть данного переводческого приема, преимущества и недостатки его использования при переводе художественной литературы. Специфичность применения данного переводческого приема для перевода различных видов русских реалий показана на материале двадцати параллельных переводов романов Достоевского на немецкий язык. Ключевые слова: реалия, переводческие приемы, прием родовидовых замен, перевод художественной литературы.

Efficiency of Using Hyperonymic/Hyponymic Technique in the Translation of the Russian Realias into German Maria Alekseyeva

The article shows the place of hyperonymic/hyponymic technique in the classification of the realia translation techniques. It reveals the essence of this translation technique, advantages and disadvantages of its application when translating fiction. Specificity of application of this translation technique for translation of various types of the Russian realias is shown on the material of twenty parallel translations of Dostoyevsky's novels into German.

Key words: realia, translation techniques, hyperonymic/hyponymic technique, translation of fiction.

Реалии представляют собой интереснейший объект изучения, о чем свидетельствует множество теоретических работ, начиная с 50-х годов XX в. и по начало XXI в. В настоящее время существуют различные подходы, с позиций которых можно рассматривать данный языковой и культурный феномен. Они являются актуальным объектом целого ряда смежных лингвистических дисциплин: переводоведения, сопоставительной лингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, этнопсихолингвистики, теории межкультурной коммуникации. Такое

многоаспектное изучение может привести к весьма интересным результатам. Однако различное понимание данного феномена, а также неодинаковая трактовка объема понятия реалия, вызывают необходимость уточнить как сам термин, так и объем понятия.

В современном переводоведении данный термин используется в качестве родового: R-реалией от фр. *réalité* называют явление внеязыковой действительности: предмет, C-реалией от фр. *culturel* - его культурный эквивалент: концепт и L-реалией от фр. *lexème* - средство номинации этого концепта в языке: лексема (подробнее см. [1. С.4]). Хотя теория реалии проделала долгий путь в своем становлении, до сих пор некоторые вопросы остаются дискуссионными.

В частности, исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, что составляет объем понятия реалии. Не подлежит сомнению, что в состав реалий входят слова, называющие специфические явления природы, эндемики, блюда, напитки, одежду, обувь, жилище и его части, транспортные средства, меры, денежные единицы, учреждения, органы власти, государственные и общественные организации одного народа. Можно отметить такие характеризующие признаки реалий:

- а) национально-культурная маркированность;
- б) уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры;
- в) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным.

Таким образом, в качестве реалий при переводе текстов с одного языка на другой рассматриваются нарицательные имена существительные, именуемые уникальные национально-специфичные предметы и явления.

Следует отметить, что существует и широкое понимание данного языкового и культурного феномена. Некоторые ученые-лингвисты к числу реалий помимо апеллятивной лексики относят ономастические реалии: топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны, а также реалии афористического уровня: цитаты, крылатые слова и выражения. Такое понимание реалий находит отражение в новых лингвистических направлениях: лингвострановедении, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике и теории межкультурной коммуникации. Данный подход позволяет охватить разные виды реалий и может обеспечить полное отражение разнообразного материала в толковых словарях общего типа.

Более узкого подхода придерживаются в работах, освещающих вопросы, связанные с техникой передачи реалий на иностранный язык: переводческими приемами и их комбинациями, продуктивностью их применения, факторами, влияющими на выбор того или иного приема передачи реалии (см. например, [2-6]). В рамках такого подхода имена собственные не включаются в круг реалий, а выделяются как

самостоятельный разряд лексики. Это обусловлено тем, что именам собственным присущи свои признаки и приемы перевода. Данный подход позволяет выявить и изучить весь спектр приемов передачи данного слоя лексики в различных видах и типах перевода и для разных пар языков, а также представить материал в переводных учебных и диахронических словарях.

Выбор того или иного определения данного языкового и культурного феномена полностью зависит от целей проводимого исследования. Признавая целесообразность каждого из указанных подходов к пониманию реалии, наиболее актуальным для переводческих исследований считаем последний. Такой подход дает ответ на значимый для переводоведения вопрос о единицах перевода, а также обеспечивает достоверность результатов исследований по технике перевода. Поскольку в данной работе реалии рассматриваются в русле теории перевода, автор статьи придерживается более узкого подхода.

Анализ теоретической литературы по проблеме передачи реалий на иностранный язык показывает, что в настоящее время наряду с термином прием активно используется термин способ перевода. Как отмечает В.Г.Степанов, эти термины в отечественной практике перевода и редакционной подготовки изданий переводной литературы рассматриваются как синонимы. Мы придерживаемся термина переводческий прием, в значении конкретной операции, производимой над реалией в исходном тексте с целью получения вариантов ее перевода. Представляется, что это наиболее точный термин для наименования данной переводческой операции, своего рода локальной стратегии или микростратегии перевода, термин И.С.Алексеевой [8. С.16].

Способы или приемы перевода стали объектом переводческого исследования во второй половине XX века. Первая классификация переводческих операций в работе отечественного теоретика и практика перевода Я.И.Рецкера. В то время вопрос о психологической реальности выделяемых операций не ставился. Они выявлялись путем сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Условно были выделены два основных класса: подстановки и трансформации. При подстановках происходит перевод отрезка текста «слово в слово», а трансформации требуют отступления от оригинала из-за семантических и структурных различий в двух языках. Основой данной классификации служит наличие между языками семантического и структурного сходства. Обе переводческие операции использовались относительно единиц различного уровня: слов, словосочетаний, предложений, вплоть до сверхфразового единства.

В это же время разрабатываются классификации приемов передачи безэквивалентных лексических единиц, в состав которых авторы включали и реалии [9-11].

Впервые приемы перевода реалий (как самостоятельного класса лексики) были предложены в трудах видного отечественного ученого, переводчика и педагога А.В.Федорова. Он еще в начале 50-х годов выделил слова, обозначающие специфические реалии из всего слоя безэквивалентной лексики, указал на необходимость фоновых знаний, на их особенности, трудности при переводе и наметил пути преодоления этих трудностей. Исходя из фактически встречающихся в переводных текстах возможностей передачи, он выделил три основные: 1) транслитерацию: полную или частичную; 2) создание нового слова; 3) приблизительный перевод [12. С.139]. Мы не находим среди перечисленных приемов транскрипцию, но это можно объяснить тем, что она получила распространение в переводческой практике только в 60-х гг. XX в. В более поздних работах добавляется транскрипция и гипонимический, или обобщенно-приблизительный, перевод (см., например, [13. С.206]). Несмотря на огромное количество работ А.В.Федорова (более 150 статей и 10 книг по теории и практике перевода), не все переводчики «замечали» этот слой лексики и трудность его передачи при переводе на другой язык.

Мы разделяем мнение отечественных теоретиков перевода относительно того, что приемы передачи реалий нельзя относить ни к подстановкам, ни к трансформациям, поскольку им присущи черты и того, и другого, и своя собственная специфика [14. С.133].

Рассмотрим современную типологию приемов передачи реалий и попытаемся определить место приема родовидовых замен в системе переводческих приемов, его сущность и особенности его использования при переводе с русского языка на немецкий.

В зависимости от способа передачи формы и содержания, а также сохранения либо стирания национального и исторического колорита реалий различают четыре типа приемов передачи реалий (подробнее см. [7]):

- 1) приемы механической передачи;
- 2) приемы создания нового слова;
- 3) разъясняющие приемы;
- 4) уподобляющие приемы.

Данная статья посвящена специфике одного из уподобляющих приемов передачи безэквивалентных национально-специфичных лексических единиц: приему родовидовых замен. К данному типу помимо названного приема относятся различного рода замены: своим, чужим или контекстуальным аналогом:

4. Уподобляющие приемы.
 - 4.1. Замена своим аналогом (сА).
 - 4.2. Замена чужим аналогом (чА).
 - 4.3. Родовидовые замены (рвЗ).
 - 4.4. Контекстуальный аналог (кА).

Третий прием этой группы — родовидовые замены называют гипонимическим [13. С.214; 15.С.132] или обобщенно-приблизительным приемом [1. С.18]. Он предполагает замену реалии оригинала словом языка перевода, обозначающим видовое (гипоним) или родовое понятие (гипероним), таким образом, сужая или расширяя его значение. Этот прием используют при отсутствии необходимого приблизительного соответствия в языке перевода или освоенной реалии из третьего языка. Национальный характер реалии языка источника может полностью стираться или частично восполняться за счет уточняющих слов, которые выделяют главную национальную черту, позволяющую квалифицировать этот предмет как относящийся к русской культуре [1. С.88].

Как показывает исследование, проведенное на материале двадцати параллельных разновременных переводов романов Ф.М.Достоевского, прием замены своим аналогом активно используется и немецкими переводчиками при передаче некоторых видов русских реалий [7].

Отметим, что вид реалий определяется по их отнесенности к различным тематическим группам, поскольку именно тематическая классификация позволяет наиболее полно систематизировать реалии, очертить основные сферы русской действительности, которым принадлежат денотаты этих слов. Классификация русских реалий разработана на основе классификации, предложенной в работе болгарских теоретиков и практиков перевода С.Влахова и С.Флорина с учетом специфики нашего материала.

Наибольшая частотность применения данного приема характерна для реалий, называющих предметы одежды, обуви и головные уборы. Проведенное исследование позволяет утверждать, что это основной прием передачи реалий данного вида на немецкий язык (составляет 45%). Нужно, однако, сказать, что почти все предметы, обозначаемые соответствующими реалиями, исчезли из употребления. Такие реалии в переводоведении принято называть историческими, следовательно, они малоизвестны и их истинное значение полностью скрыто для среднего немецкого читателя. Это не могло не повлиять на принятие переводческих решений.

Проиллюстрируем применение данного приема на материале немецких переводов романов Ф.М.Достоевского:

- И вот во время уже проповеди подкатила к собору одна дама на легковых извозчичьих дрожках прежнего фасона, то есть на которых дамы могли сидеть только сбоку, придерживаясь за **кушак** извозчика и колыхаясь от толчков экипажа, как полевая былинка от ветра («Бесы», с.158).

- Da kam, nachdem die Predigt schon begonnen hatte, noch eine Dame in einer leichten Mietdroschke angefahren, in einem von jenen altmodischen Vehikeln, auf denen Herren rittlings, Damen nur seitlich sitzen konnten, weshalb sie sich **an dem Gürtel** des Kutschers festhalten mußten, da sie bei

jedem Stoß des Wagens wie Wiesengräschen im Winde schaukelten (перевод Х.Хербот, 1921:36).

- Und sie da, als Predigt schon begonnen hatte, fuhr beim Dome eine Dame in einer leichten Droschke alter Bauart vor, das heißt in einer jener Droschke, in denen Damen nur seitwärts sitzen können, sich **an dem Leibgurt** des Kutschers festhalten müssen (перевод Х.Рель, 1921:201).

Прием родовидовой замены, которым воспользовались переводчики, позволил приблизительно воссоздать содержание реалии с помощью более широкого родового понятия: *кушак* (устар. широкий, матерчатый пояс) — *Gürtel* (пояс), передавая ядерный компонент денотативного значения русской лексемы. По нашему мнению, более удачный вариант перевода подобрал Х.Рель. Он использовал устаревшее немецкое слово *Leibgurt* (устар. пояс), сохранив исторический колорит. Передача ядерного компонента содержания обеспечивает функциональное сходство и минимальную адекватность перевода, но стирание национального колорита снижает адекватность всего перевода в целом.

Достаточно высокая частотность применения этого приема отмечается при передаче кулинарных реалий (15%):

- ...затем котлеты из красной рыбы, мороженое и компот и, наконец, **киселек** вроде бланманже (роман «Братья Карамазовы», с. 88).

- ...darauf Koteletts aus rotem Fisch, Gefrorenes und Kompott, und zum Schluß noch **eine süße Speise** in der Art eines Sahnegelees (перевод Э.Разин, 1906:139).

Реалия *кисель* передается на немецкий с помощью разных приемов: с использованием более широкого родового понятия: *süße Speise* (сладкое блюдо) либо с помощью чужих аналогов: *Fruchtpudding* (fr. -engl. фруктовый пудинг) и *Creme* (schweiz. крем). В данном случае Э.Разин использует гипероним — слово с более широким значением. Переводчики прибегают к заменам названиями различных десертов или обобщенному переводу, так как в немецкой кулинарной традиции не существует ничего похожего на этот напиток. На наш взгляд, ни один из переводов названия данного блюда нельзя считать адекватным. Поскольку реалия *кисель* не является историзмом, ее следовало бы транскрибировать и пояснить в затекстовом комментарии.

Так же высокую частотность этот прием сохраняет при передаче реалий транспорта, например:

- Он непременно хотел втроем и говорил префантастические вещи, про **ладью** и про кленовые весла из какой-то русской песни («Бесы», с.503).

- Sich selber zählte er dabei immer mit, wollte unbedingt, daß wir zu dreien sein sollten, redete die phantastischsten Dinge zusammen von einem **Boot** mit Rudern aus Ahornholz, wie es in einem russischen Lied heißt (перевод М.Кегель, 1961:634).

Русская реалия *ладья* (устар. В старину на Северном поморье и реках: плоскодонная лодка, небольшое парусное судно) относится к историзмам, незнакомых или малознакомых немецкому читателю словам, поэтому переводчики стараются достичь хотя бы функционального сходства реалии и ее переводных эквивалентов. М.Кегель не сохраняет русскую реалию, заменяя ее нейтральным более широким по смыслу словом *ладья* — *Boot* (лодка). В данном случае стирается и исторический, и национальный колорит. Хотя в данном случае можно сохранить исторический колорит, подобрав устаревшее немецкое слово, например: *ладья* — *Nachen* (чёлн).

- Er wollte durchaus, daß wir drei uns zusammenschlössen, und redete phantastisches Zeug von einem **Nachen** und von Rudern aus Ahornholz, das komme in einem russischen Volksliede vor (перевод Х.Рель, 1921:727).

Представляется, что наибольшей степени адекватности в данном случае добивается Х. Рёль, так как немецкий аналог выполняет сходную функцию в данном контексте. Переводчик творчески подходит к решению поставленной задачи, ему удается создать сходный образ у немецкого читателя, сохраняя историческое своеобразие, но принося в жертву национальный колорит. Это снижает качество перевода и существенно обедняет его текст.

Прием замены гиперонимом активно используется немецкими переводчиками также при передаче трудовых, административно-территориальных, военных реалий, а также реалий, называющие жилые постройки, помещения, их части, предметы мебели и домашнего обихода. Объем данной статьи не позволяет проиллюстрировать перевод реалий всех видов.

Рассмотрим применение при переводе русских реалий приема замены гипонимом — слов с более узким значением. Этот прием не обладает высокой частотностью, однако немецкие переводчики прибегали в ряде случаев к его использованию. Например, при передаче административно-территориальных реалий:

- Я вас спрошу: много ли можно достать камелий в **уезде**, когда все их для балов спрашивают, хотя бы балов и немного было? («Идиот», с.200).

- Nun frage ich Sie: war es wohl möglich, viele Kamelien in einer **Kreisstadt** aufzutreiben, wenn alle Leute welche für die Bälle beschaffen wollten, auch wenn die Bälle nicht sehr zahlreich waren? (перевод Х.Рёль, 1923:211).

В самом раннем переводе этого романа Х.Рёль передает русскую реалию *уезд* приблизительно. Немецкий переводчик использует гипоним (видовое понятие): *уезд* — *Kreisstadt* (районный центр), несколько сужая значение реалии. Более удачный вариант дается в переводах, выполненных позднее: А.Лютер (1959), Х.Хербот (1986) и С.Гайер (1996), где данная

единица административного деления России заменяется немецкой. В данном контексте переводчики используют прием замены своим аналогом: *уезд* — *Landkreis* (район). Они предлагают функционально более точное по сравнению с предыдущим переводом решение, замещая русскую реалию *уезд* на функционально равную ей единицу административного деления Германии: *уезд* — *Kreis*, достигая с помощью этого приема большей степени адекватности

Итак, изучение особенностей использования приема родовидовых замен при передаче различных видов русских реалий в немецких переводах произведений Ф.М.Достоевского выявляет высокую частотность его применения и позволяет обнаружить как ошибки перевода, так и сознательные отклонения от текста оригинала для достижения функционального подобия с целью вызвать коммуникативный эффект, то есть определенную запланированную реакцию адресата, и добиться адекватности эстетического воздействия оригинального текста и текста перевода. Если рассматривать общие изменения техники перевода русских реалий на немецкий язык в диахронии [17. С.18-23], можно проследить тенденцию к снижению использования этого переводческого приема в современных переводах художественных произведений на немецкий язык.

Библиографический список

1. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка / Н.А.Фененко. – Воронеж, 2001.
2. Bödeker, B. Terms of Material Culture in Jack London's *The Call of the Wild* and its German Translation / B. Bödeker // *Interculturality and the Historical Study of the Literary Translation*. – Berlin, 1991.
3. Florin, S. *Realia in Translation* / S.Florin // *Translation as Social Action. Russian and Bulgarian Perspectives*. – London, 1993.
4. Солнцев, Е.М. Анализ требований к переводу названий реалий и моделирование процесса перевода / Е.М.Солнцев // *Общественные науки : вопросы теории и практики*. – М , 1999.
5. Markstein, E. *Realia* / E.Markstein // *Handbuch Translation*. – Tübingen, 1999.
6. Steuer, P.R. ...ein zu weites Feld? Zur Übersetzungstheorie und Übersetzungspraxis anhand der Kulturspezifika in fünf Übersetzungen des Romans «Ein weites Feld von Günter Grass» / P.R.Steuer. – Stockholm, 2004.
7. Алексеева, М.Л. Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф.М.Достоевского [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2007.

8. Алексеева, И.С. Принципы перевода междометий: функция, ситуация, культурная специфика? [Текст] / И.С.Алексеева // Университетское переводоведение. Вып. 9. Материалы IX международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения». – СПб, 2008.
9. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И.Рецкер. – М., 1974.
- 10.Kade, O. Qualitätsstufen der Übersetzung / O. Kade // Fremdsprachen. – 1964. - № 4.
- 11.Levy, I. Die literarische Übersetzung. Geschichte, Theorie einer Kunstgattung / I. Levy. – Frankfurt/Bonn, 1969.
- 12.Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В.Федоров. – М., 1953.
- 13.Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы / А.В.Федоров. – СПб., 2002.
- 14.Латышев, Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л.К.Латышев, А.Л.Семенов. – М., 2003.
- 15.Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л.Нелюбин. – М., 2003.
- 16.Алексеева, М.Л. Приемы передачи реалий в диахроническом аспекте / М.Л.Алексеева // Наука о переводе сегодня: Мат-лы междунар. науч. конф-ции. 1-3 октября 2007 г. Высшая школа перевода МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 2007.

Сведения об авторе

Алексеева Мария Леонардовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры немецкой филологии

Уральского государственного педагогического университета

e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧЬЮ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Т.М. Балыхина

Российский университет дружбы народов, Москва

Данная статья посвящена наблюдениям за эволюцией в современном русском языке и речи. Указанные речевые характеристики могут вызвать определенные затруднения при переводе.

Ключевые слова: речь, эволюция, толерантный, творческий, современный.

Watching Modern Russian Speech: Difficulties of Translation **Tatiana Balykhina**

The article is devoted to the observation of evolution in modern Russian language and speech. These speech characteristics can cause certain difficulties while translating.

Key words: speech, evolution, tolerant, creative, modern.

Современную эволюцию в языке можно с уверенностью охарактеризовать как высокодинамическую. Парадокс современного развития русского языка связан с его открытостью к заимствованиям. Пугающим кажется то, что каждое седьмое слово заимствуется в русский язык извне. Вместе с тем нельзя не вспомнить, что, к примеру, в английском языке 50% слов – это слова, перешедшие из латинского и других языков. Не все слова и не всегда легко приживаются в языке. Так, прочно укрепилось в обиходе слово *промышленность* («виновник» тому Н.М.Карамзин), но не вошло русское же – *мокроступы* (предпочтение было отдано *калошам*). Не ощущается заимствованность слов: *лебезить* (из немецкого *Ich Liebe sie* «я люблю тебя»), *шаромыжничать* (из французского *cher ami* «милый друг» - так в войну 1812 года отступающие французы просили хлеб у русских крестьян); *шантрон* (из французского *chantera pas* «не будет петь» - так хормейстер отсеивал детей без слуха).

Народная этимология помогает «высветить» богатый потенциал русской лексики: *куркулятор* (куркуль – «жадный»), *демокрад* (от красть), *гувернянька*, *привилегенция* и т.д.

Исключительная особенность русского литературного языка заключается в его постоянном совершенствовании путем включения в систему все новых и новых, поначалу структурно и содержательно чуждых элементов и определения отношения к ним: заимствовать или исключить. В.В. Колесов называет это качество русского языка, современной русской речи «выживаемостью», точнее «силой выживаемости» в новых социальных условиях, позволяющей гибко откликаться на потребности времени.

Вместе с тем современный литературный язык и современная русская речь отличается от данных феноменов прошлых этапов развития тем, что

а) устная форма речи стала столь же авторитетной и важной, как и письменная, а это привело, в свою очередь, к функциональному «столкновению» литературного языка с разговорным;

б) обозначилось противостояние между системой и нормой: отточенная в своем совершенстве система языка делает в некотором смысле норму «излишней» (на самом деле данная языковая ситуация объясняется также тем, что ослаблена кодифицирующая деятельность авторитетных организаций и лиц: театр – актеры, телевидение – дикторы; появились справочники, допускающие колебания и принимающие языковые и речевые варианты. Современная русская литература характеризуется многожанровостью, что порождает стилистические колебания и делает «целесообразным» их существование);

в) изменяется материальная основа существования литературного языка: образцовым текстом становятся не только художественный или научный, но и публицистический с его современными «вольностями»;

г) исчезает высокий стиль, его место постепенно занимает средний, нейтральный, нормативный стиль, на уровень же последнего выходит разговорный. Научно обосновывая данную ситуацию, ученые с болью признают: «Мы становимся беспмятными в своем прошлом, потому что сами же разрушаем функционально взвешенную систему трех стилей, стремясь за веком в сиюминутных его новшествах. В то время как «итальянцы читают Данте, а французы Расина как своих современников (глубина залегания их культуры весьма значительна) – мы не можем читать без перевода ни «Слово о полку Игореве», ни пророка Аввакума» (В.В.Колесов).

В.К.Харченко, рассуждая о современной речевой культуре русского этноса, обращает внимание на ряд причин «разговорного сверкания языка». В любом обществе, по мнению исследователя, именно высшие слои и их представители выполняли функцию идеалоносителей нации: «В России постоянно ощущался и продолжает ощущаться дефицит элитарных слоев населения. Революция, эмиграция, война, раскулачивание, чистка, демографический кризис, неуверенность в завтрашнем дне и многое

другое приводили и продолжают приводить к дефициту лучших людей общества. Проблема дефицита лучших есть проблема дефицита образцов для подражания. Поэтому когда говорят о распространении сквернословия, безликости научных публикаций, агрессивности русских, нетребовательности к форме речи, проявляющейся, например, в утрате склонений имен числительных, когда все эти наблюдения педалируют, будем помнить о пережитых Отечеством исторических катаклизмах».

В нашей статье хотелось бы не менее рассмотреть процессы, происходящие в русской речи, с позитивной точки зрения, поскольку объективная оценка явления не есть нахождение плохого, спорного. Маргарет Мид справедливо замечает по этому поводу, что в человеческой природе есть интересная особенность: с развитием цивилизации людей начинает больше интересоваться плохое, нежели хорошее. Возможно, это бумерангом возвращается в язык, речь. Исследователи (Ф.А.Литвин) отмечают, что у слова «хороший» семантическое гнездо в разных языках меньше, нежели у слова «плохой», позитивные эмоции, например, в русском языке номинируют 95 фразеологизмов, нейтральные – 75, тогда как негативные эмоции передаются 309 фразеологизмами.

Итак, современная речь – это живая речь в многообразии ее проявлений, призванных регулировать социализацию и индивидуализацию личности и характеризующихся такими признаками, как сиюминутность, непринужденность, спонтанность, приватность, эмоциональность, вежливость, гиперболоизация, междометность.

Междометность речи сигнализирует, по мнению В.Д.Девелина, о творческом отношении к речевому взаимодействию. Это характерная черта разговорного дискурса, концентрированное, непосредственное выражение эмоций. **Междометность**, а конкретнее звукоподражание, перестала быть «прерогативой» детской речи; более того поражает обилие и многообразие «междометного материала», так как в разряд речевых «приставок к чувствам» (так М.К.Мамардашвили назвал междометия) переходят знаменательные части речи, словосочетания, фразеологизмы («*Полный Елеги!*», «*Кошмар!*», «*У неё женского мяу-мяу нет!*»).

Хезитация - известный речевой прием заполнения пауз, сигнализирующий либо о неподготовленности, либо о непринужденности речи. Российские педагоги, лингвисты сейчас активно протестуют против засорения речи *ну, как бы, значит, короче, типа, это самое* и др. Хотя причины хезитации не в демократизации норм общения, они глубже: причина в неумении молча подбирать слова, что свидетельствует о небогатых читательских вкусах, бедной речевой практике, является следствием подражания дозволенному.

Опора современной речи на ситуацию, сиюминутность, берущих на себя передачу части информации (компенсаторная функция ситуации), развила такое свойство речи, как **компрессия**, сжатие речевых форм.

Последнее может быть преднамеренным и непреднамеренным наложением частей слова, частей высказывания. Помните в фильме «Осенний марафон»: *«Твоя Н.Е.»* (*Нина Евлампеевна*). Компрессия способна выразить эмоции, настроение, отношение, драматизм переживаний.

Контаминация была и остается одной из игровых речевых тактик и одной из разновидностей компрессии: *«ЕльЦЕНЫ»*, *«Не плюй в колодец: вылетит — не поймаешь»* и др. Это примеры преднамеренной контаминации или наложения синтагм и смыслов. Сейчас таким средством языковой игры «захвачена» публицистика, реклама (Ср. известное выражение и его историческую интерпретацию *«Казнить нельзя помиловать»* и современную рекламу *«Копить нельзя купить»*). Хуже, если контаминация - проявление низкой речевой культуры, а не словотворчества, например, *«скрипя сердцем»* и т.п.

Еще одним явлением в современном разговорном дискурсе стало уместное и неуместное использование **метонимии**. Нередко метонимия, связанная со спонтанностью, сиюминутностью речи, поддерживается ситуативной подсказкой: *«У меня 3 Китая, 2 Африки и Бельгия. Гремучая смесь!»* (разговор преподавателей об интернациональном составе учебной группы). Такой «перевод» высказывания в профессиональный код наблюдается часто: *«Это Васильич, гараж!»* (т.е. работник гаража). Вместе с тем высокая информативность, сочетающаяся с экономным обозначением, порождает нередко коммуникативный сбой. Так, объявление стюардессы об экстренной посадке самолета *«Мы садимся ... Надым...»* было воспринято впервые летящими в этом направлении пассажирами как посадка в тундре на поле, где специально разожгли костры, спасая экипаж, людей (речь на самом деле шла о посадке в городе Надыме). Данный пример демонстрирует проявление еще одного свойства речи - **эллиптичности**: *«Кошелка, проходите!»* (обращение к даме с корзинкой), *«Я привез зелень»* (доллары, а не пряности с дачной грядки).

Распространенными в речи стали **экспрессивы**, в особенности грамматические. Механизм их образования заключен в сочетании грамматического сжатия и отклонения от грамматической нормы: *«Мелочи ищем!»* (обращение водителя к пассажирам в маршрутке), *«Ваши плохие самочувствия не в счет»* (администратор служащему).

Содержательная сторона современной речи характеризуется не только спонтанностью и компрессией, но и **деликатностью**: использованием литоты, эвфемизмов, вокативов, приставочного смягчения, цитатного смягчения, избыточности на уровне тавтологии или плеоназма. Позволим вспомнить по поводу литоты анекдот, когда носильщик обращается к грузину с предложением довести до вагона чемодан и слышит в ответ: *«Где ты видишь чемодан? Это мой кошелек»*. Литота утвердилась в песенном творчестве («Уси-пуси» Кати Лель) и заняла прочные позиции в речи: *«Вытью капелечку кофе»*, *«Выкурю*

сигареточку». В ней четко проявляется гендерная – женская – направленность: придать в беспокойное, жесткое время некоторую ласковость, чувственность речи в большей степени стараются женщины.

В России всегда умели плести кружева, вышивать витиеватые узоры, в том числе речевые. Вспомним знаменитую сцену из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя, которая сделала крылатой фразу *«Позвольте Вам этого не позволить»*. Своеобразная русификация заимствований породила плеоназмы типа *юный вундеркинд, памятный сувенир*. В то же время не стали примером неуместной тавтологии сочетания: *белое белье, петть петухом, криком кричать*. Фольклор, художественная литература отражали в избыточности стремление к красоте слова, слога. Категория деликатности в союзе с избыточностью нашла преломление в **приставочном смягчении**: *«подсобираю», «поднакупили», «принаняла»*. В русском узусе это явление имеет долгую историю: *«... Сумел я **принанять** к мадам Розье вторую мать»* (Фамусов Софии в «Горе от ума» А.С.Грибоедова). В приставочном смягчении отражается, кроме стремления к деликатности выражения, речевая традиция русских обозначить некоторое снисхождение к адресату, к себе.

Нельзя не отметить и еще одну очевидную речевую тенденцию – **гиперболизацию** обозначаемого обозначаемым: *«Без мужа я как без рук!», «Что-то ты раскочегарилась!»*

Известно, что гипербола - преувеличение, однако механизм её «сотворения» сложен. В её основу может быть положена **аллюзия** - высказывание, содержащее скрытый намек, широко известный бытовой, исторический или литературный факт. Так, в следующих стихах А.Блока:

«Семейство – вздор, семейство - блажь», -

Любили здесь промолвить гневно.

А в глубине души всё та ж

«Княгиня Марья Алексеевна!»

— намек на слова Фамусова из комедии «Горе от ума» А.С.Грибоедова.

Парадокс - фигура речи, представляющая собой сознательно заостренную формулировку, которая выглядит как противоречивое высказывание: *« Кто отрицает решительно все, тот ничего не отрицает»* (Д.Писарев); парадокс может «поставить» суждение на грань нелепости: *торопись медленно; чем хуже, тем лучше*, но это придает ему особую силу. Парадоксы в современной речи дискредитируют часто известные заповеди: *«Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра»*.

Речевая метонимия, относясь к числу важнейших и наиболее употребляемых средств придания речи выразительности, служит и для

выражения иронии (*Умный нашелся!* вместо *глупый*), и для выражения легкого порицания (*Ах, ты, негодяйчик этакий!*).

Современный разговорный «рисунок» характеризуют **эпитеты, метафоры, сравнения**: *точёная талия, лицо как персик, сливовый, баклажановый, сливочный* наряду с *сафари, корридой* (в обозначении цвета, например, автомобиля), *танк, покрытый незабудками* (о женском характере), *трактор, бульдозер* (о настойчивом, напористом человеке), *одуванчик* (намёк на возраст человека или неприспособленность к жизни); расширение **приставочного глаголообразования** (*Я тебе названиваю; Совсем сегодня укомпьютерилась; Сильно же ты поистопталась* (изменилась, постарела); **изменяющийся состав речевых клише** (*Счастливенько! Наше вам с кисточкой! Поехали!* (о начале какой-либо деятельности). Особой активностью отличается искусство делать комплименты: от открытой, прямой оценки до тонкой, завуалированного (*Ты нас всегда спасал, поддерживал, тащил ... волоком; Ты трудишься как муравей... Пожелаем, так сказать, большому муравью большого плавания; Ваши трёхдюймовые глазки ...; Ты не даёшь себе ни минуты отдыха, даже когда у тебя не все дома*).

Можно ли сейчас сказать, не кривя душой: «Я люблю тебя, русская речь!?»

Толерантно относясь к новым проявлениям в современном разговорном дискурсе, предостережём исследователей от традиционного сопряжения, противопоставления в соизучении речи положительного и отрицательного, негативного, полагая, что системное описание требует изучения комплекса мотивов, порождающих инновации в русской речи.

Сведения об авторе

Балыхина Татьяна Михайловна
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО, декан ФПК РУДН
e-mail: dekan-fpk@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Л.М. Борисенкова

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск

В статье рассматривается феномен когнитивного диссонанса, представляющий собой переводческую проблему. Когнитивный диссонанс ярко проявляется на периферии языковой картины мира, и является причиной ее идиоэтничности. Своеобразие национальной концептосферы, отраженное в немецком языке, проявляется в первую очередь в словообразовании как наиболее идиоэтничном для данного языка способе номинации.

Ключевые слова: картина мира, предпереводческий анализ, концептосфера, словообразование, идиоэтничность, соотносительность эксплицитного и имплицитного, когнитивный диссонанс.

Cognitive Discord as a Translation Problem

Larisa Borisenkova

The article considers the phenomenon of cognitive discord, representing a major translational problem. The cognitive discord is distinctly visible on the periphery of a linguistic picture of the world, and is at the bottom of its idioethnicity. The peculiarity of the national sphere of a concept, reflected in the German language, is shown first of all in word-formation as the most idioethnical way of nomination for the given language.

Key words: the picture of the world, the pretranslational analysis, the sphere of a concept, word-formation, idioethnicity, the correlation of explicit and implicit information, the cognitive discord.

Человек познает мир: в ходе процесса познания он получает информацию об окружающей его действительности. **Проходя через сознание человека, информация превращается в нем в знание.** Систематизированное знание становится системой представлений человека о мире, то есть его концептуальной картиной мира.

Знакомясь с этим миром, человек постоянно ощущает потребность в обозначении очередного кванта приобретенного опыта, наречении его именем. Это позволит ему разумно и экономично превратить приобретенный квант опыта в слово, базовую единицу языка и основную

когнитивную единицу, представляющую собой средство отсроченного мышления и объективации полученного знания (его вербализации и передачи адресату). Так создается лексический состав естественного языка, за счет которого постоянно пополняется обыденная языковая картина мира человека познающего.

Неслучайно период довербального приобретения опыта так недолг в человеческой жизни: **язык ускоряет процесс познания и оптимизирует его во всех отношениях.** Человек познает мир с опорой на уже существующие конвенциональные номинации. «Собственный опыт индивидуума тысячекратно обогащен и скорректирован благодаря языку коллективным опытом человечества» [1. С.30].

Именно через язык обеспечивается простой и естественный доступ к структурам сознания с помощью их вербализации. Именно благодаря языку мы получаем основной объем информации о мире. Человек постоянно познает мир перцептивным путем, через органы восприятия, но «все объяснения и об объектах, и о чувствах мы получаем благодаря языку – через дискурс, общение, тексты. Подавляющее большинство необходимых сведений о мире (прежде всего – научных и теоретических) мы постигаем не в ходе нашей чувственной, предметной, практической деятельности, какой бы важной и базовой она в нашей жизни не являлась, но в ходе деятельности, опосредованной языком» [2. С.43].

А.Вежбицкая исходит из наличия общей базы для всего разнообразия способов концептуализации действительности, обнаруживаемых в различных языках мира [3. С.8]. Такая трактовка возможна благодаря объективности реального мира, законам его существования и развития, и универсальности закономерностей человеческого познания и мышления. Но идентичными концептуальные картины мира носителей разных языков, по-видимому, быть не могут, так как конкретный язык оказывает влияние на мышление его носителя, (см. работы Гумбольдта, Вайсгербера и др.), а, следовательно, и на его концептуальную картину мира. По мнению А.Вежбицкой родной язык отдельного индивида очевидным образом оказывает влияние на его концептуальный взгляд на жизнь [3. С.20].

Лексика – основной компонент, формирующий ядро языковой картины мира, при рассмотрении которого А.А.Уфимцева опирается на результаты исследований А.А.Залевской, выдвинувшей идею ядра лексического состава языка. «Общая, интегральная картина есть совокупность содержания, выраженного вербально, первичными наименованиями, основывающимися на наивном представлении о мире; это относительно постоянная, медленно меняющаяся во времени картина мира, представляющая собой результат семантического картирования (semantic mapping), итог первичного знакообразования, фиксирующий

общий, или первичный (базисный) словарь каждого конкретного языка» [4. С.134].

Но, по-видимому, не все так однозначно с устройством языковой картины мира, и это хорошо знают билингвы, изучающие иностранный язык, а также переводчики. Проблемы возникают обычно при работе с материалом не ядра, имеющего черты значительного сходства в различных европейских языках, а **периферии языковой картины мира, на которой и проявляется своеобразие национальной концептосферы, отраженное в языке**, и обусловленное национальной ментальностью, один из основных источников которой – культура соответствующей нации в широком смысле слова: история, географические условия проживания и т.д.

Когнитивный подход к языку является основой новой парадигмы знания. и может помочь не только точнее постичь содержательные глубины языка – как родного, так и иностранного, – и в итоге адекватнее изучить его, но также глубже и тоньше познать внутренний мир носителей языка и действительность, окружающую их, так как «...язык ничего не придумывает, а выражает глубинные смыслы бытия» [5. С.71].

Один из основных постулатов когнитивной лингвистики гласит: *знание образуется вследствие не только отражения мира, но и его интерпретации*. То есть человек сможет создать объективирующую это знание номинацию лишь в том случае, если он в состоянии дать отражаемому фрагменту мира свое видение, которое формируется несколькими факторами: менталитетом и нормативными установками соответствующего социума, личностными особенностями воспринимающего человека и структурой самой ситуации. Отраженный и интериоризованный фрагмент действительности, ее «ментальный слепок», проходит с учетом человеческого фактора, а также требований ситуации или контекста (а значит, авторской интенции и прагматики) *стадию интерпретации*, превращается в понятие vs. значение, и получает соответствующее имя.

Акт семиозиса завершен, новая номинация способна вызывать в сознании реципиента образ объекта, в том числе и в отсутствие референта. После прохождения этапа социализации и конвенционализации новая единица помещается в долговременную память носителей языка, становится фактом языка, объективирует знание, разделяемое языковым сообществом, и участвует в коммуникации, также имеющей когнитивную природу.

Носители двух разных языков *одинаково отражают* воспринимаемый фрагмент действительности, но *интерпретируют его* в силу указанных выше причин *по-разному*. Именно это и является источником возникновения **когнитивного диссонанса** для билингва и переводчика, работающих с иностранным языком. Они *видят* тот же

объект, что и носители языка, но *смотрят* на него по-другому.

Причем степень когнитивного диссонанса варьируется в широком диапазоне: он отсутствует или незначителен в концептах, локализуемых в ядре картины мира, и при работе с этой частью лексического состава иностранного языка ни у билингва, ни у переводчика проблем не возникает. Но когнитивный диссонанс ярко (подчас очень ярко) проявляется на **периферии языковой картины мира**, и является источником и причиной ее **идиотничности**, то есть своеобразия национальной концептосферы, отраженного в языке.

В этом случае подготовительная работа к осуществлению перевода осложняется: на стадии предпереводческого анализа переводчику необходимо реконструировать смысл текста на ИЯ, но реконструкция значения лексических единиц, находящихся на периферии картины мира и являющихся частью текста на ИЯ, требует от него дополнительных усилий по преодолению когнитивного диссонанса, затемняющего их смысл. Рассмотрим примеры реконструкции смысла подобных единиц.

Основная особенность периферии немецкоязычной языковой картины мира – словообразовательные единицы, в первую очередь – композиты, особенно наглядно отражающие специфику немецкой концептосферы.

Словообразование – наиболее идиотничный способ номинации в немецком языке. Он оптимально соответствует точной ментальности немецкого языкового сообщества и позволяет облекать комплексные смыслы в емкую однословную форму, задавая при этом необходимую степень соотношенности эксплицитного и имплицитного, что облегчает переводчику работу над инферентным выводом.

«Производное слово оказывается ... маленькой моделью представления знания о мире (выделено мной. – Л.Б.) как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. А словообразовательный акт в связи с этим предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого сознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы и человека» [5. С.46].

Благодаря моделированию словообразование имеет неизмеримо больший лингвокреативный потенциал, чем любой другой способ номинации. Это, по-видимому, и объясняет столь высокий удельный вес словообразования в немецкоязычной картине мира (70-80% ее объема) и позволяет говорить о словообразовании как о средстве мировидения и даже мирозидания немецкоязычного сообщества [6].

Язык, благодаря которому *homo sapiens* может быть *homo socialis*, **антропоцентричен**: естественный язык создается человеком для себя, для удовлетворения своих потребностей. Познавая, сканируя мир, в центре которого – он сам, человек прагматично фокусирует лишь те фрагменты

действительности, которые для него наиболее важны, интериоризует их (замещает физические объекты их ментальными репрезентациями) и дает им названия. И важнейший объект действительности для человека познающего – это он сам. Поэтому согласно данным выполненного анализа «Словаря словообразовательных элементов немецкого языка» [7], представляющего словообразование немецкого языка как систему, центральная субстантивная категория в нем – **когнитивная категория «Лицо»**. Это «сильный», прототипический таксономический класс, наиболее многочисленный из представленных «Словарем», и наиболее детально разработанный.

Идиоэтничность в таксономическом классе «Лицо» характерна в первую очередь для подкласса «Экспрессивно-оценочные характеристики лица» – субкатегории яркой, выразительной, выделяющейся живым своеобразием.

Словообразовательные экспрессивно-оценочные номинации, характеризующие человека мыслящего и чувствующего, представляют собой чрезвычайно широкий спектр характеристик лица, дать название которым было бы непосильно для других способов номинации.

Нейтральные или разговорные лексемы – обозначения лица, превращающиеся во второй словообразовательный элемент, значительно десемантизуются – вплоть до двух сем: лица и пола (как правило, мужского). Семантическая редукция в некоторой мере восполняется прагматическим обогащением: разговорные и даже нейтральные в системе языка обозначения получают в составе деривата дополнительные экспрессивные смыслы и негативную оценочность:

-bruder (Bierbruder – собутыльник, завсегдатай пивной; Schnapsbruder – собутыльник, пьяница; Radaubruder/Raufbruder – буян, скандалист, дебошир); -weib (Klatschweib – сплетница, кумушка, болтунья); -volk : значение собирательности, с оттенком пренебрежения, значение рода нейтрализуется (Affenvolk – бран. дурачье;). В отдельных случаях нейтрализации значения рода сопутствует более интенсивный оттенок пренебрежения: Waschweib – болтун, болтунья; сплетник, сплетница.

Иногда дополнительные прагматические, экспрессивно-оценочные смыслы могут развиваться и усиливаться за счет особенного, в частности, ироничного, отношения к упоминаемому лицу: так, существительное Held, превращаясь во второй компонент композита, не только утрачивает свое словарное значение «герой», но и превращается в его комичную противоположность: «кто угодно, только не герой». При этом степень забавного расхождения между значением исконным и вновь приобретенным может варьироваться в зависимости от существенного прагматического фактора, микроконтекста, заключенного в деривате: Bierheld – 1) пьяница; 2) хвастун, бахвал; Maulheld – хвастун, бахвал; Raufheld – драчун, буян, забияка, задир; Pantoffelheld – муж, находящийся

под каблуком у жены, подкаблучник. Bierheld и Maulheld представлены в «Словаре» как синонимы со значениями «хвастун», «бахвал», но когнитивный анализ выявляет различие между ними: если первый хвастается и бахвалится в состоянии алкогольного опьянения, то для второго хвастовство и бахвальство – черты характера, присущие ему от природы. Дериваты Rauf- и Pantoffelheld представляют собой два полюса ироничного отношения к называемому лицу: в первом случае говорящий просто дистанцируется от объекта номинации; во втором относится к нему саркастически.

Второй словообразовательный элемент -knecht наследует от существительного Knecht не только семы «лицо» и «мужской пол», как упоминалось ранее, но и сему «зависимость», «подневольность». Его естественная, частотная, сочетаемость – Ackerknecht, Bauernknecht, Pferdeknecht и т. п., создающая словообразовательные единицы с семантическим инвариантом «род занятий». Если второму компоненту

- knecht соответствуют признаки Laster- и Weiber-, сема «зависимость», «подневольность» реализуется в новых семантических единствах Lasterknecht – «грешник, раб страстей» и Weiberknecht – «мужчина, которым помыкают женщины», представляющих собой экспрессивные номинации негативных склонностей человека.

Дериваты со вторым словообразовательным компонентом -narr (ср. Narr m дурак, дурачок, глупец, чудака), имеющие семантический инвариант «человек, помешанный на ч.- л.», – это способ обозначить наряду с семами «лицо» и «мужской пол» также сему «утрата чувства меры»: ср.: Buechernarr; Kleidernarr; Musiknarr; Weibernarr. Дериваты с аффиксом -narr представляют собой в семантическом отношении гомогенный ряд, где названный семантический инвариант модифицируется и конкретизируется соответствующим признаком: Buecher-, Kleider-, Musik-, Weiber- и т.п. Значение любого нового деривата, образованного по модели с «-narr», регулярно и легко прогнозируется. Аксиологическая доминанта этого ряда – снисходительное или пренебрежительное отношение к объекту номинации.

Многоликий когнитивный диссонанс, имеющий лингвокультурологическую природу, осложняет работу переводчика, особенно на этапе предпереводческого анализа. В приведенных примерах преодоление когнитивного диссонанса облегчается серийностью дериватов, обусловленной их общей моделью. С одной стороны, модель имеет регламентирующий, инвариантный характер; с другой стороны, она позволяет сочетать в серии словообразовательных концептов вариативные когнитивные смыслы, отражающие многообразие бытия. Проникнуть в них помогает специфика словообразования как наиболее идиотичного способа номинации, который позволяет облекать комплексные смыслы в емкую однословную форму, задавая при этом необходимую степень

соотнесенности эксплицитного и имплицитного, что облегчает переводчику работу над инферентным выводом.

Тема когнитивного диссонанса сложна и многопланова и ожидает своего внимательного и глубокого рассмотрения. Ее подробное исследование могло бы принести переводчикам существенную пользу.

Библиографический список

1. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы / И.Г.Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в. Сборник обзоров. – М., 2000.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова.– М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Язык. Семиотика. Культура / А.Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2001.
4. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А.Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.
5. Вендина, Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т.И.Вендина // Вопросы языкознания. – 2002.– № 4.
6. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1 / О.А.Радченко. – М.: Мегатекст, 1997.
7. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Степанова М.Д., А.Н.Зуев, И.Д.Молчанова [и др].– М.: Русский язык, 2000.

Сведения об авторе

Борисенкова Лариса Михайловна
кандидат филологических наук,
зав. кафедрой немецкого языка и перевода
Смоленского гуманитарного университета
e-mail: borisenkova@shu.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СИСТЕМЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА)

Н.Ч. Мирзаханова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Статья посвящена проблеме перевода имен собственных с русского на немецкий язык. В данной работе анализируются возможные способы перевода имен собственных на иностранный язык.

Ключевые слова: имя собственное, перевод, безэквивалентный.

Proper Nouns in the System of a Non-equivalent Lexicon **Nelya Mirzakhanova**

This article is devoted to the problem of translating proper nouns in literature from Russian into German. It analyzes possible ways of translating proper nouns into another language.

Key words: proper noun, translation, non-equivalent.

Термин «имя собственное» появился впервые в греческом языке и звучал как «ὄνομα κούριον». Впоследствии термин был калькирован на латынь как «nomen proprium», где proprium означало: 1) собственный, свойственный; 2) особенный.

Лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение: «Собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1. С.341].

В современной лингвистике имена собственные (ИС) часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Другими словами, у ИС «на первый план выходит функция номинативная – называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга» [2. С.153].

Как правило, лингвисты относят ИС к безэквивалентной лексике. Термин «безэквивалентная лексика» встречается у многих авторов,

занимающихся проблемами языка и перевода (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, Л.С.Бархударов, С.Влахов, С.Флорин, Я.И.Рецкер, В.Н.Комиссаров, А.Д.Швейцер и др.).

Болгарские лингвисты С.Влахов и С.Флорин дают свою дефиницию, которая заметно сужает границы безэквивалентной лексики: безэквивалентная лексика – «лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода» [3. С.42].

Передача ИС при заимствовании ориентируется на письменную форму. Часто используется прямой (т.е. без изменений) графической перенос имени из текста на одном языке в текст на другом языке. Такой приём используется, когда языки имеют общую графическую основу письменности. В западноевропейских языках ИС, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию: так удобнее читателям, которые благодаря такому подходу могут легко ориентироваться в любых письменных источниках. Но говорящие на другом языке часто не могут определить по написанию как произносится иноязычное ИС. Переносимая имя в неизменной форме, носители принимающего языка нередко навязывают имени произношение, соответствующее правилам чтения на их родном языке.

Таким образом, данный метод передачи ИС не подходит для воспроизведения русских онимов на немецкий язык. К тому же исходный и переводящий языки пользуются разной графической основой письменности, и в случае прямого переноса читатель не сможет идентифицировать имя на малознакомом языке, и уж тем более не сможет его правильно произнести. В лучшем случае прямой перенос позволит сохранить исходный облик слова, и тем самым указать на его принадлежность к русскому языку. Однако жертвовать передачей семантических компонентов ИС в пользу сохранения национального колорита на наш взгляд неоправдано.

Другим способом передачи ИС на иной язык может служить транскрипция. Согласно Т.А.Казаковой, транскрипция – это формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова [4. С.63]. При транскрипции обычно стремятся к максимальной фонетической близости с таким расчетом, чтобы имя претерпело минимальные потери при перенесении в другую языковую среду. Однако, вследствие фонетических различий в русском и немецком языках такое механическое перенесение из языка в язык приводит к искажению имён.

К транскрипции встреченного в тексте ИС переводчик часто подходит в зависимости от того, имеет ли оно уже утвердившийся в переводящем языке облик. Если да, то имя берётся в уже готовом виде. Если же устоявшейся транскрипции нет, то переводчик транскрибирует имя, стараясь максимально приблизить его произношение к оригинальному.

Транслитерация, ещё один способ передачи ИС на другой язык – «формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка; буквенная имитация формы исходного слова» [4. С.63]. Транслитерация отличается от транскрипции своей простотой. О транслитерации говорят тогда, когда буквы (или графические единицы) двух языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу.

Однако, при транслитерации заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам и способствует сильному искажению звукового облика иноязычного имени. Поэтому транслитерация ИС с русского языка на немецкий порождает варианты этих имен, мало похожие при чтении на оригиналы.

Особо следует сказать о так называемых значимых «говорящих» ИС. Вопрос перевода «говорящих имен» еще не разрешен, несмотря на то, что ему посвящено много страниц не только в теоретической литературе, но и в любом пособии по переводу.

Термином «говорящие имена» можно обозначить все имена собственные с более или менее уловимой внутренней формой. Семантическим значением обладают если не все, то подавляющее большинство имен собственных. Только у одних оно забыто и теперь не воспринимается без особого объяснения, у других лежит на поверхности, легко улавливается, у третьих полностью совпадает с соответствующими нарицательными. Но все, даже самые необычные, фамилии в контексте очень быстро перестают восприниматься в нарицательном значении и не отличаются по воздействию от самых обычных.

Известно, что в произведениях крупнейших писателей нет мелочей: все продумано, каждое слово стоит на своем месте и исполняет определенные ему автором функции. Не составляют исключения и имена собственные.

Если есть возможность безболезненно сохранить в переводе семантику имени, то это всегда желательно, так как при транскрипции ИС потери неизбежны; но если его нарицательное значение не связано с контекстом, если из последнего не видно, что признак, заложенный в имени релевантен, то меньшей потерей будет транскрипция, чем какое-нибудь режущее глаз имя, сочиненное на основе этого признака. От умного, тактичного введения в текст перевода чужих имен собственных в значительной степени зависит и успех в деле сохранения национального колорита всего произведения. А для этого требуется, помимо владения языками, еще и широкая переводческая культура.

В литературе – прежде всего в сатирических и юмористических произведениях – давно замечена общая закономерность в употреблении значимых личных имен, которая выражается в стремлении наделить имена характеристическими и оценочными качествами различной силы и степени. Такие имена «придумываются автором, преследующим

определённые цели и опирающимся в своём словотворчестве на существующие в ономастике традиции и модели» [5. С.160-161].

Так, в комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» имена служат для усиления характера, комизма ситуации, интриги или же связаны с личными качествами.

Мы рассмотрели три перевода этой комедии на немецкий язык. Авторы этих переводов: 1) Johannes von Guenther (Иоганнес фон Гюнтер, год выхода перевода – 1948 г.), 2) Arthur Luther (Артур Лютер – 1970 г.), 3) Peter Urban (Петер Урбан – 2004 г.). Только П.Урбан даёт в примечаниях, данных в конце книги, полную характеристику всем действующим лицам, высказывает предположение о значении фамилии соответствующего персонажа, раскрывает значение реалий, а также указывает на то, как правильно читать ИС. Этот переводчик не только просто перевёл комедию Грибоедова, но и постарался донести до немецкого читателя всю красоту этого произведения.

В комедии А.С.Грибоедова - более двадцати действующих лиц. И все они обладатели значимых «говорящих» имён. Фамилии являются равноправными словами текста, связанными с главной, характерной чертой персонажей.

Одним из главных действующих лиц является Павел Афанасьевич Фамусов (у И. фон Гюнтера – Fámussow, у А. Лютера – Pawel Afanasewitsch Famussow, у П.Урбана – Pavel Afanasjevič Famusov). Это важный московский барин, бюрократ-карьерист, который угождает всем выше его стоящим, в делах беспечен... Он боится новшеств, свободомыслия. «Одни комментаторы объясняли его фамилию как производённую от латинского слова fama (молва); другие объясняют её происхождение от английского слова famous (знаменитый, известный)» [6. С.629]. Когда речь идёт об одном из основных персонажей, переводчику приходится серьёзно раздумывать о том, переводить или транскрибировать? Причём речь идёт не только об именах главных действующих лиц, но и других персонажей. Два переводчика (И. фон Гюнтер и А.Лютер) использовали приём транскрипции, и на немецком языке фамилия этого персонажа звучит так же, как и в русском. П.Урбан же воспользовался транслитерацией. И на немецком языке Фамусов стал Фамузов.

Конечно же, не все, читающие «Горе от ума» в оригинале, знают латынь или английский язык. Для многих Фамусов – это обыкновенная незначимая фамилия. Но для вдумчивого читателя мелочей не существует. Фамусов – пожалуй, единственная в комедии фамилия, образованная от иностранного слова. Все остальные понятны русскому читателю, и несут на себе определённую смысловую нагрузку.

Алексей Степанович Молчалин (у И. фон Гюнтера – Moltschálin, у А.Лютера – Alexei Stepanowitsch Moltschalin, у П.Урбана – Aleksei

Stepanovič Molčalin). Карьерист, угодливый и скромный перед начальством. Свои достоинства он определяет двумя словами: «умеренность и аккуратность». Имя его и возникшее от него слово – молчалинство стали синонимами карьеризма, подобострастия. В этой фамилии автор передаёт особенности характера героя, отражает его внутренний мир. И здесь переводчики решали задачу - как можно ближе передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка. Для обозначения звука [ч] в немецком языке традиционно используется четырёхбуквенное сочетание tsch. Петер Урбан даёт иное оформление этого звука, а именно č. Скорее всего, этим он хочет подчеркнуть принадлежность персонажа к славянским корням. Но с ним можно поспорить, так как такое обозначение звука [ч] используют не в русском языке, а, например в чешском, то есть у читателя могут возникнуть неправильные ассоциации. Хотя в приложении П.Урбан указывает, что «Молчалин» происходит от русского «молчать, держать рот на замке».

Фамилии остальных действующих лиц комедии - тоже говорящие. Одни из них «говорят» о том, что в воздухе пахнет горелым, что-то дымит, загорается: это Горичи (молодая дама и её муж) (у И. фон Гюнтера – Herr Góritsch, Frau Góritsch, у А.Лютера – Natalja Dmitrijewna Goritschewa, Platon Michailowitsch Goritsch, у П.Урбана – Natalja Dmitrievna, Platon Michajlovič Gorič), Загорецкий... А.Лютер при переводе меняет фамилию Натальи Дмитриевны. Если у Грибоедова она – Горич, но у Лютера – Горичева. Переводчик решил изменить её фамилию по аналогии с чешскими именами, но Наталья Дмитриевна – не чешка, и её фамилия не должна подвергаться изменениям при переводе.

У Загорецкого (у И. фон Гюнтера – Sagorétzkij, у А.Лютера – Anton Antonowitsch Sagorezki, у П.Урбана – Anton Antonovič Zagoreckij) – черты и разговоры служащего, причём человека, близкого к политическому сыску. О Загорецком Горич Платон Михайлович говорит: «При нём остерегись, переносить горазд...». Знакомство с этим персонажем происходит в самом начале разглашения выдумки, то есть загорания лжи. Об этом говорит в приложении и П.Урбан – загореть: начать гореть, воспламениться...

Да и фамилия одного из главных героев комедии – Чацкий (у И. фон Гюнтера – Tscházkij, у А.Лютера – Alexander Andrejewitsch Tschazki, у П.Урбана – Aleksandr Andreevič Čackij) первоначально была записана Грибоедовым как Чадский. На русском языке обе фамилии звучат одинаково. Но само слово «Чацкий» - не так явно говорит о чаде (дым...). Чацкий просто разворошил мирно и тихо живущее семейство Фамусова и его гостей, и с горечью покинул некогда любимый им дом. Никакого активного действия! И фамилия его так же активно не воздействует на читателя. П.Урбан предлагает три варианта происхождения фамилии этого персонажа – 1) чад, дым, 2) чадо (ребёнок), 3) проводит параллель с

другом Грибоедова Чаадаевым, который, как и литературный персонаж, пострадал от навета.

Сергей Сергеевич Скалозуб (у И. фон Гюнтера – Skalosub, у А.Лютера – Sergei Sergejewitsch Skalosub, у П.Урбана – Skalozub, Sergej Sergeevič) – подполковник, представитель армейщины, невежественный и самодовольный. Имя его стало синонимом грубого неуча, солдафона. Удачливый карьерист нового типа Скалозуб дан в комедии уже самой фамилией. Преступность скалозубовского карьеризма, основанного на потерях армии, очевидна. Полное равнодушие ко всему, кроме собственной карьеры.

Цель перевода – как можно ближе познакомить читателя, не знающего языка оригинала с этим текстом. Но и здесь мы видим, что переводчики не смогли верно выразить посредством немецкого языка то, что задумывалось автором произведения. К тому же, П.Урбан для передачи звука [з] использует букву z; т.е. это теперь Скалоцуб... В приложении он объясняет фамилию Скалозуба как производное от «скалить зубы».

Фамилии других персонажей говорят скорее о характеристиках соответствующих героев – Тугоуховский (у И. фон Гюнтера – Tugouchowskij, у А.Лютера – Tugouchowski, у П.Урбана – Tugouchovskij), Хрюмины (у И. фон Гюнтера – Chrúmina, у А.Лютера – Chrjulina, у П.Урбана – Chrjulina). Причём и Тугоуховский, и Хрюмин – единственные в комедии Грибоедова обладатели названного титула, а именно – князя и графини. Автор комедии высмеиваются в данном случае какие-то определённые индивидуальные черты второстепенных героев, что также не прозвучало в первых двух переводах. П.Урбан в приложении: Тугоуховский – плохослышащий, Хрюмина – во время еды хрумкать; или же от слова «хромать».

Другой персонаж с говорящей фамилией-характеристикой значится как старуха Хлёстова (у И. фон Гюнтера – Die alte Chlestówa, у А.Лютера – Die alte Chljostowa, у П.Урбана – Chlöstova). Но у всех трёх переводчиков мы находим перевод как старая, пожилая Хлёстова, то есть довольно нейтральное обозначение хлётского слова «старуха», на русском языке оно звучит грубо, с некоторой долей пренебрежения. П.Урбан опять использует букву, не свойственную немецкому языку – ё. Правда, в приложении этот переводчик сравнивает фамилию свояченицы Фамусова с русским словом «хлестать» и упоминает о другом значении этого глагола – лгать, говорить вздор.

Репетиллов (у И. фон Гюнтера – Repetílow, у А.Лютера – Repetilow, у П.Урбана – Repetilov), бездельник, болтун, повторяющий чужие слова, к тому же любит приврать. Фамилия его образована из латинского слова repetitio – повторение. И здесь мы видим, что для переводчика во главу угла ставится фонетическая близость к оригиналу. Первые два

переводчика стараются как можно точнее передать средствами принимающего языка звучание исходного имени и не более. П.Урбан предлагает сравнить фамилию этого героя комедии с немецким глаголом *nachklappern* – бессмысленно повторять, повторять как попугай.

Лизанька (у И. фон Гюнтера – *Lisette*, у А.Лютера – *Lisanka*, у П.Урбана – *Lizanjka*). Первый перевод имени Лизанька больше напоминает французское имя. Переводчик никак не передаёт особое, тёплое отношение автора к этому персонажу. Наоборот, это имя звучит инородно среди всех действующих лиц. Второй переводчик воспользовался приёмом транслитерации. Третий же перевод вызвал улыбку у носителя языка. Он даже спросил, а не имеет ли это имя что-нибудь общее с китайским языком. Переводчик использует совершенно не свойственное для немецкого языка буквосочетание *njk*. При переводе ИС «Лизанька» вообще отсутствует какая-либо чёткая закономерность в передаче на немецкий язык русских букв или звуков.

Часто заимствующий язык навязывает имени иное ударение. В немецком языке ударение падает на первый корневой слог. Это явление учёл И. фон Гюнтер – каждая фамилия у него отмечена знаком ударения. П.Урбан говорит о том, как правильно читать и произносить ИС только в приложении (сноски отсутствуют).

В рамках данного произведения имена несут на себе заметно выраженную смысловую нагрузку, имеют необычный звуковой облик, поэтому в переводе ИС должны быть точными, соответствовать всему духу, идее, целям произведения. Проблема передачи ИС при переводе не нова, но от этого не менее актуальна. Связанные с ней трудности носят как объективный, так и субъективный характер. Скорее всего, их не удастся избежать никогда. Но характер ошибок и неточностей, их количество зависит от систематичности и осознанности подхода к их решению.

Поэтому представляется актуальным добавление в скобках перевода соответствующего названия (или даже прямой перевод). Это будет полезной коррекцией к традиционной транскрипции. Подводя итоги, можно сказать, что имена собственные представляют собой значительную часть смысловой структуры текста, и их неадекватная передача на другой язык не способствует полноте раскрытия идеи текста. При переводе произведения А.С.Грибоедова «Горе от ума» авторы пренебрежительно отнеслись к передаче имён собственных, которые в грибоедовском произведении являются говорящими. ИС выполняют не столько номинативно-назывательную функцию, сколько характеристически-оценочную. Поэтому подход к передаче на язык перевода содержащейся в ней информации должен отличаться от принципов воссоздания обычных ИС. Заключение в говорящих именах смысловая и эмоциональная информация должна быть передана. Значимое имя требует от читателя как

оригинала, так и перевода понимания смысла внутренней формы восприятия ее образности.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1990.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская. – М., 1973.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. – М., 1986.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода / Т.А.Казакова. – СПб., 2002.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С.Виноградов. – М., 2001.
6. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова / Н.С.Ашукин, М.Г.Ашукина. – М., 1966.

Список художественной литературы

1. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / А.С.Грибоедов / Гл.ред. С.А.Фомичев. – СПб.,1995
2. Gribojedow Alexander. Geist bringt Kummer. Deutsch von Johannes von Guenther / A.Gribojedow. – Berlin, 1948. S.126
3. Gribojedow Alexander S. Verstand schafft Leiden. Aus dem Russischen übertragen von Arthur Luther / A.Gribojedow. – Leipzig, 1970. S.104
4. Griboedov Aleksandr. Wehe dem Verstand. Aus dem Russischen von Peter Urban / A.Griboedow. – Berlin, 2004. S.160

Сведения об авторе

Мирзаханова Нэля Чулпановна
старший преподаватель кафедры № 4
для гуманитарных специальностей
факультета профессионального
инострannого языка Удмуртского
государственного университета
e-mail: nailja.mir@mail.ru

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО НА АНГЛО-РУССКИЙ, ИЛИ КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

М.А. Орёл

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва

В результате взаимодействия современных тенденций в русской культуре в нашу речь проникает большее, чем когда-либо количество заимствований из английского языка. Наряду с этим, эволюционирует и подход к переводу. Следствием масштабных культурных сдвигов является повышение уровня переводимости в пределах языковой пары «английский – русский» и эволюция конвенциональной нормы перевода, что выражается в растущей степени формально-структурной эквивалентности перевода оригиналу. В настоящей статье рассматриваются причины, недостатки и преимущества упомянутых явлений в современных условиях.

Ключевые слова: Заимствование, буквальный перевод, переводимость, переводческая норма, конвенциональная норма

Translating from English into Russian English: Causes, Dos and Don'ts

Maxim Orel

Borrowing, literal translation, translatability, translational norm, conventional norm

English borrowings are increasingly frequent in the Russian speech due to the contemporary cultural trends. These trends combine to increase the translatability between English and Russian, and cause the evolution of the translational (conventional) norm towards copying the source language structure. This paper discusses causes, advantages and disadvantages of these innovations in today's environment.

Key words: Borrowing, literal translation, translatability, translational norm, conventional norm.

Сегодня многие варят кофе в кофемашинах, читают в онлайн о киллерах, дилерах и секьюритизации кредитов, а после офиса едут на своих хетчбеках, внедорожниках и кроссоверах в фитнес-клуб на спарринги по кикбоксингу.

Англицизмы в русской речи стали притчей во языцех⁶. При этом сегодня эволюционирует не только русская речь, но и подход к переводу. В советское время, например, при переводе газетных заголовков применялся преимущественно трансформационный способ и даже полное переписывание заголовка, когда в переводе не воссоздавалась ситуация оригинала, а на ее месте создавалась новая.

There's more to Jarrow than the Jarrow march (MS⁷) – *Марш голодных начинался в Джарроу* (ЗР)

South African prisoners (MS) – *Актеры обвиняют расизм* (ЗР)

Сегодня мы все чаще видим примеры интерлинейного перевода, причем в большинстве случаев невысокого качества.

Identifying Kenya's heroes – *Определение героев Кении* (Ъ)

"Boss of bosses" successor arrested at mafia summit – *На «саммите мафии» арестован преемник «босса боссов»* (Ъ)

Интерлинейность не есть единственная проблема переводных заголовков (это уже тема другого разговора), и характерна она не только для заголовков.

Маркетинг менеджмент (перевод названия книги *Marketing Management*)

Корпоративные финансы (*corporate finance* – направление деятельности в российских представительствах ряда иностранных финансовых компаний)

В чем же причина распространения интерлинейного перевода? В умножении ошибок из-за роста числа плохих переводчиков? Ответ очевиден. Да! Но, во-первых, лишь отчасти, а во-вторых, этот короткий ответ на деле не так прост и заслуживает того, чтобы над ним поразмышлять.

Поток информации для перевода стремительно увеличивается. Глобализация требует гораздо более многочисленной армии толмачей, чем в советское время. Не хватает рук переводческих, и еще сильнее не хватает переводческих голов. Спрос рождает предложение – растет число ВУЗов, выдающих дипломы переводчиков, но не способных подготовить специалистов.

Потребитель нередко довольствуется программами машинного перевода. Понятно, что такой продукт может пригодиться – с большой натяжкой – лишь для самого общего ознакомления с содержанием несложного текста. Но оказывается, что для непрофессионала часто важнее скорость, а «качества и компьютерного хватит». К большому сожалению, ряд людей, именующих себя профессиональными переводчиками, и целых переводческих агентств используют такие программы *на постоянной основе*.

⁶ Заимствуется не только лексика, но и грамматика, орфография, пунктуация и фонетика. В одной статье не осветить всего многообразия проблем, поэтому рассмотрим наиболее «вопиющие» случаи вторжения английской речи в русский перевод и дальше – в сам язык.

⁷ Условные сокращения: ЗР – «За рубежом»; ЛГ – «Литературная газета»; Ъ – «Коммерсантъ»; MS – *The Morning Star*.

Конъюнктура рынка часто вынуждает переводчика работать быстрее, чем того требуют профессиональные стандарты и здравый смысл. В таких условиях даже очень хороший специалист рискует выдать продукт недостаточного качества, а для перевода начинающих спешка оказывается и вовсе фатальной. Результатами изобилуют ленты информационных агентств, новостные сайты, газеты. Это неизбежное следствие увеличения информационного потока, характерное не только для СМИ, но и для рынка переводческих услуг в целом.

Качество переводных текстов в итоге снижается: времени на тщательный переводческий анализ, скрупулезный отбор средств ПЯ часто не остается. Да и на сам текст часто смотрят не как на смысловое и коммуникативное целое, а как на последовательность слов и предложений, которые надо побыстрее «перебить» в другом алфавите. Продукт оказывается «полупереваренным», полным буквализмов вследствие межъязыковой интерференции, нехватки логико-семантических и формально-структурных трансформаций.

На помощь переводчику спешат электронные словари, помимо повторения недостатков традиционных изданий, содержащие и собственные ляпы. Примером могут служить популярные *Lingvo* и «Мультитран». *Lingvo* предлагает довольно скудные статьи для таких «переводческих грабель», как *challenge, choice*, «динамика», «при этом», а спешащие переводчики, особенно начинающие, с радостью пишут в переводах «вызов», «выбор», *dynamics* и *at that* независимо от коммуникативной ситуации и контекста. «Мультитран» и вовсе пополняется всеми желающими и представляет собой лексикографический хаос. Тем не менее, удобство и быстрота работы привлекают к этим словарям все новых пользователей.

Интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего интернета и поисковых машин, резко облегчает доступ к англоязычным текстам. То, что раньше нужно было часами искать в учебниках и энциклопедиях (часто безуспешно), сегодня можно найти несколькими нажатиями кнопок на клавиатуре компьютера. С одной стороны, это колоссальная находка для практика, позволяющая ускорить процесс перевода. Доступность разнообразных аутентичных текстов позволяет повысить и качество перевода – как на родной язык, так и на иностранный. ИКТ – это высокоэффективный инструмент для работы с «живым» языком: в противовес застывшему, русифицированному языку русско-английских словарей. С другой же стороны, доступность иноязычных текстов способствует заимствованию иноязычных форм, моделей – как через переводные тексты, так и через речь людей, читающих на английском языке и впоследствии выражающих аналогичные мысли на своем родном русском. Таким образом, ИКТ также участвуют в распространении интерференции и буквализации (англизации) переводов на русский язык.

Кроме этого, сегодня «переводческие» решения нередко принимаются не профессиональными переводчиками. Эту проблему освещает в своей статье Л.В.Полубиченко: «Иногда решения, принимаемые переводящими с английского, иначе, как странными и сомнительными, не назовешь /.../ решения принимаются в последние годы уже далеко не только профессиональными переводчиками /.../, а многомиллионной армией людей, выезжающих за рубеж и рассказывающих потом дома о своих впечатлениях по-русски» [1. С.279]. Автор даже говорит не о переводчиках, а о переводящих, делая акцент на их отдаленном отношении к профессии. Однако и в этом случае едва ли можно полностью абстрагироваться от роли перевода в воздействии на русский язык и культуру, что явствует из названия статьи. Если субъект описанной деятельности воспринял некое сообщение, закодированное на иностранном языке (в иноязычной культуре), а потом перекодирует его на свой родной язык и культуру, то мы имеем дело не с чем иным, как с переводом. В.Н.Комиссаров определял перевод как «вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноценным представителем» [2. С.44-45]. Этому определению будут полностью соответствовать действия, скажем, аудитора, демонстрирующего руководство по учетной политике в соответствии с МСФО⁸ и по просьбе коллег переводящего определения ключевых терминов с листа. У коллектива едва ли возникнут сомнения, что перевод полностью соответствует оригиналу, что *в точности переведены все термины*. Или же стоит какому-нибудь критику после знакомства с книгой или просмотра кинокартины мимоходом дать в интервью свой вариант перевода ее названия, и вот уже роман Джейн Остин *Sense and sensibility* и его экранизация известны всей стране как «Чувства (а то и чувство) и чувствительность». Радует то, что находятся переводчики, знакомящие публику с этими произведениями под названием «Разум и чувства», вытекающим из сюжета и характеристики главных героинь. Такой перевод осуществляется не на профессиональной основе, но по массовости своей уже не уступает профессиональному. Это также не может не способствовать масштабной интерференции: переводят-то люди, не владеющие, помимо прочего, навыками ее преодоления. Второй из приведенных примеров говорит также о важной роли СМИ в этом процессе.

Итак, некогда элитарная профессия вследствие растущего спроса на продукт стала массовой. Налицо изменение отношения общества к переводу. Раньше он был уделом избранных, а сегодня перевести может каждый, в той

⁸ Международные стандарты финансовой отчетности (International Financial Reporting Standards).

или иной степени знакомый с иностранным языком, а то и вовсе – машина. К сожалению, коллективный заказчик (общество) нередко думает именно так.

Наконец, важнейшей тенденцией представляется масштабная «англо-американизация» русского язык и культуры, начавшаяся с падением железного занавеса. Финансовая, банковская и компьютерная терминология стала заимствоваться вместе с обширным знанием, накопленным на Западе. Однако речь идет не только о терминологии, но и о прочих заимствованиях, которые широко распространены даже в текстах общей направленности.

Свою лепту вносит в эту экспансию и персонал иностранных компаний, действующих в России. Многие средства вошли в язык бизнеса через посредство специалистов, воспринимавших их на иностранном (чаще – английском) языке, а потом перевыражавших на русском. Эти же сотрудники нередко берут на себя и функции переводчика. В итоге, каждая уважающая себя иностранная компания печется о корпоративной идентичности и стратегиях, ключевых компетенциях команды, внедрении инноваций в корпоративные политики и о противостоянии конкурентным вызовам.

В результате перечисленных процессов, переводческие буквализмы и заимствования проникают в переводные и оригинальные русские тексты. Со временем многие из них приживаются, с одной стороны, как единицы русского языка, а с другой, как переводные соответствия для элементов иноязычных текстов. Таким образом, описанные тенденции приводят к сближению культур и языков и **повышению переводимости в пределах пары «английский – русский»**. Повышение переводимости, в свою очередь, создает предпосылки для распространения интерлинейного перевода и **эволюции конвенциональной нормы перевода, что выражается в растущей степени формально-структурной эквивалентности оригиналу**. Напомним иерархию переводческих норм, предложенную В.Н.Комиссаровым: прагматическая, жанрово-стилистическая нормы, норма переводческой речи, конвенциональная норма и норма эквивалентности [2. С.229]. Эта иерархия являет собой материал для дискуссии. В частности, видится не вполне логичным помещение конвенциональной нормы, во-первых, в один ряд с прочими, а во-вторых, на предпоследнее по значимости место. Представляется, что она стоит особняком по отношению к остальным, так как *любая* из перечисленных норм может быть конвенциональной, т. е. меняться в зависимости от веяний времени. Более того, конвенциональная норма перевода как общественно значимой деятельности, регламентируемой обществом, заслуживает первого места в этом ряду: главное требование к переводу – то, которое предъявляет коллективный заказчик в лице общества.

К большому сожалению, сегодня это самое общество все чаще норовит из коллективного заказчика превратиться в коллективного соучастника *непосредственно* процесса перевода и чуть ли не законодателя переводческих стандартов. На практике формально-структурная эквивалентность нередко считается едва ли не основным критерием оценки качества перевода. Заказчик

часто требует создания текста, который соответствовал бы его уровню знания иностранного языка и владения (точнее *невладения*) механизмами транскодирования в условиях межъязыковой и межкультурной асимметрии: если в оригинале выражение мысли имеет нехарактерную для русской речи форму, то она должна передавать некий особый смысл! Закономерным следствием вмешательства неспециалистов становится торжество дилетантского подхода к переводу – как к механической замене слов и структур ИЯ словами и структурами ПЯ. Переводчикам дается установка не на следование коммуникативно-релевантным особенностям формы текста, а на часто необоснованное копирование структурных характеристик. Неспециалисту неведомо, сколько информации может быть утрачено либо искажено в таких переводах и сколько ошибочных решений может быть принято на их основе. Конечно, опытный переводчик может сказать свое твердое профессиональное «нет» неоправданным требованиям заказчика. Но читателям, видимо, знакомы случаи, когда попытки даже опытных переводчиков противостоять чуткой опеке со стороны заказчика оказывались безуспешными.

В чем заключаются заявленные в заглавии проблемы и кто в этом виноват – относительно ясно. Теперь самое время подумать, что с этим делать.

Сегодня, когда подготовка переводчиков в масштабах страны поставлена на поток, крайне остро стоит проблема качества подготовки собственно переводческих кадров, преподавателей перевода и преподавателей иностранного и родного (!) языка для будущих переводчиков. Впрочем, это уже предмет отдельного – и непростого – разговора. Отметим лишь, что здесь жизненно необходим учет опыта ведущих центров переводческого образования, создание и развитие курсов переподготовки и повышения квалификации.

Образовательные стандарты и программы должны отвечать меняющимся требованиям рынка. Если информационный поток неуклонно растет, то дипломированный специалист должен уметь работать быстрее, причем без потери качества. Обширные возможности для оптимизации и контроля качества перевода предоставляют ИКТ – при грамотном использовании. Однако даже опытные переводчики часто не владеют навыками профессионально ориентированного использования ИКТ. Между тем, сегодня это является обязательным условием конкурентоспособности на рынке переводческих услуг.

Что касается вмешательства общества в деятельность переводчика, то полностью искоренить его и невозможно, и ненужно: создание качественного перевода часто требует консультаций и согласования с автором оригинала и заказчиком перевода. Другое дело, что это сотрудничество не должно мешать переводчику отстаивать свою профессиональную позицию. Конструктивный подход, внимание к комментариям заказчика с определенной долей «дипломатии» повышают профессиональный авторитет переводчика и

позволяют перенаправить работу от попыток противостояния придиркам в русло консультирования заказчика по вопросам качественного перевода.

Проблема повышения авторитета специалиста связана со статусом профессии в целом. В нашей стране статус переводчика традиционно невысок, а в последние годы еще и снизился с выходом профессии из разряда элитарных. Ведущую роль в решении этих проблем должны сыграть профессиональные объединения, в частности, путем привлечения к сотрудничеству практиков, теоретиков и преподавателей перевода, аттестации и сертификации специалистов *всех областей*, организации их подготовки и т. д.

Растущий уровень переводимости, насыщение русской речи заимствованиями влияет на перевод как процесс и как результат. Сближение языков и культур обогащает наш словарный и информационный запас новыми понятиями и средствами номинации. Следовательно, адекватный перевод английского текста сегодня *может* потребовать гораздо меньше преобразований в целях прагматической адаптации, чем десять–двадцать лет назад. Так, специалистам-управленцам или образованной молодежи содержание понятия *marketing*, как правило, известно и не требует описательного перевода или пояснения. Видимо, из этого исходили переводчики упомянутой выше книги Котлера и Келлера, употребляя заимствование «маркетинг». Если же это понятие встречается, скажем, в статье популярного характера, адресованной домохозяйкам средних лет, то отсутствие адаптации при переводе оставит у получателя после прочтения белое пятно: часто многочисленные заимствования быстро осваиваются носителями, но не усваиваются ими. Представление о значении слова может быть более чем туманным даже у человека, встречающего, а то и употребляющего его сплошь и рядом. В таком случае переводчик должен будет «сделать получателю хорошо», даже если тот думает, что ему это не нужно, и написать, в зависимости от контекста, например, «продвижение товара на рынке». Конечно, число получателей, которым нужна адаптация при переводе, обратно пропорционально давности заимствования иностранного слова и зависит от предметной области, к которой данное заимствование относится.

Из приведенного примера видно, что заимствование часто можно признать целесообразным как средство компрессии информации («маркетинг» вместо «продвижение товара на рынке»). Еще один пример – «киллер» вместо словосочетания «тайный наемный убийца» и массы контекстуально обусловленных коннотаций. Компрессия нужна не всегда, но в ряде коммуникативных ситуаций она бывает не только оправданной, но и необходимой.

Не киллеры, но убивцы (ЛГ)

Эффект нарочито просторечного «убивцы» усиливается в заголовке статьи за счет контраста с недавним заимствованием «киллер», которое

благодаря своей краткости и емкости позволяет добиться указанного стилистического эффекта с сохранением необходимой для прагматики газетного заголовка краткости.

Если с упомянутыми новшествами носители языка примиряются довольно легко (называть новые предметы и явления как-то надо), то привнесение синонимов уже существующих слов вызывает более сильное и понятное отторжение. Такая синонимия не стала для русского языка чем-то новым (ср. «соответствие – эквивалент», «языкознание – лингвистика»), но в последние годы приобрела невиданную массовость и подверглась во многом справедливой критике ценителей русского языка. В самом деле, почему показ нужно называть презентацией, а то, что всегда было вездеходом, обозначать калькой «внедорожник»? Сначала причин засорять свою речь результатами переводческой ошибки или небрежности, действительно, нет. Но со временем инородные единицы могут приобретать новые значения – денотативные или коннотативные. Так, коннотации в ряде случаев заставляют носителей языка сделать выбор в пользу яркого, модного и «престижного» англицизма. Как отмечает Л.В.Полубиченко, «сказать „представление” или „показ” совсем не то же самое, что „презентация”, /.../ а „топ-модель” – не просто „манекенщица” (даже если добавить профессиональная или высокого класса)» [3. С.279]. Нередко аналогичный выбор должен делать и переводчик. В случае с внедорожником на первый план выступает уже денотативное значение. За словом «вездеход» закрепилось значение автомобиля для специальных целей (транспортировка грузов в труднодоступные районы, охота), отличающегося своими рабочими качествами, главное из которых – проходимость. Что же касается внедорожника, то, в первую очередь, по проходимости он с вездеходом и не сравнится. Зато автомобили этого класса с самого начала отличались высокой ценой, соответствующим дизайном и престижностью. Своеобразным апофеозом стало появление *внедорожников городского типа*, которые если *вне дороги* и проедут, то еще менее *езде*, чем обычный внедорожник. Разница между вездеходом и внедорожником, в общем, та же, что и между рабочей лошадкой и скакуном. Значит, переводчик наших дней, пишущий «внедорожник *Mazda CX 7*», едва ли будет неправ. Так распорядились время и русский язык, принявший и освоивший упомянутые единицы.

Протест вызывает и употребление в переводческой, а впоследствии и в массовой речи русских слов в значениях, им несвойственных, проникших через буквалистские переводы.

Во-первых, это последствия столкновения переводчика со своими ложными друзьями: «экспертиза» (*expertise*) вместо «высокая квалификация, мастерство, опыт», и «идентичность» (*identity*) в смысле «индивидуальность, своеобразие» или «самосознание».

Во-вторых, это уже набившие оскомину семантические кальки – такие, как «вызов» (*challenge*), иноязычных корней не имеющие, но также демонстрирующие уровень навыков анализа и работы со словарями.

В-третьих, это результаты сознательно принятых переводческих решений, направленных на придание переводу как можно более высокой степени подобия оригиналу для сохранения узнаваемости последнего. Для примера обратимся к упоминавшемуся уже переводу названия книги *Marketing Management* – «Маркетинг менеджмент». Глаз режет употребление иноязычной конструкции, которое нельзя признать оправданным, поскольку в русском языке есть грамматические средства с аналогичными функциями и значениями. Заимствование конструкции не имеет семантической или коммуникативно-прагматической ценности для транслата, а, наоборот, утяжеляет текст и затрудняет его восприятие. Конечно, «маркетинг менеджмент» можно признать терминологическим сочетанием. Оно распространено в сфере бизнеса и управления (этот термин часто пишут и через дефис); существует даже русскоязычный деловой журнал «Маркетинг менеджмент». Но это уже вопрос источника таких «терминов». Современная открытость русского языка к новым терминам отнюдь не означает, что терминологию можно тащить в язык, даже не попытавшись приблизить ее к нормам этого языка. Примечателен комментарий переводчиков в начале книги: «Читатели еще неоднократно встретятся с понятием „маркетинг менеджмент“, под которым в литературе чаще всего понимается управление предприятием на принципах маркетинга. Иногда /.../ его именуют „маркетинговым управлением“ /.../» [4. С.31]. Итак, переводчики, осознавая как минимум непривычность термина и предлагая тут же его более «русский» вариант, принимают первый в качестве основного и выносят его в название книги. Думается, это вызвано известностью данного труда в оригинале, ставшего настоящей классикой менеджмента. Но даже несмотря на это, такое переводческое решение представляется более чем сомнительным. Хотя что уж говорить, если наряду с этой книгой в серии «Классический зарубежный учебник», издательский дом «Питер» публикует переводы работ Н.Г. Мэнкью под названиями «Экономикс» (*Economics*) и даже «Принципы экономикс» (*Essentials of Economics*). К слову, книга профессора Мэнкью *Brief Principles of Macroeconomics* в переводе от того же издательства называется все-таки «Принципы макроэкономики». Логика для посвященных...

В отличие от некоторых примеров выше, эти заимствования едва ли представляют для русского языка хоть какую-то ценность. На данном этапе его развития подобные новшества в переводческую речь допускать нельзя. Однако обретут они полноценную жизнь в русском языке или будут отбракованы в процессе его эволюции – станет ясно лишь спустя время. По прошествии десятка-другого лет это вполне может стать речевой нормой, которой переводчики уже должны будут руководствоваться. Закрепился же в русской речи такой результат переводческой ошибки, как «практически»

(от англ. *practically*) в значении «почти». Автору, как и многим другим лингвистам, очень бы не хотелось повторения этого в случае с «вызовами», «экспертизой» и им подобными, но тут уже решать не нам. Или все-таки...?

Все-таки, если не переводчики, то кто? Сегодня как никогда остро стоит вопрос о функциях и социальной роли переводчика, который должен обладать не только определенными навыками, но и достаточным уровнем профессиональной культуры и самосознания. Работая в реальных, а значит постоянно меняющихся, условиях, нельзя не учитывать эту изменчивость. При этом из сказанного выше должно быть ясно, что учет новых веяний не означает слепого следования чьим-либо безграмотным решениям, желаниям или капризам. В современных условиях, когда перевод является проводником столь масштабного влияния на родные язык и культуру, переводчик обязан здраво определять меру различных новшеств. Несмотря на то что конвенциональная норма перевода ставится автором на первое место в ряду норм, она не является непререкаемой: требования общества изменчивы во времени. Следовательно, в формировании конвенциональной нормы перевода могут и должны принимать активное участие именно переводчики.

Современные тенденции должны учитываться и при подготовке кадров. Сегодня нужно обращать на заимствования утроенное внимание и учить студентов грамотно работать с ними: предостерегать от их *неправомерного* использования, демонстрируя, в том числе, случаи, когда заимствование в речи допустимо или даже желательно. Выйдя из стен ВУЗа, они столкнутся с потоком информации и настоящей иноязычной какофонией. Подготовленный молодой переводчик должен иметь представление о тех трудностях, с которыми ему чаще всего придется сталкиваться в работе, и знать общие принципы их преодоления.

Необходимо учитывать и плотность англицизмов в переводе, ориентируясь на целевую аудиторию и их частотность в текстах данного стиля и жанра на ПЯ (количество англицизмов, нормальное для аудиторского отчета, погубит любую публицистическую статью). Едва ли грамотный переводчик породит сентенцию, ставшую прологом к этой статье и являющуюся очевидной гиперболой.

Библиографический список

1. Полубиченко, Л. В. Глобализация как бесконечный процесс перевода с английского /Л.В.Полубиченко // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 24–26 октября 2002 года. – СПб, 2003.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В.Н.Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990.

3. Полубиченко, Л. В. Глобализация как бесконечный процесс перевода с английского /Л. В. Полубиченко // Университетское переводоведение. Вып. 4. Материалы IV Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», 24–26 октября 2002 года. – СПб, 2003.
4. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент / Ф.Котлер, К.Л.Келлер. – М.: Питер, 2008.

Сведения об авторе

Орёл Максим Александрович
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры лексикологии
и теории перевода МГУ им. М.В.Ломоносова
e-mail: maxeagle@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: ФАКТОР ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ, КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЦЕПТОРОВ

Д.Н. Шлепнев, А.Л. Зурабов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

С дидактической и практической точек зрения целесообразно выделить четыре категории Рецепторов юридического перевода – по уровню юридических познаний. Для достижения надлежащего коммуникативного эффекта переводческая стратегия строится с учетом данной категории Рецепторов, каждая из которых частично предопределяет переводческие решения. Потребности каждой категории Рецепторов в переводе выделенных пяти видов юридических текстов различны, что следует учитывать преподавателю и профессиональному переводчику.

Ключевые слова: юридический перевод, целевая аудитория, классификация рецепторов, прагматика перевода, переводческая стратегия, коммуникативный эффект, виды юридических текстов.

Pragmatic Aspects of Legal Translation: A Target Group Factor, Classification of Recipients

Dmitry Shlepnev, Andrey Zurabov

From the didactic and pragmatic viewpoints it is reasonable to differentiate four categories of recipients of a legal text on the basis of the volume of special knowledge of jurisprudence they possess. To achieve the appropriate communicative effect the characteristics of the given category of recipients should be taken into account in the formation of the translation strategy. Translator's decisions are partially predetermined by these characteristics. Recipients belonging to different categories are not equally interested in a translation of five specified types of legal texts, which should be taken account of by a trainer and a professional translator.

Key words: legal translation, target group, classification of recipients, pragmatics of translation, translation strategy, communicative effect, types of legal texts.

§ 1. Постановка проблемы

Общеизвестно, что выбор и реализация переводческой стратегии неразрывно связаны с рядом факторов, которые удобно представить в виде вопросов:

«Что переводим?» (уяснение специфики текста, изначальной цели коммуникации, прагматического потенциала, контекста и ситуации порождения текста);

«Зачем переводим?» (цель коммуникации в переводе, прагматическая сверхзадача);

«Для кого переводим?» (целевая аудитория; отвечая на этот и предыдущий вопросы, мы уясняем, в частности, контекст и ситуацию перевода, а также решаем вопрос о прагматической адекватности перевода и определяем, насколько сохранима специфика текста);

«Как переводим?» (конкретная переводческая стратегия с учетом заданных на предыдущих этапах параметров – что именно мы будем делать, чтобы обеспечить уясненные нами требования к переводу данного текста).

Решение этих вопросов может быть только комплексное: невозможно, недопустимо абстрагироваться от одного из факторов и анализировать изолированно остальные. Стоит добавить, что в голове переводчика эти действия не обязательно распадаются на отдельные этапы.

Такое вступление представляется необходимым в свете поставленной нами цели – **выявить влияние фактора целевой аудитории в юридическом переводе и произвести общую классификацию рецепторов.**

Дело в том, что собственная переводческая практика и наблюдения свидетельствовали о том, что традиционное представление о потенциальных получателях юридического перевода страдает явной неполнотой. Действительно, обычно выделяют банальную дихотомию, общую для любого специального перевода: специалисты (в данном случае юристы) – неспециалисты. Практика же говорила (а временами и кричала во весь голос), что все не так просто. Мы решили прислушаться.

Выбор именно юридического перевода объясняется отчасти нашей специализацией (один из авторов – дипломированный юрист). Кроме того, юридический перевод, несмотря на долгую его историю и на очевидную важность, до сей поры не получил полноценного осмысления. Последнее, кстати, довольно удивительно, даже если принимать во внимание только всевозможные международные юридические акты – огромный массив данных. А уж если добавить всё остальное – от доктрины до бизнес-документации...

Однако прежде, чем предъявить собственно классификацию и сопутствующие выводы и суждения, необходимо прояснить ряд вопросов.

Таким образом, нижеследующий текст резюмирует ход произведенного анализа.

§ 2. Предпосылки к анализу

Правовые системы разных стран мира в действительности неповторимы и несут на себе отпечаток тех особенностей политической, экономической, социальной и духовной сторон жизни человека, характерных для каждой нации – носителя языка. При этом, конечно, не исключено, что некоторые системы несут в себе какие-либо схожие, а то и общие черты по понятным причинам. И, казалось бы, доля таких общих черт должна быть существенной хотя бы для правопорядков европейских государств, которые исторически и культурно развивались приблизительно одинаково и брали за основы общие принципы и начала римского частного права, плюс не брезговали перенять друг у друга опыт реализации публичных правоотношений. Однако всё равно оказывается, что эта доля чрезвычайно мала, поскольку влияние, которое на формирование права оказывает стиль жизни и образ мышления определённой нации, проживающей на одной территории в один отрезок времени, несопоставимо с силой действия общих исходных установок.

С другой стороны, в наше время намечается противоположная тенденция, когда правопорядки нацелены на сближение. Это – проявление международного права, которое по сути своей всё-таки следовало бы назвать искусственным явлением. Грубо говоря, цель международного права (как частного, так и публичного) заключается в максимальном сближении правовых систем разных стран мира. А для достижения такой цели необходимо прежде всего ознакомление и глубокое изучение различных правопорядков субъектами правотворчества. Под субъектом правотворчества (или правотворцем) следует понимать *a)* законодателя в узком смысле и народ / общество в целом как обладателя воли на установление определённых (желаемых) порядков, а равно и *b)* каждое лицо, являющееся звеном общества. И поэтому на различных этапах освоения правовых систем неизбежна потребность в преодолении языковых барьеров.

Языковые барьеры в первую очередь представляют собой предмет, с которым будет вести борьбу переводчик, являющийся посредником между двумя субъектами правотворчества, т.е. глобально между одним народом – носителем правовых традиций, который создавал нормы для себя, не задумываясь о том, что это будет нужно кому-то, кроме него, и другим народом, который изъявил желание ознакомиться с этими правовыми традициями, выраженными в источниках права, существующей доктрине, учебных материалах, а также пропущенными через призму средств массовой информации. При этом следует помнить, что **аудитория**

правотворца-Рецептора неоднородна. Она состоит из законодателя, предпринимателей, исследователей, общественных организаций и СМИ, преподавателей и студентов, учителей и школьников и многих других социально-экономических и политических групп. Каждый из представителей данной аудитории имеет свои интересы при ознакомлении с иностранной правовой системой. Учитывая это, а также то обстоятельство, что создатель информации правового характера в большинстве случаев изначально не ориентирован на получателя, не знакомого с его правовыми традициями, можно сделать следующий вывод: **прагматические аспекты при переводе юридических текстов выходят на передний план и являются определяющими при постановке целей и задач переводчика.** При этом особое место следует отвести целевой аудитории как фактору, обозначающему уровень информированности конкретного Рецептора о том или ином предмете (в той или иной области знаний), – фактору, которым должен руководствоваться переводчик при работе над текстом.

Далее необходимо определить специфику юридических текстов применительно к заданной проблеме.

§ 3. Специфика юридических текстов – специфика перевода

С точки зрения общепринятой жанрово-стилистической классификации юридический перевод представляет собой разновидность перевода информативного. Утверждение это хотя и верно (что неудивительно), но не слишком способствует выявлению сути проблемы, ибо степень обобщения чрезмерно велика. Главная задача такого перевода состоит в наиболее полной передаче содержащейся в тексте информации. При этом следует отметить, что информация правового характера, подлежащая передаче, может касаться любой сферы человеческой деятельности. А это является дополнительной сложностью для переводчика: в законе речь может идти как об установлении нормативов на отлов осетра в посленерестовый период, так и о режиме использования прав на топологии интегральных микросхем, а профессора и студенты на семинарах могут рассуждать об уголовной ответственности за эвтаназию или о нарушении механизма сдержек и противовесов полномочиями президента...

При переводе юридического текста переводчик должен учитывать, таким образом, все его специфические особенности. Обозначим существенные для нашего исследования.

1. Разновидности текстов – адресаты

1.1. Юридический текст может быть адресован *неограниченному кругу лиц*, если это **нормативно-правовой акт**. Однако этот

«неограниченный круг» всё же имеет пределы – это аудитория, состоящая из лиц, которые подпадают под юрисдикцию государства законодателя, плюс из лиц, непосредственно воспринимающих культурно-правовое пространство, в рамках которого находится данный нормативный акт, в качестве «своего». Таким образом, подразумевается единообразное и точное понимание текста обеими категориями получателей.

1.2. Если же это **текст доктринального характера**, то он создаётся, как правило, для того чтобы донести определённую информацию до получателя, который ориентируется в той или иной сфере права и правоприменения и после ознакомления с текстом будет способен адекватно отреагировать на него (согласиться с мнением автора или оспорить его). Таким образом, в данном случае можно вести речь лишь о *строго ограниченном круге потенциальных получателей информации*. То же касается учебников по праву, рассчитанных, главным образом, на студенческую (или школьную) аудиторию.

1.3. **Судебные решения** как разновидность юридических текстов также специфичны. С одной стороны, в решении суд высказывает свою позицию в отношении конкретных субъектов и обстоятельств, т.е. круг получателей очерчен *участниками судебного разбирательства*, которые ориентируются или должны ориентироваться в вопросах индивидуального правоприменения (речь идёт об индивидуальном правовом акте, который адресован определённому лицу или группе лиц в рамках правоприменительных отношений). С другой же стороны, в решении судом утверждается такая позиция, которая впоследствии становится обязательной для *неопределённого круга лиц* (и в том числе для суда) в силу прецедентного характера решений (судебная практика как источник права).

1.4. **Юридические акты, регулирующие правоотношения между конкретными субъектами** (договор, расписка, доверенность и т.д.), ориентированы прежде всего на *строго ограниченный круг лиц* – данных субъектов правоотношений. Особенность таких текстов заключается в том, что, во-первых, они могут создаваться отнюдь не только профессиональными юристами, и, во-вторых, в определенных обстоятельствах круг получателей может расширяться (например, при обращении в суд в связи с неисполнением одной из сторон своих обязательств или в связи с оспариванием завещания в число получателей текста включаются новые адресаты – судьи, иные профессиональные юристы). Таким образом, можно сказать, что этот дополнительный круг лиц, не являющихся участниками данных правоотношений, даже если и не включен в число адресатов априори, то все же подразумевается или может подразумеваться.

1.5. **Тексты СМИ** (аналитические и информационные статьи) не могут быть отнесены, строго говоря, к юридическим текстам. Однако

включение их в наш список основывается на соображениях дидактических и практических: такие тексты включают в себя некоторые черты, свойственные названным выше категориям (как правило, на уровне лексики: термины и узуальные для юридического языка конструкции), с ними приходится работать, с ними необходимо учить работать. Адресат таких текстов – широкий круг читателей.

2. Форма, терминология, узус

Другая особенность юридических текстов проявляется в их *формализованности* (когда речь идёт о правовых актах) и *традиционной структурированности*. Обе эти составляющие текста имеют целью довести информацию до адресата уникальным способом – именно так, как это хочет автор или требуют правила юридической техники: определённая форма и структура могут быть продиктованы как объективными, так и субъективными моментами. Юридическому тексту также присущ особый – юридический – узус, требующий изучения. И (самое очевидное для всех) наличествует специальная терминология.

Не будем подробно останавливаться на этих моментах. Отметим лишь одну немаловажную деталь, которую, как правило, совершенно упускают из вида при анализе юридического языка, а именно наличие (а иногда и обилие) **неустойчивой терминологии**, что является прямым следствием постоянного развития права.

За неимением лучшего места добавим здесь же замечание об отсутствии у термина готовых или устойчивых эквивалентов в другом языке. Эта проблема двояка. Во-первых, эквивалент может быть не зафиксирован в двуязычном словаре (по разным причинам: недавнее появление; неупотребимость в тех источниках, которыми пользовались составители словаря и переводчики и т.д.). Такой термин с равным успехом может как быть реализацией или лакуной, так и обладать на самом деле более или менее близким функциональным аналогом (иными словами, присутствует весь спектр переводческих решений). Во-вторых, возможные эквиваленты могут быть включены в словарь или присутствовать в каком-либо переводе (особая оговорка: не имеются в виду заведомо неверные или ошибочные эквиваленты). Несмотря на зафиксированность таких эквивалентов, они не могут претендовать на окончательность и устойчивость. Последние свойства должны быть освящены временем, частотностью употребления и т.д. (Пример: *droit communautaire* – совсем недавно в трудах отечественных юристов закрепился эквивалент «коммунитарное право». Бесполезно спорить, насколько хорош или плох эквивалент: он уже устоялся.) Отсутствие устойчивых эквивалентов есть прямое и наиболее заметное следствие различия правовых систем разных стран.

3. Двухнаправленный прагматический потенциал

Общая специфика всех юридических текстов состоит в том, что каждый юридический текст изначально обладает **двунаправленным прагматическим потенциалом**: кроме первичной прагматической цели – донести информацию до основного Рецептора, всегда есть вторичная цель – учебная (учебно-ознакомительная). Основным Рецептором, как правило, является субъект правоприменения (исполнительный или судебный орган, должностное лицо, участник правоотношения), и отсюда основная цель – создать документ, содержащий информацию о способе поведения и предписывающий субъектам вести себя определённым образом. Однако при этом немислимо, чтобы «правоприменитель» каким-либо образом избежал ознакомления с тем или иным нормативным актом или глубокого изучения акта непосредственно перед его применением на практике. Отсюда наличие вторичной цели. Представляется, что если бы учебная цель не фигурировала при создании текста правового акта, вряд ли можно было бы говорить о необходимости развивать юридическую технику и повышать уровень правовой культуры в обществе, поскольку для законодателя в таком случае приоритетным направлением стало бы не «помещение» новой нормы в систему уже существующих, а «добавление» одной нормы к другой.

На первый взгляд, акты, регулирующие правоотношения между конкретными субъектами (§ 3., п. 1.4), не слишком вписываются в эту картину в силу их узкой направленности. Действительно, даже если преподаватель или автор учебника берет какой-то существующий текст для демонстрации своих соображений, – это лишь частный случай, который не отменяет общую ситуацию. Но следует иметь в виду, что каждый такой конкретный акт восходит к неким общим текстам, показывающим, что и как положено писать в подобной ситуации. Простейший пример – всевозможные типовые формы договоров, доверенностей и т.п. Таким образом, учебно-ознакомительная цель реализуется и в данном случае, но чаще не на уровне конкретных актов, а на более высоком, так сказать, родовом уровне.

4. Историческая и культурная обусловленность

Историческая и культурная обусловленность есть главная особенность юридического текста. Совершенно невозможным представляется вырвать юридический текст как «кусочек» культурно-правовой системы страны с тем, чтобы в дальнейшем как-то с ним «работать». Безусловно, **изучать и понимать его надо в существующем культурно-правовом контексте.**

Так, когда наступил период становления рыночной экономики в России, появилась необходимость должного урегулирования конкурентных отношений после долгого периода существования монополистической доктрины в СССР. Именно тогда российский

законодатель стал судорожно изучать существовавшие в экономически развитых странах системы регулирования конкуренции. Как всегда взгляд был обращён на Запад, а именно Европу и США, которые имеют *кардинально противоположный* подход к антимонопольному законодательству. Если американский закон Шермана ещё 1890 года в статье второй прямо запрещал монополии, что экономически было объективно обусловлено на тот период, то в Европе монополии никогда запрещены не были, что также объяснимо исторически (послевоенные времена, противостояние американским корпорациям на внешнем рынке), и монополистам просто чётко объясняли разумные пределы их экономической деятельности на конкурентном рынке. Тщательно изучив законодательство этих стран в культурно-историческом контексте, российский законодатель выбрал для дальнейшего развития конкуренции в стране европейскую систему, что в действительности было оправдано.

Однако российская история знает бóльшее количество случаев, когда правовые традиции при ознакомлении с источниками права и перенятии зарубежного опыта не учитывались. Причин много, но одна из них (сколь бы велика или мала она ни была) – недостаточное осознание переводчиком своей сверхзадачи, заключающейся в том, чтобы передать Рецептору именно то, что необходимо, сообразно с ситуацией.

§ 4. Прагматические отношения в юридическом переводе

Известно, что прагматика перевода не всегда равнозначна прагматике исходного текста, и вопрос об их соотношении решается переводчиком, который исходит из потребностей Рецептора.

Обратимся к классификации типов прагматических отношений, предложенной А.Нойбертом [1. С.197-200].

Мы полагаем, что юридические тексты можно отнести как к первому типу – *текст ИЯ не предназначен специально для аудитории ИЯ и интересуется с точки зрения прагматики и аудиторию ИЯ, и аудиторию ПЯ*, – так и ко второму – *текст ИЯ содержит информацию, отвечающую специфическим потребностям аудитории ИЯ в особой исторической, экономической, политической, культурной и географической ситуации*. При этом в зависимости от прагматической цели перевода, устанавливаемой переводчиком и/или заказчиком, в текстах второго типа могут возникать прагматические отношения первого или даже четвертого типа (напомним, что в чистом виде четвертый тип отношений возникает в том случае, когда текст ИЯ изначально предназначен лишь для аудитории ПЯ).

Применительно же к первому типу можно добавить незначительную, но любопытную вариацию определения: текст ИЯ также может быть *специально предназначен одновременно для аудитории ИЯ и аудитории*

ПЯ. Оговоримся, что такая вариация никак не может подменить собой определение А. Нойберта, будучи по своей природе лишь частным случаем первого типа отношений. Простейшими примерами здесь могут служить: договор купли-продажи или межгосударственный договор, тексты которых создаются в конкретной ситуации и изначально предполагают перевод для другой стороны; нормативные акты ЕС, подлежащие переводу на все официальные языки стран-участниц.

По утверждению А. Нойберта, тексты, описываемые вторым типом прагматических отношений, непереводимы, что означает недостижимость прагматической адекватности [1. С.200]. Именно к этому типу немецкий переводовед относит тексты законов. Напомним, что сам ученый указал в своем анализе *лишь одну* из категорий юридических текстов, не ведя речь о юридическом переводе в целом. Утверждение о непереводимости, как нам представляется, не может быть абсолютно верным применительно к юридическим текстам, даже если учитывать лишь законодательные акты.

Заметим, во-первых, что часть законодательных текстов может быть отнесена не ко второму, а к первому типу. Примером здесь могут послужить упоминавшиеся выше законодательные акты ЕС. Но и внутригосударственные нормативно-правовые акты, вероятно, отнюдь не обязательно характеризуются непереводимостью в терминологии А. Нойберта, особенно в настоящее время, когда, как было сказано выше, правопорядки разных стран нацелены на сближение.

Таким образом, независимо от типа прагматических отношений, целесообразно будет говорить о получателе перевода как об аудитории целевой.

При этом в первом случае (как правило, тип первый) такую целевую аудиторию можно охарактеризовать наличием *профессионально-прикладных целей*, поскольку заинтересованность в тексте *ПЯ* скорее всего может возникнуть у профессионала (юриста предприятия, экономиста, финансиста, депутата и т. п.), и прежде всего по следующим причинам. Во-первых, из данного источника можно почерпнуть актуальные на данный момент и для конкретной исторической и политической ситуации сведения с целью использования новых знаний в дальнейшем на практике (нормативные акты, судебные решения и т.д.). Во-вторых, данный источник может быть определяющим для дальнейшего поведения данного рецептора (договор и т.д.). Примером профессиональной целевой аудитории может послужить круг юристов в российских акционерных обществах, учредители которых решили использовать в качестве основного регулятора деятельности предприятия соглашение акционеров (вместо устава общества), в ситуации интенсивного развития деловых отношений со скандинавскими фирмами. В данной ситуации тексты, содержащие правовую информацию скандинавского происхождения о соглашениях акционеров объективно будут интересовать не только

скандинавских юристов, но и российских; причём прагматическая направленность данных текстов заранее можно определить как двоякую, поскольку наперёд известно, что при активном развитии деловых отношений между скандинавскими и российскими акционерными обществами сам же скандинавский законодатель заинтересован в более качественном и выгодном варианте регулирования поведения субъектов (скандинавском варианте) и поэтому создаёт текст, который потенциально должен стать предметом перевода на язык государства-партнёра.

Во втором же случае (как правило, тип второй) цели можно охарактеризовать как просто специфические. Юридический документ вполне может заинтересовать исследователя, занимающегося сопоставлением правовой практики или законодательства какого-либо иностранного государства. Такой исследователь и станет олицетворением специфической целевой аудиторией.

Переводчик связан фигурой Рецептора в постановке перед собой определённых задач при осуществлении перевода. И для достижения соответствующего коммуникативного эффекта, безусловно, руководствуется потребностями конкретного получателя переводимой информации. А поскольку прагматические отношения фактически будут складываться не между оригиналом и Рецептором, а между творением переводчика и Рецептором, то можно сказать, что юридический перевод возлагает на переводчика большую ответственность, нежели иной перевод – в силу самой специфики юридических текстов (в том числе их последствий).

Попытаемся представить конкретнее потребности Рецептора.

§ 5. Потенциальные потребности потенциальных Рецепторов

Что же может быть нужно потенциальному Рецептору от перевода того или иного юридического текста? Всегда предполагается, что заботливый законодатель ищет лучшее для правоприменителя, плюс международное право пытается также навязать это лучшее вообще всем. Таким образом, причины потребности в ознакомлении и изучении юридических текстов, глобально сводясь к единой – незнание нужного иностранного правового порядка, культуры и правосознания, – конечно же, могут варьировать в зависимости от субъекта (и его амбиций). Ниже приведём перечень возможных потребностей получателей перевода, исходя из которых переводчик будет определять и реализовывать переводческую стратегию. Но сначала две существенных оговорки.

Во-первых, список заведомо неисчерпывающий, но, как представляется, достаточный для наших целей – показать более или менее широкое разнообразие потребностей Рецептора, достаточное для построения нашего анализа.

Во-вторых, в списке не рассматриваются получатели текстов, изначально ориентированных на *перевод для данного конкретного получателя*. Т.е. текстов, направленных на регламентирование правового поведения данного получателя в конкретной сфере или ситуации (например, как упоминалось выше, договоров). Здесь цель получателя, будь то предприниматель или целое государство, понятна и очевидна: получение четкого представления о том, как следует себя вести. Если же эта цель меняется, то, следовательно, возникают иные потребности и иные – дополнительные – получатели, которые и описаны ниже.

Потенциальные потребности:

1. Для **субъекта нормотворчества** – это необходимость в подробном и детальном понимании какого-либо *механизма действия правовой системы*, отрасли, института, нормы, поскольку далее перед ним встанет вопрос, *как это применить* у нас в стране и надо ли.

2. Для **предпринимателя** – это необходимость, *кроме того*, понять *психологические особенности поведения* потенциальных контрагентов. Так, если, например, Гражданский Кодекс Франции устанавливает, что моментом перехода права собственности на вещь при договоре поставки является момент выбытия вещи из владения продавца, то волей-неволей российскому предпринимателю захочется себя как-то обезопасить от лишних рисков (прописать отдельные положения в договоре иначе, чем предписывает французское законодательство и т.д.), ибо норма, которая может регулировать отношения сторон, всё-таки неспроста сформулирована именно таким образом – она отражает складывавшийся годами деловой оборот в стране, привычный для француза и во многом определяющий его психологическое отношение к сделке, отличное от отношения гражданина Российской Федерации.

3. Для **исследователя** (например, кандидата юридических наук) причиной заинтересованности в иностранной правовой информации может быть желание начать какую-либо *научную разработку* в отдельной отрасли права, плохо проработанной в его стране (как, например, информационное право), для того чтобы убить двух зайцев одним выстрелом – защитить докторскую диссертацию и приобрести знания и некоторый опыт в данной сфере (и, может, затем выехать за границу). Разумеется, мотивы исследователя также перекликаются (или могут перекликаться) с мотивами органов власти, работающих над законопроектами.

4. Основной массе **студентов** изучение иностранных правовых материй, в общем-то, не нужно / не слишком интересно, поэтому, скорее всего, главной или даже единственной причиной для них является *желание сдать зачёт* или экзамен. Для прочих же студентов (заинтересованных данной проблематикой) причина может быть *такой же, как*

исследователей и/или у органов представительной власти, работающих над законопроектами.

5. Ещё одна важная категория адресатов – **судьи**. Им приходится иметь дело как с *иностранными судебными решениями*, так и непосредственно с *нормативно-правовыми актами* иностранных государств, а в худшем случае – с *практикой иностранных судов*. Здесь перед переводчиком будет поставлена чрезвычайно сложная задача – он будет помогать судье разбираться в правильном толковании и привычном применении норм иностранного права на территории иностранного государства. И здесь, как нигде, на переводчике лежит особая ответственность. Правоприменение – это такое явление, где шутить никак нельзя. Ошибка может стоить жизни человека.

Принимая во внимание все возможные пожелания Рецептора о том, каким должен быть юридический перевод с точки зрения целей его «дальнейшего применения», и/или моделируя их самостоятельно, переводчик выстраивает для себя некую систему ценностей, ориентируясь на которую, можно будет достичь наилучшего коммуникативного эффекта. Таким образом, **фактор целевой аудитории неразрывно связан с фактором цели коммуникации**: целевая аудитория выступает основной предпосылкой на пути формирования цели коммуникации. Вместе эти факторы определяют результат работы, к которому переводчик будет стремиться. В итоге Рецептор должен суметь найти в переводном тексте ответы на вопросы, которые его так волновали, ответы, ради которых перевод и делался. Коммуникативный эффект будет достигнут тогда, когда смысл, ожидаемый получателем, будет объективно реализован, т. е. донесён переводчиком до получателя надлежащим образом.

При этом немаловажен фактор личности воспринимающего юридический перевод. Переводчику необходимо иметь чёткое представление о целевой аудитории, поскольку от степени осведомлённости и «приближенности» составляющих её лиц к юридическим материям будет зависеть то, насколько много переводчику надо настелить соломы, чтобы не ломать ноги вместе с получателем. Коммуникативный эффект должен перерасти в правильное применение Рецептором полученных знаний и информации на практике.

Исходя из всего вышесказанного, мы полагаем верной следующую общую классификацию.

§ 6. Общая классификация целевой аудитории

В зависимости от того, на каком уровне находятся юридические знания получателя, **круг Рецепторов** можно поделить условно на следующие четыре основные категории:

1. Юристы, специализирующиеся в конкретной сфере права, о которой речь идёт в переводе.
2. Юристы с общими правовыми знаниями, но не являющиеся специалистами в данной сфере.
3. Не юристы, знакомые с областью знаний, регулируемой правом и о которой идёт речь в переводе.
4. Просто не юристы – остальные.

Чтобы достичь наилучшего коммуникативного эффекта при осуществлении перевода для каждой из перечисленных категорий Рецепторов, переводчику будет необходимо по-разному строить стратегию передачи информации, заложенной в тексте ИЯ.

§ 7. Анализ и комментарий: допустимый минимум; возможность развития

Мы полагаем, что это минимально возможная общая классификация Рецепторов в юридическом переводе. Сделать ее уже вероятным не представляется в силу различий в ожиданиях и потребностях Рецепторов и, соответственно, в выборе надлежащей переводческой стратегии.

При этом легко представить ее доработку и развитие применительно к конкретным ситуациям и конкретным текстам. Столь же очевидна возможность произвести гораздо более подробную классификацию внутри каждой из категорий. В сущности, в конкретной переводческой ситуации эту операцию и будет мысленно осуществлять переводчик: уяснив принадлежность Рецептора к определенной общей категории, переводчик будет вынужден конкретизировать его природу, его потребности и т.д.

§ 8. Анализ и комментарий: знания Рецептора – потребности Рецептора - действия переводчика

В зависимости от того, для какой аудитории осуществляется перевод, переводчик, руководствуясь объемом и уровнем соответствующих специфических знаний Рецептора о предмете текста, предполагает, какие модификации ему, возможно, придется произвести, чтобы достичь надлежащего коммуникативного эффекта. Знания Рецептора и его потребности в переводе достаточно тесно связаны. Широкому кругу читателей вряд ли понадобится та предельная точность, которая необходима правоприменителю. Предприниматель может захотеть узнать суть какого-либо иностранного закона, но именно суть (общеознакомительный процесс: «как у них поставлено дело»), а не тонкости крючкотворства. Как только понадобятся все тонкости, перевод закона будет переадресован специалистам – юристам предприятия.

Работа по переводу того или иного юридического текста должна строиться с учётом общей направленности самого правового материала: где-то документ будет использоваться лишь для ознакомления, а где-то – уже в правоприменительных целях. При этом в любом случае этап *ознакомительный* (этап усвоения правового материала) неизбежен.

В «чистом» виде соответствующие действия переводчика, ориентированные на указанные параметры, можно описать следующим образом.

1. Как правило, при переводе с ориентацией на *первую* категорию Рецепторов переводчик прибегает к минимальным модификациям, поскольку необходимости в комментариях, объяснениях, упрощении и опущении какой-либо информации практически нет. Более того, комментарии и т.д. могут даже быть недопустимы в самом тексте перевода в силу специфики текста: например, если это акт, подлежащий применению в стране ПЯ. Реже, чем в других случаях, используется описательный перевод. Сложность при ориентации на такую аудиторию иногда могут вызвать дополнительные требования сохранения стилистических и формальных особенностей текста.

2. При переводе, ориентированном на *вторую* категорию Рецепторов, переводчику может понадобиться произвести опущение нерелевантных деталей, сокращение объёма, дополнительную структуризацию отдельных частей текста. Может потребоваться введение исторической справки и функциональных комментариев. Возможно (вероятно, далеко не всегда) упрощение синтаксиса и даже изменение функционального стиля текста.

3. При ориентации на *третью* группу Рецепторов, как правило, основная масса модификаций производится на лексическом уровне: переводчик делает выбор между лексическими единицами, свойственными юридическому или иному дискурсу, в пользу последних, а также выбор между терминами / нетерминами и узуальными юридическими конструкциями / не юридическими в зависимости от поставленной цели. Стилистические и синтаксические особенности текста могут сохраняться (частотная практика), но могут и изменяться в зависимости от конкретных ожиданий Рецептора.

4. Направленность юридического перевода на *четвёртую* категорию Рецепторов предполагает такие переводческие модификации, как опущение нерелевантной для Рецептора информации; пояснение ключевых для понимания явлений и фактов через введение комментариев (в скобках, в сноске или в самом тексте без скобок); упрощение синтаксиса; замена терминологических единиц на общеупотребительные и т.д. Ключевое слово – упрощение.

Еще раз следует подчеркнуть, что это – описание «идеальной» ситуации, ситуации в «чистом» виде. На практике, подобно тому, как к

одному из типов прагматических отношений могут примешиваться другие типы, здесь также следует допустить нечто подобное: к ожиданиям и потребностям, изначально присущим Рецептору данной категории, могут примешиваться дополнительные ожидания и потребности, более свойственные Рецептору иной категории. Конкретная ситуация, конкретный текст и конкретный получатель неизбежно вносят уточнения в переводческую стратегию. Однако, как отмечалось в § 6, переводчику сначала все равно будет необходимо соотнести данного Рецептора с некоей общей категорией. Ведь, по сути, только так он и сможет уяснить, по отношению к каким более общим требованиям выдвинуты дополнения и уточнения.

§ 9. Анализ и комментарий: соотношение «разновидность текста – категория Рецептора»

Выше были рассмотрены категории юридических текстов и соответствующие адресаты ИЯ (§ 3, пп. 1.1. – 1.5.). Сейчас же зададимся вопросом, как могут распределяться разные юридические тексты по соответствующим категориям Рецептора ПЯ.

Потребность в переводе первых трех категорий текстов (как то: нормативно-правовые акты, доктринальные тексты и судебные решения) может присутствовать у всех категорий Рецепторов. В зависимости от конкретного Рецептора, переводчик принимает соответствующие решения (как описано выше).

Четвертая категория юридических текстов (акты, регламентирующие правоотношения между конкретными субъектами) с точки зрения переводческой стратегии будет практически всегда направлена на первую категорию Рецепторов. Здесь необходима предельная точность в силу самой специфики таких текстов. Любые модификации, упрощения и сокращения разрушат природу такого текста и лишат его всякого смысла. На практике специальная ориентированность перевода на иную категорию Рецепторов и иные потребности и цели (например, общеознакомительные) – лишь частный случай, имеющий маргинальный характер.

Лишь последняя разновидность текстов – тексты СМИ – полностью сохраняет изначальную направленность на широкий круг потребителей, что соответствует четвертой категории Рецепторов. Даже интерес, проявленный со стороны иных категорий Рецепторов, мало что меняет в работе переводчика в силу самой специфики текста ИЯ.

§ 10. Краткое заключение

1. Как отмечалось выше, абсолютно очевидна возможность развития классификации. Во-первых, вероятно более подробная классификация

внутри каждой из категорий. Во-вторых, возможно подробное моделирование взаимодействия каждой из разновидностей юридического текста с конкретной категорией Рецептора. В-третьих, возможно развитие классификации применительно к конкретным ситуациям и конкретным текстам. Что-то из этого может оказаться полезным.

2. Имеются основания предположить, что данная классификация может послужить основой для классификации Рецепторов в иных видах специального перевода (например, в экономическом переводе).

3. Смеем думать, что вне «голой» теории представленное исследование может оказаться полезным с двух точек зрения: практической и дидактической. Думается, что переводчику, особенно начинающему (или состоявшемуся, но ранее не работавшему плотно с юридическими текстами), полезно осознание рассмотренных здесь вопросов. А преподавателю полезно знать более четко, на что ориентировать студентов и ориентироваться самому.

Библиографический список

1. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А.Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – М., 1978.

Сведения об авторах

Шлепнев Дмитрий Николаевич
доцент кафедры теории и практики
французского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: shlepnyev@rambler.ru

Зурабов Андрей Леонидович
выпускник переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова,
выпускник юридического факультета
ННГУ им. Н.И.Лобачевского
e-mail: andreez@inbox.ru

JACK OF ALL TRADES, MASTER OF NONE?

Christiane Nord

Germany

Хотя переводчика часто считают чем-то вроде преобразователя текста или «службой», верным своему «хозяину», то есть тексту оригинала, более разумно его рассматривать в качестве посредника, хранящего верность тем, в чьих интересах он осуществляет посредничество. Переводческая деятельность должна быть основана на взаимном доверии, благодаря которому переводчик имеет возможность осуществлять необходимые преобразования, если это определяется особенностями принимающей культуры. Следовательно, подготовка переводчика должна включать несколько этапов, на каждом из которых формируются необходимые знания, навыки и умения, такие как знание языков и культур, умение анализировать текст, владение необходимыми приемами, а также активные переводческие умения, включающие умение работать в команде, умение работать в рамках больших проектов, соблюдать установленные сроки. Функциональный подход обеспечивает необходимую свободу переводчика.

Ключевые слова: функции переводчика, Скопос-теория, переводческая верность, (межкультурное) посредничество, подготовка переводчиков, переводческая компетентность, переводческие приемы, пассивное переводческое умение, активное переводческое умение.

Though the translator is often referred to as a kind of converter ready to easily adapt, or as a servant true to the commissioner, or to the original text, it seems reasonable to consider her/him as a purposeful agent who has great loyalty for the people she/he mediates between. The work should be based on mutual trust and confidence which allow the translator to make necessary adaptations if the target culture requires it. Translators training should therefore consist of several phases developing respective skills, i.e. languages and cultures knowledge, text analysis, use of various tools, and active translation skills, which also include working in teams, working at big projects, keeping to certain deadlines. Functional approach sets the translators free.

Key words: translation functionality, Skopos, translator's loyalty, (cultural) mediation, translators training, translation competence, translation tools, passive translation skills, active translation skills.

The translator's professional and cultural identity and how it is developed in translator training

If we listen to employers of translators or commissioners of translations, we learn that translators are expected to have a perfect passive and active knowledge of their own and (at least) one foreign language and culture, they should be able to manage all sorts of domains (from business administration through law, information technology, medicine, to literature or even theology, to name but a few very general examples) or know at least where to find the information they are lacking, they need an excellent transfer and mediating competence, they should be able to revise and improve faulty translations, master all sorts of electronic and traditional tools (including the latest memory systems), manage translation projects, be resistant to stress and flexible in adapting to the rapidly changing requirements of the profession, without ever being satisfied with less than absolute perfection. Of course, they are faithful to the original and loyal to their communication partners and subscribe to high professional ethics, they are expected to integrate themselves smoothly into a team or to take the lead if the need arises, and they should be able to make up their minds quickly and convince others of what should be done without imposing themselves on anybody.

This list of competences, abilities and skills suggests that translators are something like a chameleon in that they easily adapt to their environment in order to stay as invisible as possible. In a similar vein, Anthony Pym provocatively asked some time ago (Pym 1996: 338), whether functionalism viewed translators as “mercenary experts, able (and ready) to fight under the flag of whoever pays them”, and some others may even consider the translator as a mere technical device, a kind of converter, an “apparatus that changes the form in which information is written so that it can be accepted and dealt with by another receiver”, if you allow me to adapt the definition of *converter* given in the *Dictionary of Contemporary English* (DCE 1978). From there, it is only a small step to replacing the human translator by some kind of computer software that does the job. However, and fortunately for us and the students we are training, the development of electronic translation programmes during the past few decades shows that their use is (and probably will always be) rather limited. And this is why we have to think about the translator's professional and cultural identity, which is more than just competence.

Another metaphor frequently used to describe the role and function of a translator, is the one of the translator being a faithful servant. I have experienced this myself when the New Testament translation I published together with my husband, Klaus Berger (Berger/Nord 1999) was harshly criticized by a theological reviewer who wrote in a prestigious German newspaper: “A translator who does not translate literally pretends to be ‘master of the word’ instead of ‘servant of the word’. It is the translator's duty to be faithful to the words, structures and sounds of the original.” (Schuler 1999) What the reviewer

did not know, because he did not care to read the translators' preface, was that we had a different idea of the translator's identity, one that might perhaps be better described by another metaphor, which goes back to the famous investigator of German language and culture Jakob Grimm, who in 1847 compared the translator to a ferryman:

To translate means to ferry across the waters. Whoever hires a crew and sets sails to his ship in order to cross the sea must inevitably land where another wind blows over different soils (Grimm, 1847, my translation)⁹. Obviously, the translator is the ferryman, the ship is carrying the message, and the soil and the wind are the conditions under which the message is received in the target culture, where a new audience has to make sense of it. If something "makes sense" to us, we understand it, we consider it meaningful and coherent with what we know about the world, about our culture and about the situation in which we are communicating, and we attribute a communicative function to it. We say that it amuses us, or that we learn something new from it, or that it tells us something about another person's feelings.

Looking at the same process from the other side, i.e. from where the ferryman starts, we may say that someone who commissions a transfer from one side of the waters to the other, wants the freight to reach its destination without any damage. It is expected that the ferryman knows both the currents and shallows of the waters to be crossed and the soil and winds of the country he is heading for. In order to make sure that the freight reaches the harbour in optimum conditions he also needs a good knowledge of the soil and winds of the country he is departing from because they may have influenced the way the goods are packed. Thus, he is able to judge which of the characteristics of the packaging are due to the source culture (and thus may have to be adapted to target-culture conditions) and which are part of the essence, or *sense*, he is supposed to deliver to the target audience.

But here we have reached the limitation of the analogy. Ferrymen do not normally unpack the freight they are carrying and repack it underway or at the place of destination. Therefore, Grimm's metaphor does not give us a complete picture of the translator's identity either. From a functional perspective, I would like to view translation as a purposeful activity and the translator as a purposeful agent, that is, what I would like to call a functional translator.

From a functional perspective, the translator starts the translation process by interpreting the brief they have received from the commissioner. The brief (ideally) defines the target-text profile, i.e. it states the purposes the translation is needed for. If it is not explicit enough, the translator will interpret it, or perhaps ask the client for more details, because the more we know about the addressed audience, the intended time and place of reception, etc., the better will

⁹ "Uebersetzen ist uebersetzen, traducere navem. Wer nun, zur seefahrt aufgelegt, ein schif bemannen und mit vollem segel an das gestade jenseits fuhren kann, musz dennoch landen, wo andrer boden ist und andre luft streicht." In Störig (ed.), 1963.

we be able to produce a translation that fits the commissioner’s needs. The client is not the one who tells the translator how to go about their job – this is the expert’s decision (and responsibility) alone. By way of abstraction, the results of the interpretation of the brief are then compared to the material offered by the source text, and the result of this comparison leads to a decision with regard to the appropriate translation strategy. Drawing on her/his transfer competence and creativity, the translator then will put this strategy into practice, producing a suitable target text, before a phase of quality control will check whether the target text really meets the requirements of the brief. This process may entail quite a few changes with regard to wording or syntax or even the overall construction of the text. This process is depicted in Fig. 1 (below).

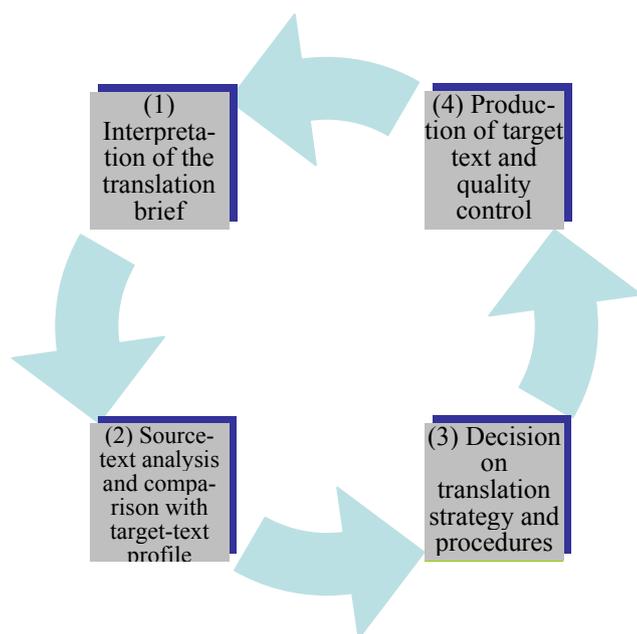

Fig. 1: The translation process

Indeed, the basic principle of Skopos theory is ‘the translation purpose justifies the translation procedures’, and this sounds very much like ‘the end justifies the means’. As such, there would be no restriction to the range of possible ends; the source text could be manipulated as clients (or translators) saw fit. In a general theory, which *Skopos theory* claims to be, this doctrine might be acceptable enough, since one could always argue that general theories do not have to be directly applicable. Yet translation practice does not take place in a void. It takes place in specific situations set in specific cultures, so any application of the general theory, either to practice or to training, has to consider the specific cultural conditions under which a text is translated.

Looking at the cultural knowledge of the agents, we note that all agents are located either in the source or the target culture. Although both the translator and the commissioner may be based on the source or the target side, the translator is the only one who is not only familiar with, but an expert in, both cultures, whereas the other participants, at least schematically, most probably do

not have more than a superficial or even stereotypical knowledge of the other culture. The interaction between the translator and the other participants of the translational interaction must, therefore, be based on mutual trust and confidence. This gives the translator a huge responsibility not to disappoint or even deceive their partners.

This responsibility is what I call “loyalty”. The loyalty principle means that the range of possible translation purposes is limited by the translator’s responsibility with regard to their partners in the translational interaction (and towards themselves). As an interpersonal category referring to a social relationship between people who expect not to be treated in unfair ways in the process, loyalty may replace the traditional intertextual relationship of “fidelity”, a concept that usually refers to a linguistic or stylistic similarity between the source and the target texts, regardless of the communicative intentions and/or expectations involved. If authors can be sure that translators will respect their communicative interests or intentions, they may even consent to any changes or adaptations needed to make the translation work in the target culture. And if clients or receivers can be sure that the translator will consider their communicative needs as well, they may even accept a translation that is different from what they had expected. This confidence will then strengthen the translator’s social prestige as a responsible and trustworthy partner.

Let us now look at what these considerations mean for translator training. Translator training has to develop all the competences, skills and ethical attitudes that are necessary to be a “purposeful agent” mediating between cultures and a responsible partner to the other persons involved in the interaction. Responsibility and partnership are the key words here. Servants or even ferrymen are not responsible for their actions, nor are they partners to their commissioners. “Serving does not usually go together with a well-developed ego”, as Paul Kussmaul (1995: 32) puts it. However, in order to become equal partners in their negotiations with clients, translators need self-confidence and a stable identity, and these arise from professional and successful behaviour.

In practical terms, I suggest the following basic principles for translator training:

- **Each translation task requires an adequate proficiency in both languages and cultures involved.**

Adequate means:

- A passive competence in the source language and culture that is sufficient to understand and analyse the given source text in its situation-in-culture; and
- an active competence in the target language and culture that is sufficient to produce a target text fulfilling the requirements of the given brief.

If translation is taught before the students have reached a sufficient command of language and culture, translation classes will degenerate into language classes without the students (or the teachers) even being aware of it,

and students will come to the conclusion that translating means “wrestling with language” (Smith/Klein-Braley 1985:50). They will concentrate on language problems and difficulties, losing sight of the pragmatic, cultural and ethical aspects of translation.

- **Each translation task requires adequate domain knowledge.**

Adequate means: sufficient for the task in question

In some programmes, separate classes or lectures on certain (practice-relevant) basic knowledge domains are offered by teachers who are experts in the field. The ideal would be to have domain experts who are also familiar with the translator's needs: a translator does not have to plan and build a house, like an architect, but should be able to talk about planning and building in a professional way! In these cases, practical translation courses can be organized in accordance with the topics dealt with in domain lectures. More often, translation teachers have to be experts in all sorts of topics themselves (or are expected to acquire the necessary knowledge in their spare time). But even then, it would be advisable to convey the necessary domain knowledge *before* the translation process starts. Students may also be asked to investigate the topic beforehand and to give a short report to their peers.

- **Each translation task requires an ability to use the appropriate tools and sources of information.**

Appropriate means: apt to overcome the difficulties and to solve the problems involved in the task in question

An instruction in the use and the evaluation of both traditional and modern tools and information sources (dictionaries, encyclopaedic works, data bases, auxiliary texts, internet sources, etc.) should also precede translation teaching proper. Again, the ideal case would be a separate class in the preparatory phase (approximately 30 classroom hours), where students are familiarized with the variety of tools and aids in a general way before they start working with the specific tools in their working languages and cultures. It goes without saying, that all necessary tools and information sources should be available to the students when preparing their translations (either at home, at a self-access centre or in the classroom).

- **Translation competence should be developed in a systematic way.**

This means that training might be divided into various phases:

- **Phase 0:** *Developing lingua-cultural and meta-communicative competence*

This phase may actually be required to have taken place before admission to the translator training programme. However, if language and culture competence has to be developed or enhanced within the framework of the translator training programme, the enhancement should be geared toward

translation. If it is required before admission to the programme, the orientation toward translation should be included in Phase 1). Apart from the ability to communicate in the language (i.e. to understand texts that are read out or written and to produce texts which are apt to serve certain communicative purposes), translation requires a particular kind of meta-communicative competence, i.e. the knowledge about how the two languages and cultures work and where the differences lie that make it impossible just to switch codes in translation. Therefore, language teachers working in a translator training programme should be aware of the specificities of translational language use and take them into consideration. The enhancement of lingua-cultural and meta-communicative competence refers to both the native and the foreign languages and cultures.

○ **Phase 1:** *Developing passive translation competence*

In a preparatory phase, a passive translation competence is acquired by means of exercises like text and discourse analysis, intra-lingual translation (in the native and the foreign language), contrastive analysis of texts or text segments, translation comparison and criticism, etc.

○ **Phase 2:** *Developing active translation competence*

In the main phase of active competence development, the tasks should be presented in an appropriate learning progression. The teacher should be aware of the quantity and quality of the translation problems involved. Ideally, a task should present a few problems already known from earlier tasks, and a few new ones. This leads to more individual experience of success (which to be seems to be lacking in many translation classes) and fosters self-confidence.

Tasks should be as realistic as possible, using practice-relevant text genres and translation types, for which a real or near-real translation brief is possible. Each task should be accompanied by a brief that defines the teacher's expectations with regard to the product, both with regard to the degree of perfection (draft vs. camera-ready) and the adequacy for a certain audience and purpose. Practical training integrated into the academic curriculum shows the students what to expect from translation practice.

Students should learn to work in teams (taking different roles, such as commissioner, reviser, consultant, terminologist) and on larger projects, possibly outside the classroom and using all the tools and information sources available, and with concrete deadlines. They should be invited to reflect on what they are doing and why or rather: to what end, and to justify their solutions. The methods and strategies to choose from are part and parcel of the translator's professional competence, and this, in turn, is the basis for loyalty and trust between the translator and her/his interaction partners in intercultural mediation.

Conclusions

1. Translators are cultural mediators.
2. They act as purposeful agents.

3. Their activities are characterized by professionalism and an ethical attitude of loyalty toward their partners.
4. Although located in either the source or the target culture, they are able to spot the “rich points” where the behaviour of the members of a particular pair of cultures or diacultures in a given situation is so divergent that it may lead to communication conflicts or even breakdowns, and find ways and means to solve cultural conflicts without taking sides.
5. Thus, functionalism may set translators free!

References

Berger, Klaus/Nord, Christiane (1999): *Das Neue Testament und frühchristliche Schriften*. Frankfurt/Main: Insel Verlag.

DCE (1978): *Dictionary of Contemporary English*. Langenscheidt-Longman.

Grimm, Jakob (1847): «ueber das pedantische in der deutschen sprache». Störig, H. J. (ed.) *Das Problem des Übersetzens*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1963, 108-135.

Kusmaul, Paul (1995): *Training the Translator*. Amsterdam: Benjamins.

Pym, Anthony (1996): Material Text Transfer as a Key to the Purposes of Translation. A. Neubert/G. Shreve/K. Gommlich (eds.) *Basic Issues in Translation Studies. Proceedings of the Fifth International Conference Kent Forum on Translation Studies II*. Kent/Ohio: Institute of Applied Linguistics, 337-346.

Schuler, Christian (1999): Am Anfang ist nicht mehr das Wort', *Frankfurter Allgemeine Zeitung* 30-11-99.

Smith, Veronica/Klein-Braley, Christine (1985): *In other Words. Arbeitsbuch Übersetzung*. Munich: Hueber.

Сведения об авторе

Кристиане Норд

член Ассоциации переводчиков ФРГ,

член Европейского общества

переводоведческих исследований

e-mail: cn@christiane-nord.de

ИЗ ОПЫТА ОБУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ И СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Л.А. Борисова

Воронежский государственный университет, Воронеж

В статье сравнивается процесс обучения юридическому переводу студентов-лингвистов, которые в скором времени получают квалификацию переводчика, и студентов – юристов, которые получают дополнительную квалификацию переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Автор предлагает собственную модель обучения, состоящую из двух этапов. На первом этапе обе группы студентов учат справляться с лексическими трудностями юридических текстов, а на втором этапе их обучают переводу юридических текстов различных видов. В статье приводятся примеры некоторых типичных затруднений, с которыми столкнулась каждая из групп. Ключевые слова: юридический перевод, юридические термины, юридические тексты.

From the Experience of Teaching Legal Translation to Language Students and Law Students Lydia Borisova

This article compares the process of teaching legal translation to language students who are going to receive the qualification of a translator and to law students who are going to receive additional qualification of a translator in the sphere of professional communication. The author offers her own model of teaching which consists of two stages. At the first stage both groups of students are taught to cope with lexical difficulties of legal texts while at the second one they are taught to translate legal texts of different genres. The article provides examples of some specific difficulties each group of students faces.

Key words: legal translation, legal terms, legal texts

В свете процесса глобализации и расширения спектра международных отношений количество юридических документов, особенно относящихся к сфере международного права, неизбежно возрастает. Страны заключают между собой различные соглашения о сотрудничестве, подписывают конвенции, издают совместные постановления, принимают общие законы (Конституция ЕС). Количество сделок, участниками которых являются фирмы из разных стран, также увеличивается. Более тесными становятся отношения между странами в

сфере образования, здравоохранения, социальной политики в целом. В подобных условиях потребность в переводчиках, специализирующихся на области права, значительно возрастает.

В последние десять лет значительно возросло количество публикаций, посвященных проблемам юридического перевода. Ученые-лингвисты предлагают различные подходы к переводу юридических текстов (ориентированный на получателя подход С.Шарчевич, теория Вермеера, функциональный подход и др.). Появление этих публикаций обусловлено, на наш взгляд, повышением внимания к юридическому языку в целом, признанием того, что юридический язык имеет свои отличительные особенности, выделением юридического языка в качестве отдельного предмета исследования так называемой правовой лингвистикой или юрислингвистикой.

В задачи настоящей статьи не входит описание особенностей юридического языка, поэтому для обоснования необходимости обучения юридическому переводу как отдельному виду перевода мы приведем слова итальянского исследователя Дж.Гарцоне, которая говорит о том, что переводчик, осуществляющий перевод юридического текста, сталкивается с трудностями на всех уровнях. «Язык права обычно отличается стереотипностью, неопределенностью, архаичностью; юридический дискурс опосредован культурой; юридические тексты имеют особый прагматический статус» [1].

Учитывая вышеизложенное, знание переводчиком формата разного рода документов, владение юридической терминологией и знание основных явлений и особенностей системы права того или иного государства представляется крайне необходимым.

Данная статья посвящена сравнению процессов обучения юридическому переводу студентов-лингвистов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», и студентов-юристов, обучающихся по программе дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Главное различие, безусловно, заключается в количестве часов, выделяемых на изучение дисциплины, что сказывается на глубине проработки материала. Если студенты-лингвисты обучаются юридическому переводу в течение одного семестра, то студенты-юристы находятся в неоспоримом преимуществе, поскольку данная дисциплина преподается им в течение трех лет.

На наш взгляд, умение переводить юридические тексты предполагает, в первую очередь, умение переводить юридическую терминологию. Поэтому на начальном этапе студентам предлагаются разнообразные упражнения на перевод юридической терминологии, к числу которых можно отнести упражнения на перевод отдельных

терминов, упражнения на сопоставление английского и русского эквивалентов, упражнения на перевод терминов в контексте и др.

Буквально первым заданием для студентов является перевод слова «law» в разных контекстах. Традиционно студенты приводят такие эквиваленты, как «закон» и «право», однако после выполнения упражнения становится очевидно, что даже такое знакомое слово можно переводить и с помощью других эквивалентов: «норма», «юриспруденция» и др. (ср.: Children soon accept social laws или I was planning a career in law).

Перевод юридической терминологии, безусловно, легче дается студентам-юристам в силу их специальности, хотя здесь есть обратная сторона медали. Студенты-юристы обычно более склонны спорить по поводу содержания понятий в британской/американской и русской правовых системах. Так, предметом разногласий может стать слово «burglary», традиционно переводимое как «кража со взломом». В Уголовном Кодексе РФ нет преступления, которое бы квалифицировалось подобным образом и составляло отдельную статью, поэтому некоторые студенты пытаются подобрать ему какой-то аналог из УК и переводят его «кража», иногда «хищение». Студенты-лингвисты, как правило, не знакомы с такими тонкостями, поэтому подобного рода вопросы им обычно не свойственны.

При переводе юридической лексики в целом студенты не могут не столкнуться с проблемой переводческих лагун, безэквивалентной лексики, реалий. Поэтому при обучении юридическому переводу необходимо уделять этим вопросам особое внимание, объясняя значение определенных понятий, уточняя разницу между терминами родного и иностранного языка и делая акцент на возможности/невозможности перевести то или иное слово или словосочетание определенным образом.

Например, в английском праве в отдельную отрасль выделяется «land law», название которой все студенты, будь то лингвисты или юристы, автоматически переводят как «земельное право», что не совсем верно. Слово land в английском праве подразумевает не только участок земли, но и находящиеся на нем строения, т.е. недвижимость в целом. В российском праве нет отдельной отрасли, которая регулировала бы подобного рода отношения. Поэтому при переводе словосочетания *land law* правильнее было бы использовать описательный перевод «право, регулирующее операции с недвижимостью». В то же время в России различают земельное и аграрное право. Последнее по-английски звучит как «agrarian law», хотя как раз на Западе такой отдельной отрасли нет, поэтому при переводе с русского на английский применяется прием калькирования. В отношении первого возникает переводческая проблема, поскольку содержание понятий «land law» и «земельное право» в английской и российской правовых культурах различно. Рамки статьи не позволяют нам привести большее количество подобного рода примеров.

Обучение юридическому переводу предполагает знакомство студентов с основными понятиями и явлениями системы права той или иной страны, с реалиями иноязычной правовой культуры. Студенты-лингвисты должны иметь хотя бы общее представление о разновидностях систем права, о судебной системе в стране изучаемого языка, об основных понятиях уголовного и гражданского права. Спектр тем, предлагаемых студентам-юристам, безусловно, гораздо шире. Это могут быть три ветви власти, юридическая профессия, правоохранительные органы, пенитенциарная система, различные отрасли права и многие другие. Опыт показывает, что, несмотря на свою специальность, студенты-юристы не очень хорошо знакомы с системой права в зарубежных странах, поэтому изучение данных тем представляется нам неотъемлемой частью их образования. Знакомство с иноязычными правовыми традициями, на наш взгляд, обязательно должно проводиться на основе сравнения с правовыми традициями в родной стране. Это позволяет научить студентов грамотно переводить реалии не только с иностранного языка на родной, но и с родного на иностранный.

Приведем пример. Среди пенитенциарных учреждений в Великобритании выделяют три вида тюрем: с минимальной, средней и максимальной степенью изоляции заключенных (*minimum security prison*, *medium security prison*, *maximum security prison* соответственно). Российской системой исполнения наказания предусмотрены колонии общего, строгого, особого режима и колонии-поселения. Переводить английские названия, используя слово «колония» с указанием режима, нам представляется не совсем верным, поскольку мы имеем дело с реалиями, и то, что по-английски называется *minimum security prison* не равно колонии общего режима и наоборот. Аналогично, борстальские учреждения для несовершеннолетних преступников (до недавнего времени – *Borstals*, а с 1987 г. – *young offender institutions*) не то же самое, что исправительно-трудовая колония для несовершеннолетних.

При освоении курса юридического перевода студенты не только формируют и совершенствуют навыки перевода юридической терминологии и реалий правовой культуры, но и развивают умения осуществлять перевод юридических текстов различных жанров с учетом их особенностей.

Обучение переводу текстов различных жанров строится, в первую очередь, на основе сравнения англоязычного текста и русскоязычного текста, не являющегося переводом первого, а принадлежащего к тому же жанру. Плодотворными в этом отношении оказываются тексты договоров, объявлений о розыске преступников, законов, документов физических и юридических лиц. На данном этапе необходимо научить студентов видеть жанровые особенности текстов, проводить параллели между форматом иноязычного и русскоязычного текстов, находить в тексте клише и

штампы, которые могут быть полезны при переводе как с иностранного языка на родной, так и с родного на иностранный.

Полезными также являются упражнения на сравнение текста оригинала и текста перевода. Студенты анализируют переводческие решения, обсуждают, насколько удачными они являются; они определяют вид переводческих трансформаций, объясняют причину их применения; предлагают свои варианты перевода.

Большая часть времени при обучении юридическому переводу, на наш взгляд, должна уделяться переводу не отдельных лексических единиц, а текста в целом. Только на базе текста можно рассмотреть переводческие проблемы в комплексе. При подборе текстов можно руководствоваться несколькими критериями. Так, Холли Миккелсон считает, что «программа обучения может строиться исходя из типа документа (документы физических лиц, законы, договора...); исходя из области права (семейное..., уголовное, международное); или же исходя из уровня сложности» [2]. Нам ближе жанровый подход, который мы сочетаем также с подходом по уровню сложности. Студенты-лингвисты, ввиду ограниченности времени, учатся переводить наиболее сложные в жанровом отношении тексты, к числу которых мы относим судебные решения и документы физических и юридических лиц. Их сложность состоит в том, что они, во-первых, имеют жесткий формат и, во-вторых, между англоязычным документом и его русскоязычным аналогом можно найти больше различий, чем сходства. Таковыми являются свидетельство о рождении, диплом об образовании, доверенность, устав организации и некоторые другие.

Студенты-юристы, в силу своей специальности и большего количества времени, выделяемого на изучение дисциплины «Практикум по переводу» в соответствии с учебным планом, учатся переводить научные, научно-популярные, газетно-информационные, энциклопедические, законодательные тексты, тексты учебных пособий, и, так же, как и студенты-лингвисты, судебные решения и документы физических и юридических лиц, но в большем объеме. Обычно мы предлагаем два-три текста одного жанра, но разного уровня сложности.

Интересно заметить, что достаточно сложными оказываются для студентов-юристов газетные и журнальные статьи на профессиональную тематику. Мы объясняем это тем, что в такого рода текстах содержится не столько юридическая терминология, сколько различные изобразительно-выразительные средства языка, например, метафоры, сравнения, аллюзии и т.д. Если лингвисты более знакомы с данными явлениями и потому легче справляются с трудностями их перевода, то юристы зачастую в недостаточной степени владеют языком, чтобы знать, к примеру, устойчивые выражения или пословицы, либо же имеют неглубокие фоновые знания по какой-либо теме.

Проиллюстрируем сказанное на следующем примере. Один из текстов, который мы предлагаем студентам-юристам на перевод, касается скандала по поводу коррупции на зимних олимпийских играх в Солт-Лейк Сити. Текст начинается словами: «There could be a silver lining in the storm clouds over Salt Lake City». Традиционно в переводе студентов говорится что-нибудь про тучи и шторм над городом. Практически никто из юристов не знает известную английскую поговорку «Every cloud has a silver lining» и поэтому не использует ее значение при переводе.

Наш опыт показывает, что самым сложным в плане перевода, как для студентов-лингвистов, так и для студентов-юристов, является текст судебного решения федерального апелляционного суда США. (Текст решения Европейского или Международного суда по правам человека не вызывает такое количество проблем). Он кажется нам очень удачным материалом для перевода, поскольку в нем собран весь комплекс переводческих трудностей: терминология, реалии, грамматические явления, синтаксические структуры, имена собственные, аббревиатуры, сокращения, многочисленные ссылки и цитаты, жесткий формат, другая система права и многое другое. По тому, насколько успешно студент справился с переводом данного текста, мы судим об уровне его умений юридического перевода. Именно перевод текста судебного решения является одним из заданий переводческой практики студентов-юристов.

Работа с любым юридическим текстом строится следующим образом. Перевод текста является домашним заданием студента. Непосредственно на занятии происходит обсуждение переводческих решений, при этом необходимо попросить нескольких студентов предложить свой вариант перевода одного и того же предложения в целях сравнения. Задача студента – объяснить, почему он принял данное переводческое решение, либо же, если речь идет о смысловой ошибке, суметь ее понять и исправить. Если в тексте содержится интересная лексика, какие-то клише и т.п., то можно предложить упражнения на закрепление материала, например, составить предложение с использованием данной единицы, перевести предложение с родного языка на иностранный, подобрать синоним или антоним и др.

Говоря об обучении юридическому переводу, мы имеем в виду, прежде всего, перевод письменный. Однако не стоит забывать и об устном юридическом переводе. В Воронежском государственном университете как студенты-лингвисты, так и студенты-юристы изучают его основы в рамках дисциплины «Практический курс устного перевода».

В первую очередь, необходимо научить студентов составлять тематический вокабуляр, например, по таким проблемам, как защита прав человека, преступление и наказание, судопроизводство и т.п. Этот вокабуляр далее нужно закреплять на базе разного рода упражнений, как по мнемотехнике, так и на тренировку универсальной переводческой

скорописи. Он должен постепенно войти в активный словарный запас студента.

Тексты, предлагаемые студентам для устного перевода, не должны быть сложными с точки зрения синтаксиса и грамматики, поскольку всегда необходимо помнить о том, что переводить требуется устную речь, которая, безусловно, отличается от письменной. В качестве жанров можно предложить перевод новостных блоков на криминальную или политическую тему, интервью с представителями правоохранительных или иных органов, выступления в суде и т.д. Помимо последовательного перевода с иностранного языка на родной можно также практиковать двусторонний перевод, но делать это следует на продвинутом этапе обучения.

Устный перевод на юридическую тематику легче дается студентам-лингвистам ввиду того, что они обучаются устному переводу в общем и целом несколько лет, в связи с чем навыки и умения у них сформированы в большей степени, чем у студентов-юристов. Что касается последних, то основной целью при обучении мы считаем развитие умений письменного юридического перевода. Устный перевод является для студентов-юристов скорее ознакомительным курсом, который призван заложить основы, на базе которых студенты смогут совершенствовать свои навыки в дальнейшем, если им придется работать устными переводчиками в рамках своей специальности.

Авторы статей о подготовке устных переводчиков в сфере юриспруденции имеют в виду главным образом переводчиков судебных. Мы, безусловно, признаем, что устный перевод на юридическую тематику связан, прежде всего, с переводом в зале судебного заседания. Однако в рамках данной статьи мы не можем поделиться опытом по подготовке такого рода специалистов. Мы считаем, что для подготовки судебного переводчика требуется отдельный курс обучения устному переводу, рассчитанный на несколько лет, а программа подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации предполагает подготовку письменных переводчиков, в связи с чем не предусматривает необходимого количества часов на глубокое овладение навыками и умениями устного перевода.

Подводя итог, отметим, что помимо формирования навыков перевода юридической терминологии и текстов различных жанров, обучение юридическому переводу предполагает также ознакомление студентов с лексикографическими источниками, которые они могут использовать в своей работе, а также с технологией работы переводчика в целом и применительно к сфере юриспруденции в частности.

Библиографический список

1. Garzone G. Legal Translation and Functionalist Approaches: a Contradiction in Terms? / Giuliana Garzone. – (<http://www.tradulex.org/Actes2000/Garzone.pdf>)
2. Mikkelson H. Awareness of the Language of the Law and the Preservation of Register in the Training of Legal Translators and Interpreters / Holly Mikkelson. – (<http://www.law.vill.edu/administration/alumnirelations/docs/lostintranslation/disc4/Awareness%20of%20the%20Language%20of%20the%20Law.pdf>)
3. Sarcevic S. Legal Translation and Translation Theory: a Receiver-oriented Approach / Susan Sarcevic. – (<http://www.tradulex.org/Actes2000/sarcevic.pdf>)

Сведения об авторе

Борисова Лидия Александровна
преподаватель кафедры теории перевода
и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного университета
e-mail: lydiaborisova@mail.ru

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А.Н. Злобин

Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарева, Саранск

Статья посвящена проблеме формирования переводческой компетенции. В ней дается критический анализ различных по своему составу составляющих компетенции переводчика и обосновывается необходимость ее дополнения культурной составляющей.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетенция переводчика, составляющие переводческой компетенции, культурная составляющая.

About the Concept of a Translator's Competence Alexander Zlobin

The article is devoted to the problem of formation of a translator's competence. It contains a critical analysis of the constituents of a translator's competence which differ in their composition. The need to supplement the competence with a cultural constituent is substantiated.

Key words: competence approach, a translator's competence, constituents of a translator's competence, a cultural constituent.

При организации подготовки профессиональных переводчиков нельзя не считаться с возражениями против обучения переводу, которые, как известно, сводятся к тому, что умение переводить возникает у всех попутно и переводчиком может быть любой знающий иностранный язык. Существует и прямо противоположное мнение, согласно которому переводу нельзя научить, поскольку умение переводить – это природный дар, и поэтому переводчиком надо родиться. При наличии прирожденного таланта – будешь переводчиком, при отсутствии – никто не сможет научить тебя переводить. Подтверждением последнему может служить следующее высказывание о переводчиках: «...Их не снимают с конвейерной ленты университетов и институтов гуманитарного склада, где иностранные языки – мясная смесь, которую вминают в желающих.

Результат бывает разный: варёные и полукопченые, копченые и ливерные колбасы, да еще зельцы. Но ни под одну из разновидностей этих продуктов переводчики не подходят. Они внесерийны. Они «выводятся» сами...» [1. С.52].

Тем не менее, оба возражения, как первое, так и второе, что переводчиками могут быть лишь немногие избранные, опровергаются теоретическими соображениями и переводческой практикой. Вместе с тем, признает В.Н.Комиссаров, явление «естественного» перевода как способности человека, обладающего определенным уровнем двуязычия («естественным билингвизмом» [2. С.53]) и не обучавшегося умению переводить, передавать на одном из известных ему языков содержание высказывания на другом языке, безусловно, существует. Однако, добавляет он, в большинстве случаев «естественный» перевод оказывается весьма приблизительным, неточным, не отвечающим требованиям, предъявляемым к профессиональному переводу, и для достижения профессионального уровня требуется формирование особой переводческой компетенции (ПК), создаваемой либо целенаправленным обучением, либо длительной практической деятельностью. Концепция ПК представляет большой теоретический и практический интерес и нуждается в дальнейшем исследовании, чтобы уточнить составляющие её факторы и способы её формирования и развития [3. С.20, 37].

Представляется целесообразным отметить, что наиболее полно составляющие (компоненты) профессиональной компетенции переводчика прописаны у В.Н.Комиссарова [4]. Его концепция ПК носит комплексный характер и исходит из понимания перевода как сложного и многогранного вида умственной деятельности, которая может преследовать разные цели, осуществляться в разных условиях, различными способами и под воздействием многих факторов. Получение ПК по В.Н.Комиссарову означает «не усвоение каких-то норм, правил и рецептов, которые переводчик мог бы автоматически применять во всех случаях», а владение «принципами, методами и приемами перевода и умением их выбирать и применять по-разному в конкретных условиях к разным текстам и для разных целей» [4. С.323-324]. Вместе с тем некоторые аспекты этой концепции и представленные в ней компоненты ПК такие как языковая, коммуникативная, текстообразующая, техническая, а также некоторые обязательные личностные характеристики, вызывают, по мнению М.В.Вербицкой и И.Муратовой, вопросы теоретико-терминологического характера и требуют уточнения с позиций современной лингводидактики. Так, например, у В.Н.Комиссарова языковая и коммуникативная компетенция соположены как компоненты одного уровня, в то время, как считают они, представляется более логичным трактовать коммуникативную компетенцию как явление более общего характера, более высокого порядка, которое включает речевую, языковую и другие

компетенции. Кроме того, хотя В.Н.Комиссаров и отводит важную роль в коммуникации фоновым знаниям, **социокультурная компетенция** не выделяется им как отдельная составляющая ПК. С учетом реалий современного общества вполне справедливо предлагается дополнить данную концепцию профессиональной компетенции переводчика информационно-технологической составляющей [5. С.27].

Приведенные в толковом переводческом словаре Л.Л.Нелюбина [2] диффузные по своему характеру определения ПК в обобщенном виде можно представить следующим образом:

1.ПК объединяет как рецептивную компетенцию понимания, так и продуктивную компетенцию формулирования, т.е. включает способность понимания исходного текста (ИТ) и способность создания текста на языке оригинала (ПТ). Среди компонентов ПК выделяется идиоматическое владение языком. Кроме того, ПК включает и элементы двух соприкасающихся в процессе перевода культур.

2.Дифференциация ПК существует в двух измерениях:

- по жанру (научно-технический, худ. тексты и др.)
- по направлению (ПЯ-ИЯ и ИЯ-ПЯ).

Каждая из этих компетенций охватывает в свою очередь две субкомпетенции (рецептивную в сфере ИЯ и продуктивную в сфере ПЯ). Обе субкомпетенции взаимно дополняют друг друга и образуют основу ПК, имеющую текстуальный характер.

3.Как переводчик осмысляет переводимый текст, как он строит и перестраивает стратегию перевода, какую он, смотря по обстоятельствам, избирает функциональную перспективу высказывания, как он на основе оригинала воссоздает текст, все это составляет его ПК, как языковую, так и внеязыковую, как рецептивную, так и репродуктивную. Все эти виды компетенции органически связаны друг с другом и в своей сумме образуют компетенцию переноса, т.е. переводческую компетенцию.

4.ПК представляет собой сложную многомерную категорию, включающую те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации, среди них:

- особое «переводческое владение» двумя языками (как минимум рецептивное владение ИЯ и репродуктивное – ПЯ);
- способность к переводческой интерпретации ИТ;
- владение технологией перевода;
- знание норм данного стиля и жанра текста;
- знание переводческих норм, определяющих стратегии ПЯ;
- определенный минимум фоновых знаний, необходимый для адекватной интерпретации ИТ, и в частности того, что называется «знанием предмета» для успешного перевода в рамках специализации переводчика [2. С.149-150].

Сравнение основных определений ПК показывает, что они неоднородны, ибо входящие в них составляющие обладают большим количеством различных признаков, которые по-разному в них сочетаются. Отмеченный здесь количественный и качественный разнотип обусловлен тем, что существующие определения ПК носят индивидуальный характер и составлены, преимущественно, с опорой на профессиональное переводческое чутье. Выделенные в них составляющие охватывают, тем не менее, существенные аспекты ПК, однако, в них отсутствует четкая систематизация. Нам представляется, что при определении ПК следует не только установить состав её компонентов как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, но и показать взаимоотношения между ними и их внутреннюю организацию. Поэтому актуальна и востребована разработка методов, позволяющих преодолеть эту нечеткость в представлении ПК, выявить скрытую за кажущейся хаотичностью систему, чтобы можно было, выделив в ней все существенное и характерное, описать её как специфическую для переводчика совокупность компонентов ПК, обусловленных самой межъязыковой коммуникацией, многообразием форм переводческой деятельности и потенциально неограниченными требованиями к профессиональной компетенции переводчика, чему, собственно, посвящено наше исследование.

Практическая ценность настоящей работы подтверждается тем, что в настоящее время востребован компетентностный подход при подготовке специалистов в связи с переходом на двухступенчатую систему высшего образования (бакалавриат и магистратуру). Примером тому может служить, в частности, проект «Примерных основных образовательных программ высшего профессионального образования» направление подготовки 031000 (520300) – Филология. Профилизация подготовки. Отечественная филология. Зарубежная филология. Квалификация выпускника Бакалавр филологии, Магистр филологии, Магистр филологии по профессии. [6]. Что касается действующего сейчас ГОСТа 620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация, который «...bildet die Grundlage fuer den Studiengang 022900 «Uebersetzen und Uebersetzungswissenschaften», то, по мнению зарубежных специалистов, «...die Ausbilder dieses Stidiengangs in der Regel selbst eher eine philologische bzw. paedagogische Ausbildung haben und somit fachfremd eingesetzt werden...» [7].

Что же предлагается в компетентностно-квалификационных характеристиках выпускника по направлению подготовки 031000 (520300) – Филология (Бакалавриат)? Среди видов профессиональной деятельности важное место занимает производственно-прикладная, включающая в себя, в том числе, и переводческую деятельность, задачи которой обозначены в

профилизации «Зарубежная филология». В производственно-прикладной деятельности для профилизации «Зарубежная филология» указан перевод различных типов текстов с иностранного языка на родной и с родного на иностранный» [6]. В перечне компетенций, которыми должен обладать бакалавр филологии, приведены:

а) универсальные (общие) – общенаучные, инструментальные, социально-личностные и общекультурные компетенции (способность понимать культуру социальных отношений);

б) профессионально–концептуальные (теоретические), технологические (практические) компетенции;

в) профессионально-профилированные компетенции.

В универсальных (общих) инструментальных компетенциях предполагается «необходимое знание иностранного языка», а в профессиональных (технологических) компетенциях - «владение навыками устного и письменного перевода с иностранного языка на родной и с родного на иностранный». Кроме того, и в профессиональных (концептуальных) компетенциях вместо владения основным изучаемым языком опять же отмечено «знание основного изучаемого языка в его литературной форме и общее представление о его социально-территориальном варьировании». В профессионально профилированных компетенциях выделены:

– знание лингвокультурологических аспектов иностранного языка (языков);

– знание основ страноведения (история, культура, политика и т.д.) страны (стран) изучаемого языка;

– владение навыками перевода текстов различной стилистической направленности с родного языка на иностранный и с иностранного на родной;

– знание основ перевода как междисциплинарной науки; понятие о классификации видов перевода и их особенностях; понятие о типологии исходных текстов [6].

Однако, несмотря на выделение в данном проекте перевода как вида профессиональной деятельности, переводческая компетенция, как, впрочем, и культурная, не представлены здесь должным образом (как, например, это сделал Л.К. Латышев, который не только дал определение переводческой компетенции (ПК), но и представил ее в структурированном виде). Вслед за Л.К.Латышевым, мы будем понимать под ПК «совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи [8. С.5]. Эту совокупность подразделяется на две части, каждая из которых, в свою очередь, включает две составляющие, формализовано представленные в следующей схеме:

Переводческая компетенция			
базовая часть		прагматическая часть	
Концептуальная составляющая (КС)	Технологическая составляющая (ТС)	специфическая составляющая (СС ¹)	Специальная составляющая (СС ²)

Базовая часть ПК объединяет в себе все элементы ПК, задействованные в профессиональном переводе постоянно – во всех его проявлениях; прагматическая часть ПК, в свою очередь, включает все знания и умения и навыки, необходимые переводчику в тех или иных видах перевода, при переводах текстов той или иной тематики, тех или иных жанров [там же].

Л.К.Латышев описывает не профессионально профилированные компетенции, а составляющие ПК, редуцируя их количество до необходимого минимума, дающего возможность выделить суть ПК и тем самым избавиться от неконтролируемой многомерности, превращающей ПК в своего рода «снежный ком». В результате получаем КС – как совокупность знаний и представлений переводчика о сути перевода: специфике, отличающей его от других видов языкового посредничества, общей цели перевода и ее тексто-жанровых модификациях, задачах, решаемых переводчиком в процессе достижения цели, характерных для перевода коллизиях этих задач и основных принципах их преодоления.

Концепции Л.К.Латышева созвучны положения в новом образовательном проекте, где речь идет о профессионально-профилированной компетенции, ср.: «знание основ перевода как междисциплинарной науки; понятие о классификации видов перевода и их особенностях; понятие о типологии исходных текстов». Следующая составляющая базовой части ПК – технологическая (ТС), т.е. совокупность переводческих ноу-хау, помогающих языковому посреднику преодолеть типичные «технические» переводческие трудности и решить разноплановые задачи, возникающие перед переводчиком по пути к достижению цели, которая определена в образовательном проекте так же как профессиональная (технологическая) компетенция, т.е. предусматривает владение навыками устного и письменного перевода с иностранного языка на родной и с родного на иностранный.

Перейдем теперь к прагматической части ПК, которую Л.К. Латышев определяет как диапазон доступных переводчику видов перевода, жанров текстов и тем. Владение определенными видами перевода им относится к СС¹, а тематические и жанровые возможности переводчика - к СС² переводческой компетенции. Названные составляющие прагматической части ПК обнаруживаются в вышеуказанном проекте как профессионально-профилированная компетенция, то есть владение навыками перевода текстов различной стилистической направленности с родного языка на иностранный и с иностранного на родной.

Несмотря на очевидную стройность и логичность рассмотренной схемы ПК по сравнению с тем, что представлено в образовательном проекте ПООП ВПО «Бакалавр Филологии», в ней, тем не менее, отсутствует такая важная составная часть ПК как культурная составляющая, что представляется недопустимым, ведь перевод, как известно, это не только межъязыковая, но и межкультурная коммуникация. Обосновывая свое видение ПК, Л.К.Латышев отмечает, что вряд ли найдется переводчик, у которого все составляющие ПК были бы развиты равномерно объясняя это не только различиями в способностях людей, их различными склонностями, но также их профессиональной судьбой, неизбежной специализацией и доучивание на рабочем месте, по сути, всегда неизбежно [8. С.5-6]. В результате получается, что культурная составляющая как бы приобретает в процессе доучивания. Иными словами речь идет о субординации культурной составляющей другим составляющим ПК, хотя современный образовательный проект в какой-то мере учитывает значение культурной компетенции или культурной составляющей ПК, прописывая ее в профессионально-профилированных компетенциях как «знание лингвокультурологических аспектов иностранного языка (языков)» и «знание основ страноведения (история, культура, политика и т.д.) страны (стран) изучаемого языка».

Необходимо подчеркнуть, что ПК включает в себя «... auch kulturelle Kompetenz, da sie sowohl Sprach – und Textbildungskompetenz in zwei Sprachen als auch para- und extralinguistisches Wissen für eben diese situativ – kommunikativ angemessene Sprachverwendung einschließt» [9. С.1], что позволяет нам предложенную прагматическую часть ПК по Латышеву дополнить еще одной составляющей – **культурной**. В связи с изложенным выше следует говорить не о субординации, а о координации культурной составляющей с другими составляющими ПК, поскольку «различия культур, опыт, приобретаемый при их изучении – явления гораздо более сложные, чем может показаться переводчику, который хочет всего лишь перевести на немецкий язык выражение «перенос слов», и чем глубже переводчик вникает в эти различия (включая противостояние культур и полов), тем более он преуспеет в профессиональном плане» [10. С.182].

Было бы несправедливо утверждать, отмечает Л.Б.Бойко, что переводоведение, как отечественное, так и зарубежное, игнорировало культурный аспект переводческого процесса. Тем не менее, с этой точки зрения в центре внимания лингвистов в первую очередь оказывались слова, обозначающие реалии быта, уникальные явления культуры, концепты, отсутствующие в ПЯ. Велись и ведутся поиски путей передачи в ПЯ названий национальных блюд, экзотических для культуры ПЯ растений и животных, специфических систем политического устройства, образования и так далее. Как показывает многовековая практика перевода, язык, обладая уникальными компенсаторными возможностями, находит

ресурсы для заполнения лакун, пользуясь транскрипционным методом для заимствования лексики, аналогами, калькированием и прочими средствами. То, что называется «непереводимым в переводе» («отсутствие в родном языке идеального эквивалента или соответствия тому или иному слову или понятию оригинала, передающегося путем умения переводчика пользоваться различными приемами перевода» [2. С.119]), получает объяснение и теоретическое обоснование в трудах ученых. Но как, в свою очередь, обстоят дела с тем «переводимым», которое в определенных культурных контекстах делает недостаточным или вовсе отвергает применение закономерных соответствий? Иными словами, чем объяснить тот факт, что не испытывая недостатка в языковых средствах, мы сталкиваемся с трудностями в осуществлении (межъязыковой) коммуникации? [11. С.185]. Проиллюстрируем сказанное приведенными ниже примерами.

Так, например, компания Clairol начала в Германии продвижение новых щипцов для завивки волос «Mist Strick» и тут же выяснила, что в немецком сленге слово “Mist” означает «дерьмо». Компания Parker Pen вышла на рынок шариковых ручек в Мексике и подготовила рекламный лозунг, который должен был означать «она не помешает вам – не потечет в кармане». Однако переводчики компании решили, что испанское слово «embarazar» (делать беременной) означает «мешать» (по-английски – embarrass), так что по-испански лозунг гласил: «От нее вы не забеременеете – она не потечет в кармане» [10. С.183]. Анализ проведенных примеров показывает, что по мере приближения к черте, за которой начинается другая культурная среда, «перемещенные» тексты становятся все непредсказуемее, в этот момент мы осознаем, что пересекли границу между культурами [12. С.25-26]. Подобных случаев можно было бы избежать, ведь переводчик не только должен прекрасно знать обе культуры, учитывать, что рецепторы ИТ и ПТ, принадлежат к разным языковым общностям, обладают разными знаниями и жизненным опытом, имеют разную историю и культуру, но и понимать, что выбор переводческих стратегий культурно обусловлен, что отмечают и зарубежные исследователи: «Kulturspezifika (kulturelle Eigenheiten) sind für jede Übersetzung von herausgebender Bedeutung. ... Ein Übersetzer möchte sein Schäfchen ins Trockne bringen, also seine Strategien sowohl anhand der Sprachpaare, als auch der verschiedenen Kulturen entwerfen, um den Unterschied zwischen zwei (oder mehreren) Kulturen überbrücken zu können» [13].

Для того чтобы доказать обоснованность и необходимость предлагаемого сведения количества составляющих ПК до необходимого минимума (включающего в качестве обязательной, а не факультативной культурную составляющую) и их структурирования, обратимся непосредственно к переводчику как субъекту деятельности. При описании

переводчика мы не будем ограничиваться лишь объективным и закономерным, а уделим должное внимание также субъективному и единичному, поскольку научная редукция объекта к его наиболее общим признакам может оставить за пределами исследования его наиболее существенные стороны [14].

Обратимся к известному примеру из художественной литературы, а именно к роману Томаса Манна «Доктор Фаустус» (1947), где в 20-й главе как раз и дается портрет переводчика Рюдигера Шильдканапа, использующийся нами как калька существующего переводческого образа. Его переводческую компетенцию мы и попытаемся эксплицировать. Почему же именно Рюдигер Шильдканап? Прежде всего, потому, что в отличие от имеющихся других фрагментарных попыток описание этого второстепенного персонажа, входящего в окружение главного героя романа – немецкого композитора Адриана Леверкюрна, занимает 6 страниц. Кроме того, он не выдуман, его прообразом является реальное лицо. «R.Schildknapp ist keine Erfindung, sondern hat seine Vorlage in der Wirklichkeit. Bis in die Namensgebung hinein hat sich T. Mann an sie gehalten. Schildknapp ist der Übersetzer und Schriftsteller Hans Reisiger, der mit T.Mann befreundet war. Zwischen den Namen Reisiger und Schildknapp ist semantische Nähe, ein Reisiger ist etwas ähnliches wie ein Schildknapp nämlich ein „berittener Söldner“ (so definiert „Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache, Duden, dies spätmittelhochdeutsche Wort“») [15. С.165].

После того как мы обосновали свой выбор исходного материала для последующего когнитивного анализа, рассмотрим теперь более подробно портрет переводчика Р.Шильдканапа, набросанный доктором философии Серенусом Цейтбломом, который, как он сам откровенно признается, довольно критичен. Итак, «...англист и англоман Шильдканап...писал стихи...короткие рассказы, то ли из экономических соображений, то ли потому, что фантазия у него отнюдь не была ключом, он главную свою деятельность сосредоточил в области перевода со своего любимого языка, английского, не только поставляя ...немецкие тексты английских и американских занимательно-беллетристических произведений, но и, взявшись...за перевод образцов старинной английской словесности... выполнял перевод с величайшей добросовестностью, тонким чувством стиля и вкусом, самозабвенно радея о верности оригиналу, об эквивалентности языковых средств, все более и более поглощаемым соблазнами и тяготами переводческого мастерства [16. С.215-216].

«...Это был веселый ... человек, наделенный чисто англосаксонским чувством юмора... он всегда был знаком со всеми сынами Альбиона ... будь то туристы, объяснялся с ними на их языке, виртуозно приспособляясь к лексикону собеседника... Да и наружностью он от них не отличался; ... во всем его облике было столько истинного джентльменства ... [16. С.220-221]. «...Побаивался всякого альянса с

действительностью, усматривая в нем посягательство на потенциальное» [16. С.221]. «...Потенциальное было его вотчиной, бесконечный простор возможного – его королевством, тут он поистине был поэтом. ...Излюбленным его словом было «хорошо бы». Эта формула выражала грустное размышление о возможностях, осуществить которые мешает нерешительность» [16. С.222].

А вот как отзываясь о Шильдкнапе сам Адриан Леверкюрн: «... Шильдкнап, поэт, переводчик. Но из какого-то самолюбия, отнюдь не надменного, он всегда пасует, едва заметит, что от него чего-то хотят, что он нужен, что на него посягают. Человек с сильно развитым, а может быть, и чуть болезненным чувством независимости» [16. С.210].

Вполне очевидно, что на примере Шильдкнапа Т.Манн показывает, с одной стороны, трудности перевода, с другой – проблемы психологического состояния самого переводчика. Вместе с тем это еще и своего рода обращение к переводчикам, призыв оценить, насколько реален созданный автором портрет: отражает ли он подлинную суть переводческой деятельности со всеми ее «соблазнами и тяготами». Анализируя данный вопрос, немецкий исследователь Гаугер приходит к выводу, что Т.Манну действительно удалось создать вполне законченный, «wie auch differenziertes», отнюдь не карикатурный портрет, т.е. как бы заглянуть ему в душу [15. С.175].

Выделив, таким образом, все субъективное и единичное, присущее только Р. Шильдкнапу, перейдем теперь к выявлению объективного и закономерного для переводчика.

Для этого снова обратимся к характеристике Цейтблома, который отмечает, что Шильдкнап верно служил чужому делу: «... выполнял перевод с величайшей добросовестностью, с тонким чувством стиля и чувства, самозабвенно радея о верности оригиналу, об эквивалентности языковых средств...». Это же подчеркивает и Г.М.Гаугер: «... Bringt die Figur in die Nähe des Typus: das Dienen, dessen besondere Reize und Schwierigkeiten (beides gehört zusammen); die zu solchem Dienen gehörende „Versessenheit“; das Verzweifeln und Verzehrende seines Ringens mit Worten und um die Worte; das Übersetzen als Schicksal» [15. С.175].

Вместе с тем, переводчик должен служить не только автору и новым читателям, но и самому языку перевода, что накладывает известные обязательства служить верой и правдой.

Таким образом, можно сказать, что объективным и закономерным для переводчика являются: знания исходного языка (ИЯ) и любовь к нему, литературный и филологический опыт («...gut, wenn er (der Übersetzer) sich in einer gewissen Mitte bewegt») [15. С.177], верность и добросовестность («Bei allem Versagen Treue... Denn als Übersetzer, war er (Schildknapp) deren Verkörperung ohnehin) [15. С.174]. Приведенные факты подтверждают, что в портрете переводчика Т.Манн все же сумел нейтрализовать

бессознательное влияние типа личности Р.Шильдканапа на свою переводческую деятельность. Поэтому, несмотря на его колебания, скептицизм, честолюбие и непоследовательность, вполне уместно будет характеризовать Шильдканапа, используя предложенную В.Вилсом (1988) типологию поведения переводчика как целеустремленного, упрямого, вдумчивого, находчивого и логичного деятеля, который предан своему делу «...durch eine “getreue” Übersetzung...» [15. С.179]. Переводчик предстает здесь слугой: «...der erobert, der die Schliche seines Herrn vielfach durchschaut und auf seine Weise im Medium der neuen Sprache herrscherlich herrscht» [15. С.179].

Полученное описание переводчика Р.Шильдканапа позволяет выявить у него наличие следующих составляющих ПК, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Переводческая компетенция Р. Шильдканапа			
Базовая часть		Прагматическая часть	
Концептуальная составляющая	Технологическая составляющая	специфическая составляющая	Специальная составляющая
Самозабвенно радея о верности оригиналу, об эквивалентности языковых средств, все более и более поглощаемый соблазнами и тяготами переводческого мастерства	Выполнял перевод с величайшей добросовестностью, тонким чувством стиля и вкусом	занимательно-беллетристические произведения / старинная английская словесность (Unterhaltungsbelletristik / literarische Texte)	Письменный перевод

Кроме представленных в таблице составляющих ПК описание переводчика Р.Шильдканапа содержит еще ряд примеров, свидетельствующих о наличии у него культурной составляющей ПК (см. табл. 2):

Таблица 2

Культурная составляющая переводческой компетенции Р. Шильдканапа
... англист и англоман...; это был веселый ... человек, наделенный чисто англосаксонским чувством юмора...; объяснялся на их языке, виртуозно приспособляясь к лексикону собеседника... наружностью он от них (сынов Альбиона – авт.) не отличался; ...во всем его облике было столько истинного джентльменства

Заметим, что Т.Манн не субординирует культурную составляющую ПК другим составляющим, а даже наоборот вполне обоснованно выделяет ее в описании переводчика Р.Шильдканапа (англист, англоман). По результатам описания переводчика Р.Шильдканапа можно установить, что в профессиональной (переводческой) компетенции прекрасное владение

языком координируется с отличным знанием особенностей культуры двух стран. К изложенному выше можно добавить еще и феномен интеркультуры, т.е. умение переключаться с родной культуры (и языка) на иностранную, способность взаимодействовать на межкультурном уровне, что особенно важно при подготовке переводчиков.

В условиях глобализации межъязыковой коммуникации культуры различных народов оказывают все большее влияние друг на друга, что все в большей степени позволяет говорить сейчас о мультикультуре. Стремительное развитие новых технологий, в том числе информационно-коммуникационных, стирание границ между государствами, интеграционные процессы в экономике, политике, науке, образовании способствуют взаимопроникновению культур. Поэтому, переводчик должен обладать культурной компетенцией не только в рамках языка оригинала и языка перевода, но и ориентироваться в социокультурных особенностях других стран и народов, т.е. в дополнение ко всему обладать и таким важным компонентом профессиональной компетенции переводчика как межкультурная компетенция [17. С.95] или межкультурная составляющая переводческой компетенции.

Учитывая, что как в рассмотренных выше определениях ПК, так и в полученном нами с помощью интроспективного метода эмпирически-индуктивном описании переводчика и его профессиональной компетенции выделяются, подчеркиваются одни элементы и опускаются, затемняются другие (как, например, межкультурная составляющая ПК), мы считаем необходимым дополнить это описание поэтапной разработкой нормативной базы, основывающейся на данных когнитивного анализа, показывающих, каким образом переводчик использует знания в своей деятельности, и способствующих выявлению когнитивной основы переводческой компетенции и тем самым раскрытию его действий в процессе перевода.

Библиографический список

1. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю.А.Сорокин. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – 3-е изд., перераб. / Л.Л.Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003.
3. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В.Н.Комиссаров. – М.: Рема, 1997.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н.Комиссаров. – М., 2002.

5. Вербицкая М.В., Муратова И. Критерии оценки профессионального уровня переводчика / М.В.Вербицкая, И.Муратова // Мир перевода. – №2 (16) – 2006.
6. Примерная основная образовательная программа высшего профессионального образования. 031000 (520300) – Филология. Бакалавр филологии. – М., 2007. (ПООП ВПО)
7. Walter S. Funktionales Uebersetzen und Uebersetzungsrelevante Textanalyse / S.Walter // <http://www.daad.ru/wort/wort2005/Walter27.pdf> 23.03.08
8. Латышев Л.К. Учебное пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.) / Л.К.Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000.
9. Kupsch-Losereit, Sigrid. Die kulturelle Kompetenz des Translators / Sigrid Kupsch-Losereit // <http://attach.mail.ru/cgi-bin/readmsg> 16kb. 12.11.2007.
10. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Пер. с англ. / Д.Робинсон. – М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005.
11. Бойко Л.Б. Переводимое в переводе, или лингвокультурологические аспекты межкультурной коммуникации / Л.Б.Бойко // Языкознание: Взгляд в будущее (Под ред. проф. Г.И.Берестнева; Калининград. гос. ун-т. Фак. славян. филологии и журналистики. Калининград: ФГУ ИПП «Янтар. сказ», 2002.
12. Pym, Anthony. Translation and Text Transfer: An Essey on the Principles of Intercultural Communication / Anthony Pym. – Frankfurt am Main: Peter Lang. 1992.
13. Szell, Anita Andrea. Übersetzung als Tanz in Ketten. Aspekte der Übertragung des Romans von Hans Bergel ins Rumänische / Anita Andrea Szell // <http://www.ggr.ro>. 10.11.2007.
14. Wilss W. Kognition und Übersetzen. Zur Theorie und Praxis der menschlichen und maschinellen Übersetzung / W.Wilss. – Tübingen, 1988.
15. Gauger H.M. Über Sprache und Stil / H.M.Gauger. – München: Beck, 1995.
16. Манн Т. Доктор Фаустус // Манн Т. Собр. соч. / пер. С.Апта и Н.Манн. – М., 1960. – Т. 5.
17. Зусман Ю.А. Культурный аспект перевода / Ю.А.Зусман // Филология и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. 16-18 апр. 2003г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Т.А. Фесенко. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

Сведения об авторе

Злобин Александр Николаевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории речи и перевода,
директор Центра межъязыковой коммуникации
Института дополнительного образования
Мордовского государственного университета
им. Н.П.Огарева
e-mail: aleksandr_z@list.ru

ПРОЕКТНАЯ РАБОТА И ИНТЕГРАЦИЯ УЧЕБНЫХ КУРСОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

С.И. Михайлова

Международная высшая школа практической психологии, Рига, Латвия

Преподаватели переводческого факультета Международной высшей школы практической психологии разработали и внедрили в учебный план модель, которая представляет собой интеграцию чисто теоретического научного исследования и проектной работы, связанной с переводом заказов из реальной жизни. Результаты этого долгосрочного исследования показали необходимость подобной интеграции в практические занятия в классе, а также в самостоятельную работу учащихся.

Ключевые слова: алгоритм проектной работы, параметры и критерии оценки, самооценка, оценка сокурсника.

Project Work and Its Integration into the Curricula of Teaching Professional Translators and Interpreters Svetlana Mikhailova

The teachers of the Faculty of Translators and Interpreters of the International Higher School of Practical Psychology have elaborated and incorporated into the curriculum a model which represents an integration of academic study and project work connected with the translation and interpretation of real-life orders. The results of the long study have demonstrated the necessity of such integration in the regular academic study in class and in students' independent work.

Key words: algorithm of project work, parameters and criteria of evaluation, self-assessment, peer assessment.

Главная цель профессиональной подготовки специалистов для любой сферы деятельности состоит в том, чтобы выпускники отвечали требованиям рынка. Важны контакты, благодаря которым работодатели могли бы получить именно тех специалистов, которые им так необходимы. Учитывая то обстоятельство, что качество подготовки специалистов может влиять на процесс продвижения товара на рынок, требуется активность двух сторон (учебного заведения и работодателей). Высшая школа

корректирует свои программы с учетом рынка, а представители рынка конкретизируют задачи подготовки.

Системно-деятельностный подход является, на наш взгляд, наиболее конструктивным. Сформулированные совместно с работодателями параметры профессиональной компетенции были выявлены на основе анализа реальных профессиональных ситуаций [1].

Как известно, переводческая деятельность представляет собой целенаправленные сознательные действия в соответствии с реальным социальным заказом. Она требует определенного уровня сформированности профессиональной компетенции. Функции переводчика определяются в соответствии с аспектами деятельности. Каждая из функций предполагает поэтапное решение ряда профессиональных задач на разных уровнях: гностическом, конструктивно-проектировочном, организационном, коммуникативном и т.д. [2].

Мы постоянно работаем над совершенствованием нашей профессиональной программы, вносим в нее изменения с учетом рекомендаций и конкретных пожеланий работодателей, с которыми мы регулярно поддерживаем контакты, так как именно их заказы выполняют студенты в рамках учебной проектной работы.

Данные анализа результатов проектных недель, проведенного несколько лет назад на факультете переводчиков, подтвердили необходимость интеграции проектной работы в регулярную учебную работу в аудитории и индивидуальную работу студента. Речь идет также и об интеграции теоретических курсов в практическую переводческую подготовку.

Преподавателями факультета переводчиков МВШПП была разработана и внедрена в учебный процесс модель интеграции учебных курсов в проектную работу, связанную с выполнением реального заказа клиента.

Следует отметить ряд факторов, влияющих на работу переводчика, которые необходимо учитывать при подготовке молодых специалистов. Определены эти факторы на основе предложений самих работодателей. К ним относятся:

1. Учёт специфики заказчика и заказа;
2. Знание предметного специфического материала (бизнес, психология и т.п.);
3. Степень владения языковыми средствами (родного и иностранного языков);
4. Временные рамки, или ограничения работы;
5. Специфика организации и оформления процесса и продукта работы;

6. Индивидуальные предпосылки: талант, вкус, языковая догадка, работоспособность и т.д.

Мы работаем только с оригинальными, аутентичными материалами, которые получаем от работодателей. Мы постоянно пополняем банк материалов, используемых нами в учебной работе. Интересным, на мой взгляд, может быть опыт контактов наших студентов с работодателями во время проектной учебной, с одной стороны, и реальной, с другой стороны, деятельности в рамках в рамках Бюро Добрых Услуг, по устному или письменному переводу при непосредственном контроле со стороны преподавателей.

Перед началом каждого семестра студент получает информацию о содержании предстоящей учебной работы: гиды, инструкции по организации учебного процесса в текущем семестре по всем учебным курсам в печатном издании или электронном варианте. Инструкция состоит из нескольких разделов:

- учебная литература (название учебников, объем, тематика ежемесячного тестового контроля, даты тестирования),
- цели и задачи проекта,
- название источника и объём текста, который нужно перевести,
- этапы работы (1 этап = 1 месяцу), их описание,
- даты консультаций специалистов по предмету перевода, при необходимости семинаров,
- сроки отчетности (конкретная дата) по каждому этапу и презентации конечного продукта,
- методические рекомендации и алгоритм выполнения определенного вида работы,
- параметры и критерии оценки,
- образцы хорошего и плохого качества перевода, выполненного их предшественниками, с анализом их достоинств и недостатков,
- схема анализа работы на каждом этапе,
- условия работы и общие требования к выполнению учебной работы.

Работа осуществляется в три этапа:

1. На первом этапе акцент делается на язык оригинала, работа связана с общим анализом текста оригинала и изучающим чтением в рамках курсов «Чтение», «Анализ текста в практике перевода», «Функциональная стилистика». Основные параметры изучения текста:

- вне текстовой анализ (тип и жанр текста, его стилистика, адресант, адресат и т.п),
- содержание текста (план высказывания, персонажи, их роль; определение времени, пространства, семантического поля; роль грамматических форм, смысловые единицы и т.п.).

Эта работа проходит в аудитории после самостоятельной предварительной работы студентов по освоению теоретической литературы по данному вопросу в рамках других интегрированных учебных курсов. Студенты обеспечены всеми необходимыми материалами: например, мини-конспекты, учебники, методические пособия и специально разработанные преподавателями тестовые задания, схемы анализа и самоанализа работы на данном этапе, рекомендации по технике работы с интернет - ресурсами и др.

Студенты подбирают и работают по определенной схеме с параллельными текстами по данной тематике на родном и иностранном языках.

2. На втором этапе главное внимание уделяется переходу от одного языка к другому:

(оригинал ► ◄ перевод):

- вторая версия перевода с использованием словаря и средств перевода (трансформации), коррекция и самоконтроль.

На этом этапе устанавливалась связь между оригиналом (на иностранном языке) и языком перевода (латышским/русским/или другим иностранным языком), работа осуществляется студентом самостоятельно во внеаудиторное время и касается детальной проработки текста на уровне его понимания, выполнения первого чернового наброска перевода без использования словаря (первое определение трудностей, самооценка). На этом этапе методическая помощь студенту состояла из методических рекомендаций, алгоритмов выполнения необходимых видов работы с текстом, языковых тестов по материалу переводимого текста для соблюдения абсолютной верности тексту оригинала. В аудитории проводилась коррекция на уровне понимания текста на основе результатов самооценки и взаимоконтроля студентов в виде интерактивного обсуждения (студент/ студент /преподаватель). Второй вариант перевода с использованием словаря, определенных переводческих операций (грамматические и лексические трансформации, эквивалентная замена, перенос и др.) проходил по такой же схеме (самостоятельная и работа в паре во внеаудиторное время и совместная работа студентов и преподавателя в аудитории, коррекция, самоконтроль, взаимоконтроль). Методическое обеспечение: алгоритм работы, как с двуязычными, так и с одноязычными словарями, методические советы по переводу терминов и фразеологических единиц, методические рекомендации по технике работы в программе ТРАДОС или с ресурсами (блог, форум и др. ...в интернете). Главным действующим лицом на этом этапе при работе со студентами является преподаватель – переводчик.

3. На третьем этапе осуществляется редактирование текста перевода:

Во время редактирования текста привилегия отдается языку перевода.

До начала редактирования студенту необходимо:

1. Четко определить предмет перевода (очертить общий контекст сообщения, интересы заказчика, относящиеся к типу ожидаемой информации и тип документа);

2. Соотнести профиль документа и интерес заказчика.

3. Определить этапы редактирования: сам процесс редакции, коррекция оценка результата, набор, оформление текста.

4. Повысить уровень читабельности текста (сохранить форму и структуру текста, обеспечить связность и равновесие всех элементов текста, унифицировать визуальную презентацию текста, выделить главную информацию;

5. Обеспечить простоту и качество языка (использовать ясный и четкий словарь, облегчить понимание терминов и сложных слов, в соответствии с типом текста использовать четко структурированные короткие / длинные предложения).

После окончания работы:

6. Контроль качества редакционной правки (орфография, пунктуация, особенно при переводе диалогов, грамматика, синтаксис, структура временных форм, ритм текста и его благозвучие).

7. Оформление текста перевода (титульный лист, содержание при необходимости), выбор шрифта, нумерация страниц и др. в соответствии с требованиями заказчика.

Эта часть работы находится в компетенции преподавателя родного языка: латышский – русский или носителя иностранного языка, если перевод делается на иностранный язык (интегрированные учебные курсы: родной язык/иностраннный язык в практике перевода, анализ текста в практике перевода, редактирование в работе переводчика), а также преподавателя по методике письменного перевода.

Каждый этап имеет временные ограничения (сроки), которые в проектной работе соблюдаются неукоснительно, работы сдаются обычно досрочно.

Самоконтроль, взаимоконтроль основываются на общих критериях качества, которые были предложены студентам перед началом работы.

1. Общие критерии качества перевода:

- Репрезентативность перевода (сохранение той части оригинального сообщения, которая важна для «раздражения действия»);

- Функционально-стилистическая принадлежность перевода и фактическая сторона оригинала (правильно передать план содержания, заключенную в нем информацию);

- Отражение цели создания оригинала, т.е. необходимость донести до иноязычного реципиента прагматические его компоненты;

- Воспроизведение тона оригинала (важнейшие стилистические особенности оригинала - функциональный стиль).

2. Анализ переводческих ошибок: типы ошибок

Искажения в тексте сообщения (содержания высказывания), ведущие:

- к частичной потере информации,
- к полной потере информации.

2.1. На уровне понимания смысла высказывания:

Причины ошибок и неточностей при передаче смысла:

- недостаточное знание исходного языка (предмета перевода),
- недостаточно внимательное чтение исходного текста,
- проблемы, связанные с экстралингвистической информацией.

2.2. На уровне передачи смысла высказывания средствами языка перевода:

- невнимательность при пере формулировании высказываний на языке перевода,

- механические ошибки в момент набора текста (написания),
- ошибки, связанные с нормами языковыми в конкретном случае (узус),

- недостаточное знание языка перевода,
- проблемы, связанные с экстралингвистической информацией,
- невнимательное отношение к оригинальному произведению-стилю автора в отношении манеры подачи, лексики, коротких, длинных предложений, выбора соответствующей грамматической формы (злоупотребление отдельными частями речи и т.п.).

- неспособность найти в языке перевода формы, эквивалентные соответствующим формами оригинала.

3. На этапе редактирования текста перевода:

- нет связи между частями предложения или всего текста,
- логика изложения отсутствует совсем или нарушена,
- ошибки грамматические,
- ошибки лексические,
- орфографические ошибки,
- синтаксические и др.

Студентам предлагалось конкретизировать параметры общих критериев оценки качества выполненного ими перевода и сделать аналитическое сравнение первого и последнего вариантов перевода с указанием конкретных ошибок и способа их исправления. Немаловажную роль играет эстетика оформления текста перевода и терминологического словаря. Защита проекта происходит в присутствии студентов всех курсов перед комиссией, в которую входят как преподаватели, так и заказчики. До защиты допускаются студенты, выполнявшие все этапы в установленные сроки, сдавшие досье, в котором отражена вся учебная работа за семестр

по интегрированным курсам. В нем могут быть представлены следующие материалы:

- подобранные тематические параллельные тексты,
- все необходимые задания по курсу «*чтение*»: анализ и интерпретация текста оригинала, предназначенного для перевода, и др.,
- терминологический словарь,
- все рабочие материалы (с внесенными изменениями и исправлениями): первый вариант, второй (после проверки сокурсником, а затем преподавателем) и последующие. Чистовик сдается в брошюрованном виде и передается работодателю.
- рецензия сокурсника,
- личный анализ перевода,
- личный рабочий дневник студента-переводчика с указанием конкретных проблем и того, как они решались, удач (в чём конкретно), эмоционально-психологическое состояние и других моментов, включенных в дневник самим студентом,
- текст устной презентации на защите.

До защиты переводы, выполненные студентами, анализируются как преподавателями интегрированных курсов, так и работодателями. На каждую работу заполняется бланк, где, прежде всего, отмечаются положительные стороны работы, а ниже индивидуальные замечания и рекомендации каждого преподавателя, выставляются отметки по всем аспектам, они суммируются, и выставляется одна общая отметка.

Если заказчика что-то не удовлетворяет, студент обязан работу переделать. Таким образом, с самого начала учебы студент учится выполнять функции переводчика в реальной ситуации контакта с работодателем.

Библиографический список

1. Mihailova S. Augstākās profesionālās izglītības profesionālā studiju programma “Tulks, tulkotājs, tulks referents” / S.Mihailova. – Rīga, SPPA, 2008.
2. Михайлова С.И. Стандарты качества подготовки переводчиков в Латвии / С.И.Михайлова. – Каунас, 2005.

Сведения об авторе

Михайлова Светлана Ивановна
декан факультета переводчиков
Международной высшей школы
практической психологии
e-mail: svetlanam@sppa.lv

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ НАХОДКИ VS. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена рассмотрению проблемы оценки качества перевода – «вечной» проблеме переводоведения. В статье подчеркивается, что оценивая качество перевода, выполненного студентом в рамках учебного курса, необходимо принимать во внимание не только допущенные ошибки, но и переводческие находки. Данный подход противоречит существующей практике, когда при оценке перевода учитываются только ошибки, а удачно переведенные места игнорируются, что не позволяет объективно оценивать тот прогресс, который студент сделал в освоении переводческой профессии. Ключевые слова: качество перевода, переводческие ошибки, переводческие находки.

Translation Virtues vs. Translation Vices Vadim Sdobnikov

The article is devoted to the “eternal” problem of translation theory – the problem of assessing the quality of translation. It is stressed that analyzing the quality of the translation made by a student within a university course both errors and advantages of the target text should be taken into consideration. This approach contradicts the common practice when only errors are taken into account while translator’s achievements that are revealed in the target text are totally ignored, which deprives us of the possibility to judge realistically the advancement of a student in the profession.

Key words: quality of translation; translation errors; translation virtues.

Сразу оговоримся, что в данном случае речь пойдет об учебном переводе, т.е. переводе, выполняемым студентами в рамках учебных дисциплин, преподаваемых в вузах. Не секрет, что выставя оценки за выполненный студентами перевод, преподаватели руководствуются довольно субъективными критериями. Впрочем, критерии часто вовсе отсутствуют, по крайней мере они не всегда внятно и четко формулируются. Чаще всего вступает в действие собственная интуиция преподавателя, основанная на его собственном опыте и представлении, каким в данном случае должен быть перевод; собственное впечатление

преподавателя от студенческого перевода оказывается решающим фактором при оценке качества перевода.

Согласимся, что так бывает часто, однако не всегда. Все же хочется надеяться, что в большинстве случаев преподаватели перевода руководствуются некими критериями, претендующими на объективность. Понятно, что эти критерии выводятся на основе сопоставления перевода с оригиналом, и соответствие/несоответствие перевода оригиналу с точки зрения определенных параметров оказывается решающим при оценке качества перевода.

Эти параметры, в общем-то, хорошо известны. По сути, это и есть те критерии, которыми руководствуются преподаватели перевода, оценивая студенческие работы. В переводоведческой литературе описаны целые системы критериев оценки качества перевода, в том числе и учебного, а также классификации переводческих ошибок и их причин (см., например, [1. С.514]. В качестве примера можно привести классификацию переводческих ошибок, предложенную Ю.Л.Успенским [2]. К числу характерных ошибок автор относит: искажение информации языка источника, пропуски ключевой и сопутствующей информации, т.е. деталей информации во вторичном документе, неточности в толковании смысла, стилистическая невнятность языка перевода, нарушение логики переводческого изложения, недочеты в оформлении переводов как информационно-служебных документов [2. С.42]. Далее автор конкретизирует предложенную номенклатуру ошибок, попутно вводя систему преподавательских помет и «штрафных очков» за ошибки [2. С.44-45]. Общая сумма «штрафных очков» отнимается от «5+» – максимального количества баллов, которые могут быть выставлены за работу. Округленный остаток становится оценкой выполненного перевода.

В качестве примера могли бы служить и другие классификации переводческих ошибок, сопровождаемые их квалификацией, т.е. указанием на степень их «грубости». Однако самый общий обзор переводческих ошибок, выделяемых разными исследователями, свидетельствует о их несомненной типичности: практически все теоретики и практики перевода выделяют одни и те же ошибки перевода. В самом обобщенном виде эти ошибки сводятся к следующим типам: искажение информации (содержания), включая неоправданные опущения информации и дополнения, нарушение логики повествования (неправильные логические связи между отдельными сегментами текста), отказ от передачи стилистических особенностей текста или неправильная их передача, нарушения нормы и узуса переводящего языка, ошибки в оформлении текста (пунктуационные и орфографические ошибки). Понятно, что степень серьезности этих ошибок неодинакова, и они по-разному квалифицируются преподавателем при выставлении итоговой оценки.

Интерес представляет тот факт, что оценивая качество перевода, преподаватель обращает внимание *исключительно* на количество ошибок разных типов и степень их серьезности. Получается, что степень развитости навыков перевода у того или иного студента определяется только исходя из количества допущенных им в переводе ошибок. Разумеется, это очень важный критерий, может быть, основной критерий определения общего профессионального уровня студента, степени его обученности переводу как профессии. Но единственный ли?

По мере продвижения от начального этапа обучения переводу к старшему этапу (который ни в коем случае не должен рассматриваться как заключительный, ибо с окончанием вуза выпускник еще не достиг высшего или хотя бы среднего уровня переводческого мастерства) студент постепенно и последовательно совершенствует свои навыки перевода. Интересно ли преподавателю, на каком уровне развития переводческих навыков этот студент находится в данный момент? Несомненно. Конечно, степень развития навыков можно оценивать по количеству и «качеству» ошибок, сделанных студентом в переводе. Но такой учет ошибок является лишь частью общей процедуры оценки качества перевода. По нашему мнению, другой важной частью этой процедуры является учет тех достижений, которые студент демонстрирует в переводе. Проще говоря, речь идет о переводческих находках при переводе отдельных фрагментов текста, особенно тех фрагментов, которые потенциально представляют особую сложность для перевода. Впрочем, о «находках» можно говорить лишь условно, имея в виду удачный перевод тех фрагментов, где, по мнению преподавателя, наиболее всего возможно появление ошибок, недочетов и где студенты обычно такие ошибки и делают.

Ведь вполне очевидно, что предлагая студентам некий текст для перевода, преподаватель изначально знает, в каких местах этого текста наиболее вероятно появление ошибок. Преподаватель уже проанализировал этот текст, а может быть, и перевел его (что крайне похвально). Он уже отметил для себя те фрагменты, которые в силу межъязыковых или межкультурных различий требуют от переводчика использования определенных приемов, трансформаций, по большому счету, особого внимания и особых раздумий, без чего удовлетворительный перевод будет просто невозможен. Следует согласиться с тем, что удачно выполненный перевод таких фрагментов текста свидетельствует об определенной обученности студента как минимум технологии перевода, а может быть, и использованию сугубо профессионального подхода к переводу, о его понимании специфики перевода как вида межъязыковой коммуникации и его умении использовать полученные знания на практике. Проще говоря, из такого текста перевода видно, что студент уже чему-то, а может, многому научился. Хотя при этом он может и ошибки делать. Следует ли учитывать это обстоятельство при выставлении оценки?

Несомненно. Ведь если молодой человек обучается математике или биологии и при этом демонстрирует наличие у него определенных знаний в этих областях, это рассматривается как признак его продвинутой, определенной обученности, и соответственно оценка его работы повышается. Почему же аналогичный подход не используется при оценке степени обученности будущего переводчика?

А между тем идея о том, что оценка качества перевода может основываться и на учете степени сложности переводческой задачи, прозвучала еще в известной работе В.Н.Комиссарова [3]. Выделяя три подхода к оценке качества перевода, В.Н.Комиссаров писал: «Весьма существенен для описания результатов переводческого процесса второй подход к оценке перевода – определение степени сложности задач, решаемых переводчиком при переводе данного текста. Этот метод оценки исходит из предположения, что основные трудности для переводчика в процессе перевода связаны с невозможностью простой подстановки обычных соответствий на уровне знаков, с необходимостью производить структурные изменения на различных уровнях» [3. С.192]. Мы не будем касаться вопроса о том, насколько осознанно переводчик (или будущий переводчик) производит необходимые изменения на разных уровнях. В данном случае важен не процесс, а результат. Именно тот результат, который должен оценить преподаватель и который косвенно свидетельствует и об особенностях процесса, имевшего место в сознании студента, и о способности студента выполнять функции переводчика.

Итак, по нашему мнению, случаи удачного перевода сложных фрагментов текста должны приниматься во внимание при оценке качества студенческого перевода. Выше мы уже указали на то, что интересующие преподавателя фрагменты перевода определяются им предварительно, поэтому мы не будем останавливаться на этом более подробно. Здесь возникает другой вопрос: насколько переводческие удачи могут превалировать над переводческими ошибками? И вообще, могут ли? Думается, что насчет превалирования речь не идет, ибо ошибка – это всегда ошибка, и она не может и не должна быть проигнорирована. Но с другой стороны, переводческие удачи все же в какой-то степени компенсируют переводческие ошибки, по крайней мере, в глазах преподавателя перевода. Ведь каждая переводческая удача – это удача самого студента, его собственная находка и свидетельство его переводческого уровня.

Но в какой степени переводческие удачи могут компенсировать переводческие ошибки? Вряд ли их можно соотносить «один к одному»: за каждую переводческую удачу списывается одна переводческая ошибка. Ошибка ошибке рознь, так же как и переводческие удачи неодинаковы по степени своей значимости, прежде всего, в рамках данного текста. Преподавателю придется соотносить и количество, и серьезность

допущенных ошибок с количеством и качеством обнаруженных в тексте перевода достижений. При этом, разумеется, вряд ли удастся избавиться от элемента субъективизма, неизбежно сопровождающего процесс оценки качества перевода. Но проявление субъективизма при комплексной оценке качества перевода все же лучше, чем проявление субъективизма при односторонней оценке, какую мы имеем сейчас. Субъективизма, может, и не меньше, но справедливости, точно, больше. А главное, больше возможности получить представления об истинном профессиональном уровне данного студента.

При указанном подходе истинное лицо будущего переводчика проявляется еще и потому, что ошибки студенты делают типичные, а вот находки у каждого свои. И это важно, поскольку большая или меньшая степень «гениальности» находки опять же свидетельствует об определенном умении студента думать и действовать профессионально, по-переводчески.

Библиографический список

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К.Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
2. Успенский Ю.Л. О профилактике типичных ошибок в письменном переводе и критерии оценки его качества / Ю.Л.Успенский // Проблемы обучения переводу в языковом вузе: Тезисы докладов Первой Междунар. научно-практической конф-ции. 16-17 апреля 2002 г. – М.: МГЛУ, 2002.
3. Комиссаров В.Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе) / В.Н.Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973.

Сведения об авторе

Сдобников Вадим Витальевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: sdobnik@lunn.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФРАНСУА МОРИАК НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

З.И. Кирнозе, С.М. Фомин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова*

Статья «Франсуа Мориак на русском языке» затрагивает две основные проблемы. Они касаются истории публикаций Мориака в России, а также перевода его публицистики на русский язык. Эти проблемы вызваны как особенностями французского языка, так и оригинальным стилем писателя. Христианская модальность его произведений, а также намеренное следование традициям выдающихся писателей-классицистов семнадцатого века, особенно Расина, определила своеобразие его романов, устных и письменных речей. Одна из наиболее знаменитых его статей – «Нобелевская лекция» – и трудности ее перевода на русский язык подробно проанализированы в данной статье.

**François Mauriac in Russian
Zoya Kirnoze, Sergey Fomin**

The article «François Mauriac in Russian» tackles two major problems. They concern the history of Mauriac's publications in Russia, as well as the translation of his journalism into the Russian language. Those problems are stipulated by both the peculiarities of the French language, and the individual creative style of the writer. The Christian modality of his books, and also the intentional following the traditions of the leading classicist figures of the seventeenth century, especially Racine, determined the specificity of his novels, and verbal and written speeches. Mauriac's most outstanding text of his journalism – the «Nobel Lecture» - and the «difficulties» of its translation into Russian are analyzed in this article.

Великий французский писатель Франсуа Мориак (1885-1970) оставил гигантское наследие из тысяч страниц прозы, стихов, театральных и кинематографических произведений. Он создал художественный мир, отмеченный не только единством мотивов и образов, но прежде всего общностью идеологической христианской доктрины. Наследник семьи крупных буржуа, он сумел заклеить буржуазный мир за эгоизм, жадность и своекорыстие. Но Мориак не только осудил родовые грехи своего класса. Он увидел причины преступлений в глубине самой

человеческой природы. Критика Мориака касается не только людей, но партий и даже наций.

Осуждая тоталитаризм в любых формах, Мориак признавал правоту коммунистической идеи, исповедуемой ранними христианами. По мнению автора «Терезы Дескейру» марксистско-ленинская идеология разрушила христианскую Россию. Материалистическая доктрина Маркса упростила коммунистическую идею, а тоталитарный режим ее начал преступно эксплуатировать [1. С.286-288].

Не удивительно, что при массовых тиражах романов Мориака, в которых осуждается буржуазия, политические воззрения писателя оставались малоизвестными в России до 80-х годов. Его дневники и публицистика находились в спецхране вплоть до начала перестройки.

Двойственное отношение к наследию Мориака сопутствует всей истории публикаций и переводов его произведений на русский язык. Первым о раннем знакомстве с Мориаком упоминает Илья Эренбург: «Франсуа Мориак, к которому в 1913 году меня направил Франсис Жамм, писал хорошие романы о нехорошей жизни. Он католик, но в его книгах куда больше житейской правды, чем христианского сострадания» [2. С.206].

В упоминании И. Эренбурга более всего интересна дата: конец Первой мировой войны, когда Мориак был автором лишь стихов и нескольких малоизвестных романов. Но в оценке советского писателя и переводчика ощущается влияние 60-х годов, когда в СССР были готовы простить Мориаку христианское сострадание ради «житейской правды» его книг.

Эта же позиция по отношению к Мориаку существовала в России на протяжении десятилетий. Наиболее развернуто ее декларировал Иван Анисимов в 30-е годы в журнале «Интернациональная литература» и в предисловиях к романам Мориака. Так, в книге «Конец ночи» мы читаем: «В его романах развернута совершенно четкая система взглядов, густо окрашенная поповским мракобесием... Он – дегустатор разложения» [3. С.8]. Однако уже в тридцатые годы почти одновременно с публикациями в Париже в Москве выходит «Конец ночи» в переводе Н.Довгалева (М., Гослитиздат, 1937), «Клубок змей» а переводе Н.Новикова (М., Гослитиздат, 1935), «Тереза Дескейру» (М., Гослитиздат, 1936) и «Дороги к морю» в переводе Норы Галь.

Особняком стоит издание в 1938 году в Париже романа «Фарисейка» с предисловием Ивана Бунина. В оценке русского писателя Мориак – один из самых талантливых современных писателей, взявших на себя миссию стать моральным гидом всего человечества. Эта позиция сближает Мориака с русской национальной традицией, но разводит с официальной советской пропагандой.

Перелом по отношению к Мориаку происходит в 60-70 годы вместе с изменениями в советском обществе. В 1961 году журнал «Вопросы литературы» публикует статью Франсуа Мориака о «Войне и мире» Толстого в переводе Л.Зониной. В изданиях Ивановского и Пермского университетов выходят статьи о типологии романов Мориака, в которых мировоззрение писателя более не отделяется от его художественной практики, но представлено в их единстве. В Ленинграде в 1965 году В.Е.Балахонов в «Антологии новейшей французской литературы» и впервые опубликованном сборнике «Не покоряться ночи...» (1968 г.) отводит публицистике Мориака настоящее место. И, наконец, в 70-е годы происходит настоящий прорыв в оценке Мориака благодаря издательствам «Прогресс» и «Высшая школа», в которых З.Кирнозе создает русскую концепцию художественного мира Франсуа Мориака [4].

Серия талантливых диссертационных исследований 80-90 годов закрепляет представление о Мориаке не как о «католическом писателе», но о «католике, пишущем романы». Это труды Ю.Милешина (Л., 1973), О.Евгеньевой (Спб, 1991), М.Двининой (М., 1991), К.Кашлявик (Н.Новгород, 2000) и, наконец, кандидатские диссертации А.Радкевич и Е.Вороной, защищенные в 2008 г. в Нижнем Новгороде.

Общее направление изучения творчества Мориака в России находится в русле литературных исследований его художественного мира, проводимых Президентами «Ассоциации друзей Ф.Мориака в Париже» А.Сеайем и Ж.-Ф.Дюраном. Переводы произведений автора «Конца ночи», осуществленные Алексеем Лобковым, С.Фоминым и Е.Вороной, сближают слово Мориака с его гуманистическими идеями.

Особое место в его художественном наследии занимает перевод и публикация Нобелевской речи, изданная в 1997 году стараниями О.Жданко и при содействии профессора Сорбонны Андре Сеайя и его супруги Соланж Сеайя [5. С.461-465].

Речь, произнесенная 10 декабря 1952 года в Стокгольме, значима уже потому, что в зерне содержит концепцию всего творчества Мориака. Она резюмирует его художественное творчество и, прежде всего публицистическое наследие. Очевидно, что внешне короткая, почти «застольная» речь была хорошо подготовленным экспромтом, в котором, по мнению ведущего специалиста по творчеству Мориака Андре Сеайя, он решал вполне конкретные задачи. Их, как минимум, две.

Мысль Андре Сеайя, высказанную в личной беседе, поддерживает и один из самых глубоких интерпретаторов Мориака Франсуа Дюран. Перед нами не только очевидная попытка «оправдаться» перед широкой читательской аудиторией за то, что, по мнению большинства критиков и читателей, «его картина мрачна», а любимый цвет – черный [5. С.462], но

прежде всего желание донести до европейского читателя мысль о том, что Мориак - католик, который пишет романы, а не наоборот¹⁰.

Для Мориака программным стало положение: «Я – метафизик, работающий на конкретном материале» [6. С.105]. Эта же мысль прослеживается и в его работах «Роман» и «Романист и его персонажи», которые, без сомнения, послужили основой Нобелевской речи 52 года. Вместе с тем, по его мнению, писательский талант – это божественный дар. У мастера слова – своя миссия, свои вершины и свои бездны. Он подобен богу: *«Из всех людей романист более всего похож на Бога: он, словно обезьяна, подражающая Богу, он творит живых существ, придумывает им судьбы, сплетая события и катастрофы, скрещивает их пути, доводит до смертного часа»* [1. С.312].

Эти авторские интенции проявляются со всей очевидностью в начале Нобелевской речи. Первая ее часть – концептосфера книг Мориака, включающая понятия *œuvre, grâce, vanité, excès, obscure enfance*. Все это - инструменты, позволяющие проникнуть в художественный мир Мориака, который исследует три ключевых темы: человек и Бог, человек и Совесть, человек и Любовь. *«В триаде этой ее части неразрывно связаны. Утверждая, что любовь-Бог и Бог-любовь, Мориак замыкает первое и последнее звено цепи. Все, что противоположно любви, противоположно у него религии и решительно осуждается»* [7. С.65].

Перевод Нобелевской речи Мориака на русский язык породил те же трудности, которые стоят перед всяким, кто берется за иноязычный текст, пытаясь адекватно использовать и совместить два кода - аксеологический и семиотический, о котором рассуждают все известные теоретики перевода. [8. С.4]. Однако особая трудность перевода текстов Мориака заключена в необходимости учета так называемых «фоновых» знаний, тех, что «присутствуют имплицитно, когда автор «намекает на какое-то событие, провоцирующее появление у читателя совершенно определенных ассоциаций...» [9. С.259]. Первая особенность художественного мира Мориака – его «воинствующий» католицизм - уже была отмечена. Вторая заложена в жанровой природе Нобелевской речи.

Мориак открывает свое выступление вполне в духе французской риторической традиции, заложенной в основном в эпоху столь любимого им классицизма:

¹⁰ В предисловии к престижному изданию в «Плеяде» автобиографических произведений Мориака он, в частности, замечает: *«Mauriac choisit plus volontiers pour modèles des auteurs qui n'ont pas fait carrière et qui ont vis l'infini ailleurs que dans leurs tirages et leurs académies... Il est clair qu'il eut souhaité laisser à la postérité le souvenir d'un homme qui n'avait jamais prémédité son succès...»*. In: Mauriac. Oeuvres autobiographiques. P, 1999, p. XXI.

«Le dernier sujet que devrait aborder ce soir l'homme de lettres que vous glorifiez, c'est lui-meme, il me semble, et c'est son œuvre. Mais comment détournerais-je ma pensée de cette œuvre et de cet homme, de ses pauvres histoires et de ce simple écrivain français qui, par la grace de l'Académie suédoise, se trouve tout à coup chargé et presque accablé d'un tel excès d'honneur?» [1. С.461].

Это тем более удивительно, что жанр «тронной» речи требует краткости, некоей лапидарности стиля. Однако Мориак и в реальной жизни, о чем свидетельствуют многие его телеинтервью и иные записи, умышленно изъяснялся «темным», витиеватым стилем, на истоки которого сам указывает в Предисловии к собранию собственных сочинений: *«...большинство моих произведений созданы в той традиции французского романа, про которую можно сказать, что она восходит к классическому театру, и в частности к расиновской трагедии. Сквозь филигрань почти всех моих книг явственно проступает Федра, и мне не составило труда придумать для сцены центральную фигуру, чья страсть – двигатель всей интриги»* [1. С.374].

Именно эту страстность мы обнаруживаем в его нобелевской речи, именно эту страстность необходимо передать при переводе, именно эта страстность порождает особый ритм его речи. Однако именно эта страстность противоречит строю и нормам русского литературного языка и перевода. Проза а-ля семнадцатый век по-русски выглядит помпезно-тяжеловесно, что затемняет, подчас, ее смысл. Однако русская многовековая переводческая практика выработала свою схему, которая понимала, что «поэзию Расина, Лафонтена, Мольера нельзя ни понять, ни воссоздать на другом языке, если исходить из теории однозначности слов, и, значит, плоской односмысленности произведения» [10. С.8].

Т.о. в предложенном варианте перевода Нобелевской речи сразу же пришлось пожертвовать близкими сердцу Мориака синтаксическими конструкциями, да и модальностью, которая для расиновской традиции почти обязательна. В этом автор перевода во многом опирался на ценный опыт и переводческую практику Ю.Гинзбург и ее интерпретацию художников классицизма, особенно перевод «Мыслей Паскаля».

Гораздо более сложными оказались поиски лексических эквивалентов перевода. В русской версии очевидными оказались т.н. подтекстовые утраты, которые пришлось восполнять в дальнейшей интерпретации текста. Так, ключевое для всего выступления Мориака слово «œuvre» имеет бесконечный перечень вариантов на русском языке: труды, произведения, работы, сочинения. Понятно, что Мориак, несколько раз подряд употребляя это слово, отсылает нас к истокам своего творческого кредо (писатель – Бог, который, однако, не забывает, что он лишь его обезьяна, что он не писатель, но католик, пишущий романы). Вот почему первое, что должно было бы прийти на ум переводчику, должно

быть : деяние или творение, но русский текст позволил лишь «творчество», что, понятно, обеднило вариант: *«Человек, которого Вы сегодня чувствуете, должен, мне думается, обратиться прежде всего к теме писателя и его творчества. Да и как мне обойти молчанием творчество и личность, обычные истории скромного французского писателя, которому сегодня Шведская академия воздает столь высокие почести?»*.

Другая причина, заставившая Мориака нарушить поэтические законы краткого публичного выступления, это осознание того, что широкая аудитория воспринимает его как проповедника. Таким образом стилизация под семнадцатый век, не только под Расина, но прежде всего Босюэ, была вполне уместной, однако в русском переводе этой проповедальной нотой пришлось пожертвовать.

Как бы то ни было, переводчику Нобелевской речи Мориака приходилось учитывать не только личные пристрастия Мориака-художника, но и то, что Ньобелевская речь представляла собой некий образчик, находящийся на стыке двух типов переводов – художественного и публицистического, имеющих свои законы. Мало того, пришлось примирять «буквализм» и «лиризм», столь свойственные творческой манере Мориака, но принимать во внимание жанровую специфику Нобелевской речи.

Перед нами очевидное монологическое высказывание, призванное произвести на *слушающего* определенное эмоциональное воздействие. Переводчик, имеющий дело с подобного рода литеатурой, жанровые признаки которой пока до конца не прояснены, должен не забывать о том, что этот художественный текст будет *звучать*. Поэтому последнее, что делает переводчик подобного материала, который подсказывает ему насколько удачен вариант, - это вербализирует обработанный русский текст, пытаясь понять как легко читатель, пройдя сквозь «сумерки перевода» (В.В.Набоков), уловит, насколько все четыре уровня герменевтического понимания – грамматический, стилистический, исторический и психологический – совпали и породили новый текст, сходный с интерпретируемым, но и ориентируемый на концептосферу русского читателя, что, собственно, авторы перевода и статьи и призывают сделать.

Библиографический список

1. Мориак Ф. Не покоряться ночи: Художественная публицистика / Ф.Мориак. – М., 1986.
2. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга удовлетворительно / И.Эренбург. – М., 1963.
3. Мориак Ф. Конец ночи / Ф.Мориак. – М., 1937.

4. Кирнозе З.И. Франсуа Мориак / З.Кирнозе. – М. 1970; Кирнозе З. О Мориак-прозаике / З.Кирнозе // Mauriac F. Thérèse Desqueyroux. Le nœud de vipères. Le sagouin. Un adolescent d'autrefois. М.1975.
5. Мориак Ф. Избранные произведения / Ф.Мориак. – М., 1997. Далее все ссылки на это издание будут сопровождаться лишь указанием страниц после цитированного текста.
6. Mauriac F. Journal. V. II / F.Mauriac. – P., 1937.
7. Кирнозе З.И. Россия и Франция: диалог культур / З.И.Кирнозе. – Н.Новгород, 2002.
8. Брандес М.П. Стиль и перевод / М.П.Брандес. – М.,1988.
9. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода / В.В.Сдобников, О.В.Петрова. – М. 2006.
- 10.Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредьяковского до Пушкина / Е.Эткинд. – Л., 1973.

Сведения об авторах

Кирнозе Зоя Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
e-mail: zarub@lunn.ru

Фомин Сергей Матвеевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: zarub@lunn.ru

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В РОССИИ КАК ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ

В.К. Ланчиков

Московский государственный лингвистический университет, Москва

Эволюция переводческих приемов, рассматриваемая сквозь призму истории перевода в России, может быть описана с точки зрения изменения взглядов на основную функцию текстов перевода, в противоположность процессу, определяемому только литературными движениями. Постепенные изменения в восприятии функциональной установки вылились в смену приоритетов, по крайней мере, когда речь идет о нормах и правилах перевода.

Ключевые слова: история перевода, функциональная установка, прагматическая эквивалентность.

The History of Translation in Russia as an Evolution of the Functional Focus of the Translated Text Victor Lanchikov

The evolution of translation methods throughout the history of translation in Russia can be described in terms of changing views on the main function of translated texts, as opposed to a process determined merely by literary movements. Gradual shifts in the perception of the functional focus resulted in changing priorities as far as translation norms and conventions are concerned.

Key words: history of translation, functional focus, pragmatic equivalence.

Читая курс истории перевода, приходится постоянно подчеркивать, что эта дисциплина важна не только как перечень имен и фактов для пополнения эрудиции переводчика и переводоведа, но и как история изменения представлений о переводческой норме – процесса, обладающего внутренней закономерностью.

Обычно попытки вскрыть и описать эту закономерность – особенно в отношении художественного перевода – предпринимаются в рамках литературоведения: эволюция нормы перевода рассматривается почти исключительно в связи со сменой литературных направлений. Этот подход не лишен недостатков, что хорошо видно на примере, пожалуй, самой известной модели эволюции переводческой нормы – концепции

М.Л.Гаспарова, изложенной в статье «Брюсов и буквализм» [1]. Гаспаров видит историю развития художественного перевода как постоянное колебание между буквализмом и вольностью. Преобладание каждого из этих методов перевода он соотносит со временем господства того или иного литературного направления: классицизм, реализм XIX в., советский период – вольность, романтизм, модернизм – нарастание буквалистических тенденций.

Концепция Гаспарова вызвала возражения уже вскоре после публикации статьи «Брюсов и буквалисты» (см., например, статью В.В.Коптилова «И вширь, и вглубь...» [2]). Если обобщить и дополнить высказывавшиеся замечания, можно сказать, что главные недостатки упомянутой концепции – использование сугубо литературоведческой периодизации без учета восприятия переводного текста в каждый период и излишний упор на частности, вследствие чего они начинают выступать как общие закономерности. Характерный пример – фигура «заглавного героя» статьи, В.Я.Брюсова, чей поворот к буквализму на зрелом этапе творчества Гаспаров рассматривает как тенденцию, характерную для переводчиков Серебряного века. Однако, если ближе познакомиться с материалами, относящимися к ситуации в переводе в то время, можно убедиться, что как переводчик Брюсов был фигурой не более (а возможно, и менее) влиятельной, чем К.Д.Бальмонт, известный вольностью своих переводов, или И.А.Бунин, удостоившийся в 1903 г. Пушкинской премии Академии наук за свой перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло, чем Д.С.Мережковский, Ф.К.Сологуб, И.Ф.Анненский, Г.И.Чулков и другие переводчики, так же, как и Брюсов, представлявшие новые течения в литературе, но буквализмом в переводах не грешившие. Таким образом, считать Брюсова выразителем господствующей в переводе тенденции нет никаких оснований. С другой стороны, говоря о советском периоде как о времени, когда в переводе преобладала «вольность», Гаспаров упускает из виду, что 1920-1930-е гг. характеризуются как раз нарастанием буквалистических тенденций, реакцией на которые было появление кашкинской школы.

Что касается просчетов, вызванных обращением к литературоведческой периодизации, ее ограниченность заключается в том, что на первый план выдвигаются различия переводческих программ каждого периода, тогда как сходство результатов остается в тени. Особенно хорошо это видно на примере переводческих подходов классицизма и романтизма (напомним, что первый из упомянутых периодов Гаспаров относит ко времени преобладания «вольности», а переводчика второго периода приписывает тягу к «буквализму»). Но настораживает даже некоторое сходство программных заявлений переводчиков этих, казалось бы, разных периодов. Сравним известные высказывания В.К.Тредиаковского: «Переводчик от творца только что

именем рознится» [3. С.36], А.П.Сумарокова: «Ты сим, как твой творец письмом своим ни славен,/ Достигнешь до него и будешь сам с ним равен» [3. С.52] и В.А.Жуковского: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» [3. С.86]. Налицо декларация представления о переводчике как о соавторе. Можно возразить, что Жуковский (ключевая фигура перевода эпохи романтизма) объявляет соавтором лишь переводчика поэзии, однако его собственная переводческая практика показывает, что и при переводе прозы он не был таким уж «рабом». Достаточно вспомнить его перевод прозаической повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина», выполненный гекзаметром (то же самое, как известно, проделал классицист В.К.Тредиаковский с прозаическим романом Ф.Фенелона «Приключения Телемаха, сына Улисса») или переведенную нерифмованным пятистопным ямбом новеллу П.Мериме «Маттео Фальконе». И это не единичные примеры.

Эти и другие факты заставляют задуматься: нельзя ли создать периодизацию истории художественного перевода на иных, лингвистических основаниях (разумеется, соотнося данные лингвистики и литературоведения) с тем, чтобы снять имеющиеся в существующих схемах противоречия и более точно описать механизм, лежащий в основе эволюции представлений о норме перевода?

Для большей конкретности ограничимся историей перевода в России: выявление более общих закономерностей, обуславливающих эволюцию перевода в целом, потребовало бы обращение к разным национальным культурам, а провести настолько подробный анализ в рамках доклада невозможно.

Если признать, что перевод как процесс – это особый вид речевой деятельности, то отсюда следует, что и перевод как результат, то есть переведенный текст, также должен иметь специфические черты. Применительно к художественному переводу одной из таких черт, на наш взгляд, можно считать функцию переводного текста. В докладе «Искусство стихотворного перевода», прочитанном в 1936 г., М.Л.Лозинский писал: «Функция переводных произведений двоякая: 1) эстетическая – как произведений художественных и 2) познавательная – как памятников, которые знакомят нас с другой страной, с другой эпохой, с другой культурой, с новым для нас строем мысли и чувств. [4. С.93].

Лозинский излагает взгляды на художественный перевод, сложившиеся к первой четверти XX в. (и с тех пор коренных изменений не претерпевшие). Но насколько эти взгляды соответствуют более ранним представлениям о функциях переводного текста?

Выше уже было показано, что как для эпохи классицизма, так и для переводческой мысли эпохи романтизма было характерно отношение к переводчику как к соавтору. Правда, характер и степень соавторства понимались классицистами и романтиками по-разному. Переводчик-

классицист рассматривал соавторство как способ улучшения оригинала, приближения его к идеалу, заданному канонической поэтикой. По словам Г.Е.Эткинда: «Господствовавшей в XVIII в. теории идеального, абсолютного перевода не мешали никакие исторические и иные расхождения между национальными культурами – эти расхождения игнорировались, потому что ведь и вообще игнорировались своеобразные черты исторических эпох и национальных характеров. Не было препятствий и со стороны несходства поэтических индивидуальностей – игнорировались своеобразные черты этих индивидуальностей» [5. С.10].

Переводчик-романтик, напротив, уделяет внимание самобытным чертам оригинала и стоящей за ним реальности. Собственно говоря, это стремление воспроизвести в переводе особенности иноязычной национальной культуры и считаются главной чертой романтической школы в переводе, отличающей эту школу от классицистского подхода. Но не стоит упускать из вида парадокс романтизма, о котором писал С.С.Аверинцев: «Романтический поэт ощущает себя личностью, и личностью чуть ли не самодостаточной, с такой эмфазой, с какой никто и никогда этого еще не делал; но именно романтический поэт, столь резко чувствующий “свое”, исключительность “своего”, открывает и делает особой поэтической темой “чужое” как таковое – “местный колорит” определенной эпохи или определенного народа, специфическую своеобразность чужого голоса [6. С.560-561]. Из такой позиции следует то, что даже сохранение формальных особенностей подлинника для переводчика превращается в «послушание оригиналу, которое должно высвободить субъективность романтического поэта и оказаться средством его личной исповеди» [6. С.565]. Другими словами, формальная точность для романтика опосредована собственной эстетической задачей: она становится средством самовыражения, самораскрытия личности переводчика. Если же формальные особенности оригинала не помогают решению этой задачи, переводчик с легкостью от них отказывается и перерабатывает материал таким образом, чтобы выявить в нем неосуществленные, с точки зрения переводчика, возможности. Показателен опыт А.С.Пушкина, заимствовавшего часть одной только сцены из пятиактной трагедии Дж.Уилсона “The City of the Plague” и путем минимальных изменений при весьма точном переводе превратившего эту сцену во вполне законченное самостоятельное литературное произведение «Пир во время чумы», где присутствует тема, занимавшая Пушкина в те годы (при том, что в контексте пьесы Уилсона тема эта едва проявлена). [7]

Таким образом, при всем несходстве позиций переводчиков-классицистов и переводчиков-романтиков, в этих позициях наблюдается и определенное сходство: основной функцией переводного текста оказывается эстетическая; познавательная же функция если и

присутствует, то лишь на втором плане. Тем самым создание перевода приравнивается к самостоятельному художественному творчеству (со всем вытекающими отсюда последствиями, касающимися метода перевода). Именно это сходство и обусловило некоторое совпадение программных положений и результатов деятельности переводчиков рассматриваемых эпох, о чем говорилось выше. Но если для классициста (Тредиаковского) объективной причиной, оправдывающей использование гекзаметра при переводе прозы, было то, что этот размер представляется более уместным для текста эпического характера, то романтик (Жуковский) пользовался этим же приемом для осуществления субъективного эстетического намерения. В первом случае сотворчество переводчика понималось как очищение оригинала от индивидуальных особенностей, мешавших ему соответствовать канону, во втором – напротив, подчеркивание индивидуальных черт или замена их на более выразительные (с точки зрения переводчика), но цель в обоих случаях была одна: улучшение оригинала, причем улучшение, вызванное сугубо эстетическими соображениями.

Примерно в 1830-е гг. в отношении к переводческой деятельности происходит перелом, приведший к тому, что к середине XIX в. «переводы постепенно перестали приравниваться к оригинальным произведениям. “Чужое” и “свое” стали обособляться» [8. С.23]. Осознание переводного текста и отраженной в нем реальности как «чужого» дает толчок к изучению, освоению этого «чужого», в связи с чем на первый план начинает выдвигаться познавательная функция перевода. В этом смысле показательны взгляды В.Г.Белинского: «У нас только богатые люди, и притом живущие в столицах, могут пользоваться неисчерпаемыми сокровищами европейского гения; но сколько есть людей, даже в самых столицах, а тем более в провинциях, которые жаждут живой воды просвещения, но по недостатку в средствах или по незнанию языков не в состоянии утолить своей благородной жажды! Итак, нам надо больше переводов, как собственно ученых, так и художественных произведений <...> Главная же польза последних, кроме наслаждения истинно изящным, состоит наиболее в том, что они служат к развитию эстетического чувства, образованию вкуса и распространению истинных понятий об изящном» [3. С.195]. Последняя фраза показывает, что, с точки зрения Белинского, эстетическая функция художественного перевода вторична по отношению к познавательной, просветительской.

Такой подход во многом определяет степень свободы переводчика в обращении с оригиналом. Хорошо известно наиболее категоричное высказывание Белинского по этому вопросу: «Если бы искажение Шекспира было единственным средством для ознакомления его с нашею публикою – и в таком случае не для чего б было церемониться:

искажайте смело, лишь бы успех оправдал ваше намерение: когда две, три или даже одна пьеса Шекспира, хотя бы и искаженная вами, упрочила в публике авторитет Шекспира и возможность лучших, полнейших и вернейших переводов той же самой пьесы, вы сделали великое дело, и ваше искажение или переделка в тысячу раз достойнее уважения, нежели самый верный и добросовестный перевод, если он, несмотря на все свои достоинства, более повредил славе Шекспира, нежели распространил ее» [3. С.198].

Справедливости ради отметим, что в более поздних статьях Белинского эта позиция была уже не так категорична, но установка на адаптацию текста применительно к пониманию и вкусам аудитории (хотя бы и не в явном виде) сохранялась в переводческой практике в течение долгого времени. Недаром одним из самых ярких и талантливых переводчиков середины XIX в. в глазах современников был И.И.Введенский, чей перевод «Домби и сына» Белинский оценил весьма высоко. (Спор о его переводе «Базара житейской суеты» Теккерея был вызван скорее журнальной конкуренцией, а упреки в русификации и пр. стали раздаваться лишь в начале XX в., когда представление о норме перевода существенно изменилось).

Как явствует из вышеописанного, развитие художественного перевода шло как самоопределение переводческой деятельности, ее размежевание с индивидуальным художественным творчеством, осознание перевода как творчества особого вида. Поэтому дальнейшее развитие перевода проходило как постепенное установление равновесия между указанными функциями, обусловленными специфической ролью переводчика художественной литературы: создатель художественного произведения (эстетическая функция), но при этом знакомящий читателя с чужим художественным замыслом (познавательная функция). А поскольку этот замысел реализуется средствами языка, неизбежно должен был вырасти интерес к формальным способам воплощения этого замысла.

В этом смысле примечательна деятельность Издательства Всемирной Литературы, впервые обратившемся к выработке законченной системы принципов художественного перевода. В сущности, первым толчком к этой работе был, казалось бы, наивный вопрос, заданный на заседании издательства А.М.Горьким К.И.Чуковскому: «Что вы считаете хорошим переводом?» [9. С.95]. Ответом на этот вопрос стала изданная в 1919 г. брошюра «Принципы художественного перевода», включающая статьи Ф.Д.Батюшкова («Задачи художественных переводов», где едва ли не впервые был употреблен термин «адекватность перевода»), Н.С.Гумилева («Переводы поэтические») и К.И.Чуковского («Переводы прозаические»). Любопытно, что идею дать теоретическое обоснование переводческому труду Чуковский принял не сразу. В своем дневнике

(запись от 12 ноября 1918 г.) он отмечает: «На заседании <Издательства Всемирной Литературы> была у меня жаркая схватка с Гумилевым. Этот даровитый ремесленник – вздумал составлять *Правила для переводчиков*. По-моему, таких правил нет. Какие в литературе правила – один переводчик *сочиняет*, а другой и ритм дает и все – а нет, не шевелит. Какие же правила?» [9. С.95]. Чуть позднее, познакомившись с переводческой программой Гумилева, он называет ее «великолепной, но неисполнимой» [9. С.96]. Как видим, в этот момент Чуковский все-таки еще не совсем разграничивал самостоятельное литературное творчество и перевод.

Книга «Принципы художественного перевода» стала первым манифестом того понимания сущности перевода, которое сохраняет свои позиции по сей день. Хотя вопрос о функциях переводного текста в этой брошюре подробно не рассматривался, на основании ее материалов (с поправкой на индивидуальную трактовку вопроса каждым из авторов) вполне можно судить, каким представлялось к этому времени соотношение двух функций. Можно сказать, что их равновесие достигнуто за счет того, что предметом ознакомления становится не только стоящая за текстом предметная ситуация и культура, породившая текст-оригинал, но и эстетическая сторона переводимого текста, создаваемая использованными в оригинале языковыми средствами и стилистическими приемами.

Такое соотношение функций позволяет объяснить и рост буквалистских тенденций в 1920-1930-е гг. Коренное свойство буквализма – неразличение авторского и общеязыкового в тексте оригинала. С этой точки зрения передаче подлежат все формальные элементы текста, независимо от того, являются ли они особенностью авторского стиля или принадлежат узусу языка оригинала, маркированы ли они, а если да, то как именно, стоит ли за их использованием определенное авторское намерение и пр. Если эстетическая сторона текста становится предметом ознакомления, то без учета разделения составляющих ее элементов на авторские и общеупотребительные воспроизведение этой стороны сводится лишь к точному копированию этих элементов. Поэтому познавательной функцией буквалистски переведенный текст обладает лишь на взгляд переводчика-буквалиста: это то, чем он руководствуется, но то, что не достигается на практике, поскольку истинного представления о стиле автора читатель не получает.

Разумеется, буквалистские и околбуквалистские программы создавались и до рассматриваемого периода. Но одно то, что они носили единичный характер, свидетельствует о том, что за их появление было вызвано субъективными причинами. Так, П.А.Вяземский в своем переводе романа Б.Констана «Адольф» делал попытку разработать русский вариант «метафизического языка» («Кроме желания моего

познакомить русских читателей с этим романом, имел я еще мою собственную цель: изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному, разумеется опять, без увечья, без распятыя на ложе прокрустовом» [З. С.131]). Буквалистская программа А.А.Фета была отражением его литературной позиции, противопоставленной утилитарному просветительскому началу, которое господствовало в литературе того времени, а в переводе выразилось в адаптирующем подходе, заданном Белинским и его единомышленниками. (В предисловии к своему переводу «Сатир» Ювенала Фет писал: «Мы, например, не понимаем слов: “нам не нужны классики, не нужна философия, а необходимо народное образование”» [З. С.326]). Это, повторяем, были лишь единичные эпизоды: буквализм как широкая тенденция заявил о себе именно в 1920-1930-е гг.

Ответом на эту тенденцию стало, как известно, появление кашкинской школы. К сожалению, увлекшись полемикой с буквалистами и с подозрением относясь к использованию лингвистических методов в теории перевода (видимо, из опасений рецидива буквализма), Кашкин формулировал свою положительную программу лишь в самых общих чертах. Но если выразить ее в предложенных здесь категориях, можно сказать, что за ней стоит представление именно о таком соотношении функций художественного перевода, которое сложилось ко времени деятельности Издательства Всемирной Литературы, скорректированное более ясным пониманием различия между авторским и общеязыковым (последнее, впрочем, отчетливее чувствуется не в программных статьях Кашкина, а в конкретных разборах стиля определенного автора, например в статье о стиле Хемингуэя, и в переводческой практике самого Кашкина и его учеников).

Думается, что лингвистическое направление в переводоведении, активно развивающееся с 1970-х гг., могло бы, вопреки опасениям Кашкина, значительно помочь в осмыслении богатого переводческого наследия, оставленного им и его единомышленниками: многие ценные находки кашкинцев до сих пор остаются интуитивными догадками, тогда как для развития переводческой мысли и практики художественного перевода было бы полезно подкрепить эти догадки теоретическим обоснованием.

Если вернуться к вопросу об эволюции функциональной установки художественного перевода, описанную картину можно выразить в категориях прагматики, предложенных А.Д.Швейцером. Швейцер разграничивает *коммуникативную установку переводчика* («верность переводчика определенной культурной, и в частности литературной традиции, его собственное эстетическое кредо, его связь с собственной эпохой и, наконец, та конкретная задача, которую он сознательно или

неосознанно ставит перед собой» [11. С.172]), *установку на получателя* («учет расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур, участников различных коммуникативных ситуаций» [11. С.152]) и *коммуникативную интенцию отправителя* («учет функциональных параметров текста для обеспечения основного условия эквивалентности – соответствия между коммуникативной интенцией отправителя и коммуникативным эффектом конечного текста» [11. С.147]). Разумеется, все эти три аспекта присутствуют при переводе неразрывно. Однако если взглянуть с точки зрения преобладания той или иной прагматической установки на историю перевода, можно заметить, что на первом этапе (классицизм, романтизм) определяющей является коммуникативная установка переводчика (и недаром Швейцер приводит как пример отчетливой проявленности такой установки переводы В.А.Жуковского и М.Ю.Лермонтова). В дальнейшем она оттесняется на второй план установкой на получателя. Наконец, на третьем этапе более заметную роль начинает играть установка на коммуникативную интенцию отправителя. Переводчика-соавтора сменяет переводчик-просветитель, после чего наступает время переводчика-выразителя авторского намерения.

Библиографический список

1. Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм / М.Л.Гаспаров //Мастерство перевода. Вып. 8. – М.: Советский писатель, 1971.
2. Коптилов В.В. И вширь, и вглубь... / В.В.Коптилов //Мастерство перевода. Вып. 9. – М.: Советский писатель, 1973.
3. Русские писатели о переводе (XVIII-XX вв.). – Л.: Советский писатель, 1960.
4. Лозинский М.Л. Искусство поэтического перевода / М.Л.Лозинский //Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс, 1987.
5. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е.Г.Эткинд. – Л.: Наука, 1973.
6. Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского /С.С.Аверинцев // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах. – Т. 2. – М.: Радуга, 1985.
7. Межуев М.М. Стратегия переводческих преобразований в переводческой практике А.С.Пушкина: на материале сопоставления пьесы А.С.Пушкина «Пир во время чумы» и отрывка из пьесы Дж.Вильсона 'The City of the Plague'. Дисс...канд.филол. наук / М.М.Межуев. – М., 2006.
8. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода / Ю.Д.Левин. – Л.: Наука, 1985.

9. Чуковский К.И. Высокое искусство / К.И.Чуковский. – М.: Советский писатель, 1988.
10. Чуковский К.И. Дневник (1901-1929) / К.И.Чуковский. – М.: Советский писатель, 1991.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д.Швейцер. – М.: Наука, 1988.

Сведения об авторе

Ланчиков Виктор Константинович
кандидат филологических наук,
профессор кафедры перевода
английского языка МГЛУ
e-mail: vklan@mail.ru

ПЕСНЬ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ КАК БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ТЕКСТ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Е.В. Плисов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

Песнь Пресвятой Богородицы (Магнификат) рассматривается как частотный самостоятельный богослужебный текст. Использование славословия будет носить надконфессиональный характер, но частотность его исполнения будет являться факультативным категориальным признаком православного немецкого богослужения. Исследованные переводы полно и точно передают содержание молитвословия, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень адекватности перевода.

Ключевые слова: литургический текст, лексико-грамматическое и стилистическое варьирование.

The Magnificat as a Liturgical Text: Peculiarities of Translating into German Evgeny Plisov

The Magnificat is viewed as frequently used independent liturgical text. Usage of the prayer has over-confessional character, while frequency of its usage is an optional categorical feature of orthodox German divine service. All analyzed translations render the content of the prayer exactly and completely; being much varied lexically-grammatically and stylistically they obtain the necessary level of clarity.

Key words: liturgical text, lexically-grammatically and stylistically they.

При исследовании текстов религиозной сферы коммуникации очень часто встает вопрос не только их точного и адекватного перевода на другой язык, но и вопрос учета интра- и экстралингвистических особенностей их употребления в соответствующей ситуации. Избранный для анализа текст Песни Пресвятой Богородицы (Лк. 1:46-55) имеет не

только свою древнюю историю употребления как отрывок из Священного Писания, но и почти такую же древнюю традицию богослужебного использования. Наряду с другими текстами, заимствованными из книг Священного Писания в литургическую словесность, *Честнейшую* (именно так эта молитва называется в Уставе) относится к ключевым текстам. Из Евангелий были также заимствованы молитвословия и возгласы *Отче наш, Ныне отпущаеши, Слава в вышних Богу, Примите, ядите..., Пийте от нея вси...* и другие. В настоящей работе мы проследим исторические особенности употребления этой песни, ее значение в контексте христианского вероучения, а также рассмотрим различные варианты перевода этого текста на немецкий язык.

Как самостоятельный богослужебный текст *Честнейшую* начала использоваться в первые века христианства. Можно предположить, что она была составляющей частью уже апостольского богослужения, поскольку в своих посланиях апостол Павел указывает на три вида святых песней (Еф. 5:19 и Кол. 3:16): псалмы, гимны (славословия) и песни духовные. Под псалмами имеют в виду ветхозаветные псалмы. Характеризуя второй вид, свт. Иоанн Златоуст отмечает, что «гимны дело более святое, чем псалмы, ибо Ангельские Силы песнословят, а не псалмословят» (цит. по: [1]). К третьему виду относят евангельские песни праведного Захарии, Богоматери и праведного Симеона Богоприимца.

Эту молитву православные имеют на утрени в составе канона, а католики и лютеране в составе вечерни. Но по Уставу эта песнь исполняется не с тропарями канона, а с особым припевом, который и дал название этому тексту – *Честнейшую*.

Одной из причин заимствования этого молитвословия из текстов Священного Писания в богослужение является его значение для христианского вероучения. Пресвятая Дева Мария навещала праведную Елисавету, мать св. Иоанна Крестителя. При встрече праведная Елисавета, исполненная Духом Святым, приветствовала ее радостным возгласом: «благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, разыграл младенец радостно во чреве моем. И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (Лк. 1:42-45). Из этих слов Пресвятой Деве стало ясно, что Ее тайна открыта Елисавете, и в ответе Она прославляет Бога вдохновенной песнью. Как отмечает архиепископ Аверкий (Таушев), «здесь Она, отклоняя от Себя всякую мысль о Своих личных достоинствах, славит Бога за то, что Он призрел на Ее смирение, и в пророческом предвидении предрекает, что Ее за милость к ней Господа будут прославлять все роды и что эта милость Божия будет простираться на всех боящихся Господа» [2]. М.Скабалланович называет Песнь Пресвятой

Богородицы «величайшим и святейшим по автору произведением самого высокого и одушевленного содержания» [3].

Таким образом, первой и основной причиной заимствования молитвы в богослужебные чины является ее важное вероучительное значение. Именно благодаря этому *Честнейшую* заимствована не только как рядовое евангельское чтение (на утрени Благовещения, в последовании общего молебна), но оформилась и как самостоятельный литургический текст, получив особый припев. Второй, собственно языковой причиной, следует признать ее ритмизованный, стихотворный характер, который позволил без дополнительной обработки текста пропевать его за богослужением. Кроме того, Устав назначает во время пения *Честнейшую* поклоны (земные и малые) и каждение, которое сопровождает важнейшие части богослужения.

Как уже было указано, этот текст употребляется в составе немецкоязычного римско-католического и лютеранского богослужения. Однако мы ограничимся рамками тех общин, для которых Русская Православная Церковь (и, соответственно, ее богослужение) является родной. Языком богослужения во многих общинах в силу последовательной культурной и языковой интеграции ее членов становится со временем немецкий язык. В этой связи остро встает вопрос перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий. По мнению священника Йоханнеса Нотхааса, для правильной оценки значимости языка и перевода должны быть учтены три критерия: 1) идентичность содержания, 2) церковная миссия и 3) душепопечительство [4]. Другими словами, выполняет ли результирующий текст функцию неповрежденной передачи истинного содержания веры, обладает ли он миссионерским характером и действительно ли это служит делу душепопечения, или точнее – спасения людей. При анализе литургических текстов к указанным критериям должен быть добавлен и еще один немаловажный критерий – адекватной музыкальной формы, поскольку при переводе этих текстов с церковнославянского языка должны быть учтены исходные по отношению к нему языки переводимого текста – древнегреческий, арамейский, арабский и др.

В качестве исследуемого перевода привлекается перевод сотрудников Среднеевропейского экзархата [5] (далее – П1), а в целях типологического сравнения – перевод Евангелия от Луки Мартина Лютера в редакции 1984 г. [6] (П2), а также магнификат католического Часослова [7] (П3). Анализируемый перевод отличается пословным характером, т.е. автор стремится к тому, чтобы каждому слову исходного текста соответствовало слово текста результирующего, воспроизводит словесный набор оригинала. При этом в немецком языке трудно соблюсти порядок слов, имеющийся и пословно совпадающий в церковнославянском и греческом текстах. Последующие варианты переводов принципиально

исключают калькирование греческого предложения и передают его в соответствии с нормами немецкой речи. Очевидной является ориентированность П1 и П2 на структурные особенности церковнославянского и греческого оригиналов соответственно, в то время как П3 ориентирован на более часто используемый в католической среде латинский текст.

Рассмотрим переводы в обобщенном виде. В качестве исходного указан вариант П1, затем последовательно через две косых линии приводятся П2 и П3. Текст разбит на евангельские стихи.

(46) Meine Seele erhebet den Herrn, // Meine Seele erhebt den Herrn, // Meine Seele preist die Größe des Herrn,

(47) und mein Geist freut sich über Gott, meinen Heiland. // und mein Geist freut sich Gottes, meines Heilandes; // und mein Geist jubelt über Gott, meinen Retter.

(48) Denn Er hat die Niedrigkeit Seiner Magd angesehen; siehe, von nun an werden mich seligpreisen alle Geschlechter. // denn er hat die Niedrigkeit seiner Magd angesehen. Siehe, von nun an werden mich selig preisen alle Kindeskinde. // Denn auf die Niedrigkeit seiner Magd hat er geschaut. Siehe, von nun an preisen mich selig alle Geschlechter!

(49) Denn Herrliches hat an mir getan, der mächtig ist, und heilig ist Sein Name; // Denn er hat große Dinge an mir getan, der da mächtig ist und dessen Name heilig ist. // Denn der Mächtige hat Großes an mir getan, und sein Name ist heilig.

(50) und Seine Barmherzigkeit währt von Geschlecht zu Geschlecht bei denen, die Ihn fürchten. // Und seine Barmherzigkeit währt von Geschlecht zu Geschlecht bei denen, die ihn fürchten. // Er erbarmt sich von Geschlecht zu Geschlecht über alle, die ihn fürchten.

(51) Er übt Gewalt mit Seinem Arm und zerstreut, die hochmütig sind in den Gedanken ihres Herzens. // Er übt Gewalt mit seinem Arm und zerstreut, die hoffärtig sind in ihres Herzens Sinn. // Er vollbringt mit seinem Arm machtvollen Taten: Er zerstreut, die im Herzen voll Hochmut sind;

(52) Er stößt die Gewaltigen vom Thron und erhebt die Niedrigen, // Er stößt die Gewaltigen vom Thron und erhebt die Niedrigen. // er stürzt die Mächtigen vom Thron und erhöht die Niedrigen.

(53) sättigt die Hungrigen mit Gütern und läßt die Reichen leer ausgehen. // Die Hungrigen füllt er mit Gütern und lässt die Reichen leer ausgehen. // Die Hungernden beschenkt er mit seinen Gaben und läßt die Reichen leer ausgehn.

(54) Er nimmt Sich Israels, Seiners Dieners, an, um zu gedenken an Seine Barmherzigkeit – // Er gedenkt der Barmherzigkeit und hilft seinem Diener Israel auf, // Er nimmt sich seines Knechtes Israel an und denkt an sein Erbarmen,

(55) wie Er zu unsern Vätern geredet hat – gegen Abraham und seine Nachkommen bis in Ewigkeit. // wie er geredet hat zu unsern Vätern, Abraham

und seinen Kindern in Ewigkeit. // das er unsern Vätern verheißen hat, Abraham und seinen Nachkommen auf ewig.

В самой общей оценке, рассмотренные переводческие версии представляются вполне приемлемыми. В формальной лингвистической дескрипции отмечается варьирование:

именной номинации: (47) Heiland – Retter; (48) alle Geschlechter – alle Kindeskind; (49) Herrliches – große Dinge – Großes; (52) die Gewaltigen – die Mächtigen; (53) mit Gütern – mit seinen Gaben; (55) seine Nachkommen – seinen Kindern – seinen Nachkommen; bis in Ewigkeit – in Ewigkeit – auf ewig;

глагольной номинации: (46) erhebt (erhebet) – preist; (47) freut sich – jubelt; (48) ansehen – schauen; (51) üben – vollbringen; (52) stößen – stürzen; (53) sättigen – füllen – beschenken; (55) reden – verheißen;

именной и глагольной номинации: (49) der mächtig ist – der Mächtige; (50) Seine Barmherzigkeit währt – Er erbarmt sich;

морфологических форм: (46) erhebet – erhebt; (53) ausgehen – ausgehn;

строгой пословности по сравнению с оригиналом (в том числе с помощью нарушения немецкого синтаксиса): (48) siehe, von nun an werden mich seligpreisen alle Geschlechter. // Siehe, von nun an werden mich seligpreisen alle Kindeskind. // Siehe, von nun an preisen mich selig alle Geschlechter!; и прибавления «разъясняющих» лексем: (53) sättigt die Hungrigen mit Gütern und läßt die Reichen leer ausgehen. – Die Hungrigen füllt er mit Gütern und läßt die Reichen leer ausgehen. // Die Hungernden beschenkt er mit seinen Gaben und läßt die Reichen leer ausgehn;

лексической синонимии, когда при интенциональной тождественности денотата сигнификативная семантика, как правило, расходится: (49) Herrliches – große Dinge – Großes; (54) Seine Barmherzigkeit – sein Erbarmen;

стилистической синонимии слов и/или форм, иногда денотативное значение незначительно меняется: (46) erhebt – erhebet; (54) Seiners Dieners – seines Knechtes;

падежно-предложных конструкций, которые ведут к отвлеченности или конкретизации смысла, а также к стилистическим переменам: (55) wie Er zu unsern Vätern geredet hat – gegen Abraham und seine Nachkommen bis in Ewigkeit. – wie er geredet hat zu unsern Vätern, Abraham und seinen Kindern in Ewigkeit. – das er unsern Vätern verheißen hat, Abraham und seinen Nachkommen auf ewig.

значащего употребления прописных и строчных букв: (48) Er – er; Seiner Magd – seiner Magd; (54) Seiners Dieners – seines Knechtes.

Подобное варьирование в целом полезно, так как используется все богатство немецкого языка, а сама молитва приобретает смысловую и стилистическую многомерность. Возвышенная стилистическая окраска достигается выбором и сочетанием лексем (Knecht, Nachkommen, Gabe,

preisen, wahren, gedenken, verheißen), редких морфологических форм (erhebet, siehe), инверсии (in ihres Herzens Sinn), параллелизма.

Особого внимания заслуживает вариативность пунктуационных знаков в предложенных переводах. По замечанию Г.П.Чистякова, текст Священного Писания – «это единое целое, не всегда даже делимое на предложения. (...) Слабо выраженное дробление евангельского текста на предложения объясняется и тем, что в первые десятилетия апостольской проповеди Евангелие распространялось исключительно в устной форме» [8]. По этой причине там, где в Священном Писании на современных языках ставится точка, прежние издатели предпочитали двоеточие и запятые, а после предложений, завершающихся точкой, следующие начинали со строчных букв. Плюрализм в расстановке пунктуационных знаков в предложенных вариантах обусловлен разным видением того, как именно должен восприниматься текст. Думается, что здесь допустима определенная вариативность в случае, если предлагаемый знак не нарушает соборного церковного понимания текста, догматического содержания и смысловой целостности текста. В таком ключе наиболее последовательным представляется П1, где чаще встречается точка с запятой для отделения относительно самостоятельных компонентов молитвословия. Использованный в П3 восклицательный знак призван подчеркнуть вдохновенный характер молитвы Пресвятой Богородицы, пророчески воспевающей свое будущее предстательство за христиан, и ее благодарственную направленность Богу, сподобившему Ее стать Матерью Спасителя человечества.

Теперь несколько слов о синтагматических особенностях П1 в аспекте его литургического использования. Текст молитвы носит особый, ритмизованный, поэтический характер. Его можно отнести к тому типу текстов, который Н.П. Саблина называет «ключевыми формулами всего Священного Писания» [9]. Формульный характер, по ее мнению, позволяет полисемантическому слову не ограничиваться реализацией одного из значений в зависимости от контекста: «В формуле сохраняется слово как синкрета. У слова в формуле нет инварианта – в ней нераздельно присутствуют все смыслы, все значения. (...) Формула синтагматична, но парадигматична словом, ее строящим, словом, которое является пульсирующим сгустком смысла» [9]. Полисемантический, концентрирующий характер лексем, составляющих Песнь Пресвятой Богородицы, еще раз, пусть и косвенно, подтверждает не только ее вероучительное значение, но и объясняет мотив заимствования в богослужение, в литургическую словесность. Но этот формульный характер песни предопределяет и особый подход к результирующему тексту в контексте православного богослужения.

Текст, как правило, пропеваается во время богослужения. На первое место здесь выступают требования к поэтической и музыкальной

характеристике исследуемого текста. Пропеваемость молитвословия будет незначительно осложнять консонантная насыщенность немецкого текста. Как известно, ударение в обоих языках динамическое, однако в церковнославянском оно свободное, а в немецком тесно привязано к определенной морфеме. В то время как ударные славянские гласные могут немного удлиняться, а при пении подвергаться не только количественным, но и тональным, динамическим вариациям, в немецком их мобильность ограничена, иногда за счет того, что ударными могут быть и краткие гласные. Ср.: *Величим душа моя Господа – Meine Seele erhebet den Herrn; вси роди – alle Geschlechter; боящимся Его – die Ihn fürchten; даже до века – bis in Ewigkeit.*

Итак, Песнь Пресвятой Богородицы является одним из самых частотных самостоятельных литургических текстов, заимствованных из корпуса книг Священного Писания Нового Завета. Причины заимствования видятся нам в вероучительном значении молитвы и в ее особом ритмизованном характере, который, в свою очередь, позволил пропевать текст во время богослужения. Использование песни в качестве самостоятельного литургического текста будет носить надконфессиональный характер, потому что как таковой он используется в православной, католической и евангелической традициях. Эта песнь будет являться специфическим стилистическим средством, формирующим богослужебный подстиль современного религиозного стиля немецкого языка. Исследованные результирующие тексты полно и точно передают содержание песни, при существующем лексико-грамматическом и стилистическом варьировании достигнут необходимый уровень вразумительности, а также обеспечена пригодность литургического текста для пения. В текстах не встречается необоснованных замен лексем и грамем, которые могли бы быть обусловлены догматическими, культурно-историческими и языковыми факторами. Дальнейшее детальное исследование литургических текстов на немецком языке могло бы привести нас к систематическому описанию современного богослужебного немецкого языка в его конфессиональном, культурно-национальном и языковом многообразии.

Библиографический список

1. Скабалланович, М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / М.Скабалланович. – М.: Сретенский монастырь, 2004.
2. 2 Аверкий (Таушев), архиеп. Четвероевангелие. Апостол. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета / Аверкий (Таушев), архиеп. – М.: ПСТБИ, 2004.

3. З Скабалланович, М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением / М.Скабалланович. – М.: Сретенский монастырь, 2004.
4. Нотхаас, Йоханнес, свящ. Язык православной литургии в диаспоре / Йоханнес Нотхаас, свящ. // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Вып.5. – Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2007.
5. Die Nachtwache. Der Gottesdienst der Orthodoxen Kirche in der Nacht zum Sonntag und vor großen Festen. Berlin: Mitteleuropäisches Exarchat des Moskauer Patriarchates, 1974.
6. Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers mit Einführugen und Bildern. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1999.
7. Die Feier des Stundengebetes für die katholischen Bistümer des deutschen Sprachgebietes. Stundenbuch. Bd. 3. Im Jahreskreis. – Freiburg, Basel: Herder; Freiburg Schweiz: Paulus; Regensburg: Friedrich Pustet; Wien: Herder; Salzburg: St.Peter; Linz: Veritas, 2007.
8. Чистяков, Г.П. История печатных изданий латинского Нового Завета / Г.П.Чистяков // Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. – М.: Гнозис, 1993.
9. Саблина, Н.П. Словесная формула как основная поэтическая единица Псалтири / Н.П.Саблина // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып.2: По материалам конференции «Бражниковские чтения – 2004». – СПб., 2005.

Сведения об авторе

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: e_plissov@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АРХАИЧНАЯ МОДЕЛЬ МИРА: АНАЛОГИЯ В ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТОВ-АНТИНОМИЙ

Т.О. Козлова

Запорожский национальный университет, Запорожье

Цель данной статьи – обсуждение основных принципов архаичной модели мира. Результаты данной работы позволяют предположить, что эквивалентность, аналогия, отрицание дизъюнкции и комплементарность значительно влияют на вербальное изображение мира как единства альтернатив.

Ключевые слова: архаичная модель мира, аналогия, антиномия, целостность мировоззрения.

Archaic Worldview: Antinomy Concepts and Analogies in their Representation Tatiana Kozlova

The aim of this article is to discuss the basic principles of archaic worldview design. The results allow to hypothesize that equivalence, analogy, non-disjunction and complementarity contribute greatly to the verbal representation of the world as the unity of alternatives.

Key-words: archaic model of the world, analogy, antinomy, worldview continuity

Современный мир практически не знает гомогенных культур, и все сферы жизни современного человека охвачены процессами глобализации. Язык и культура не являются исключением. Все же едва ли можно быть солидарным с мнением о том, что «современные культуры ... теряют своеобразие», хотя совершенно справедливо, что «границы между ними все более стираются и исчезают» [1. С.253]. Распространение английского языка и расширение его функций (Global English) способствует проникновению англоязычной культуры в различные этносистемы мира. А историческое прошлое носителей, их ментальность становятся в определенной мере достоянием всех контактирующих культур. В

современных условиях межкультурного общения актуальными являются не только проблемы взаимопонимания (*mutual intelligibility*), переводимости и эквивалентности культурно-языкового материала, но и проблемы этнической толерантности, лингво-культурной компетенции, формированию которых способствует более глубокое проникновение в особенности ментальности носителей лингвокультуры.

Стремление к пониманию сути процессов, связанных с ментальностью носителей языка и культуры, своеобразием организации, упаковки, хранения и передачи во времени и пространстве опыта и знаний о мире, обусловило активное развитие и сотрудничество междисциплинарных отраслей и подходов – лингвокогнитологии, лингвокультурологии, этнолингвистики. Сегодня наблюдается переориентация исследований в направлении изучения процессов и факторов формирования концептосферы, ее структуры, а также свойств, функционирования, вариативности и типов корреляции между ее подсистемами – концептами [2-7 и др.]. Концепты представляют собой многомерные, в значительной степени разнородные сущности, поскольку хранящиеся в нашей памяти фрагменты опыта являются результатом *бесконечного* процесса постижения *бесконечно* изменчивого мира. Полное исчисление ментальных репрезентаций событий, объектов, ситуаций окружающего мира невозможно, и следует только согласиться с мнением В.И.Карасика о том, что «учет реальных обстоятельств требует выделения наиболее важных, повторяющихся и ... значимых фрагментов опыта в качестве ориентиров поведения» [3. С.5].

Следует обратить внимание на то, что концепты представляют собой не хаотичную совокупность пусть даже пересекающихся, переплетающихся, связанных сущностей. Они образуют систему, которая имеет «внутреннюю» и «внешнюю» историю, культурно обусловленную конфигурацию и характеризуется способностью к самоорганизации и рекурсии. Составляющие этой системы вступают в определенные типы взаимоотношений. Последние основаны на универсальных принципах противопоставления, тождества и включения. Значительный интерес представляют концепты-антиномии, поскольку модель мира во многом выстраивается как совокупность различного рода оппозиций (верх – низ, внутренний – внешний, свой – чужой, добро – зло пр.).

Целью данной работы является изучение аналогий в моделировании отдельных сегментов пространства в архаичной картине мира англо-саксонской культуры. *Объектом* исследования выступают противопоставленные концепты *heofon* “небо/небесное царство” и *hell(e)* «ад/подземное царство» в древнеанглийской языковой картине мира. Отметим, что полное описание ядерно-периферийной структуры указанных концептов в задачи данного исследования не входит. *Материал*

исследования составляют имена концептов и их дериваты, отобранные из авторитетных источников [8-11].

В ходе анализа и моделирования концептов мы опирались лишь на дериваты их имен, исключая тот обширный класс лексем, который соотносится с рассматриваемыми сущностями, в силу таких соображений [12]. Независимо от степени разработанности концепта, он никогда не реализуется в ткани языка в полной мере, а лишь частично. Слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст, компактная интерпретация образов картины мира. Наличие имени концепта – одна из онтологических характеристик языковой картины мира. Имя концепта не является случайным и отражает важные для его понимания признаки, выступая его ядерным репрезентантом. Деривационная история слова в определенной мере представляет историю формирования концепта. Формирование культурных концептов – результат определенных типов культурного поведения, включая языковое. Процессы, протекающие на макро- и микроуровнях систем культуры и языка, тесно взаимосвязаны: с одной стороны, в основе исторической макродинамики лежат микропроцессы, происходящие в истории каждой из знаковых единиц, с другой стороны, характеристики культурной практической деятельности этносов определенным образом отражаются на параметрах единиц языка и культуры, которые соотносятся с ядерным, то есть *социально значимым* – звеном.

Имена рассматриваемых концептов этимологически соотносятся с древнейшим слоем исконного фонда и восходят к и.-е. корням - **ak-* “sharp” > др.-англ. *heofon* m (-es/heofenas), f (-e/-a) “sky, firmament; heaven; the power of heaven”, **kel-* “to cover, conceal, save” > др.-англ. *helle* m (-es/-as) “hell”, *hell* f (-e/-a) “Hades; hell, place of torment, Gehenna”. В древнеанглийской языковой картине мира концепты *heofon* и *hell(e)* реализованы, с одной стороны, на основе противопоставления положительного и отрицательного, а, с другой стороны, на основе синтеза сакрального и профанического.

Система вербальных репрезентантов указанных концептов моделируется по принципу эквивалентности и аналогии, за счет чего достигается вербальное портретирование мира как *единства альтернатив*:

(а) небесного и дьявольского - *hellcund* adj “of hell” VS *heofoncund* adj “celestial, heavenly”; *hellefyr* n (-es/-) “hell-fire” VS *heofonfyr* n (-es/-) “fire from heaven, lightning”; *heofonwerod* n (-es/-) “heavenly host” VS *hellwerod* n (-es/-u) “host of hell”; *hellehús* n (-es/-) “hell-house” VS *heofonhús* n (-es/-) “ceiling”; *hellwaran* m pl “dwellers in hell” VS *heofonwaran* m pl “inhabitants of heaven”, *hellware* m pl “dwellers in hell” VS *heofonware* m pl “inhabitants of heaven”, *hellwaru* f pl “dwellers in hell” VS *heofonwaru* f pl “inhabitants of heaven”;

(б) сакрального и профанного - *hellebryne* m (-es/-as) “hell-fire” VS *húsbryne* m (-es/-as) “burning of a house”; *hellwerod* n (-es/-u) “host of hell” VS *hámwerod* n (-es/-, -u) “household”.

Синкретизм сакральной и профанной сфер обеспечивает выбор производящих основ. Сакральная сфера представлена в терминах мирского пространства. Ср.: *træf* n (-es/-trafu) “tent, pavilion; dwelling, building” > *helltræf* n (-es/-trafu) “devil’s temple”, *hám* m (-es/-as) “village, hamlet, manor, estate; home, dwelling, house; region, country” > *heofonhám* m (-es/-as) “heavenly home”, *hláf* m (-es/-as) “loaf, cake, bread, food; sacramental bread” > *heofonhláf* m (-es/-as) “bread of heaven, manna”, *heall* f (-e/-a) “hall, dwelling, house; palace, temple; law-court” > *heofonheall* f (-e/-a) “heavenly hall”, *stól* m (-es/-as) “a stool, chair, seat” > *heofonstól* m (-es/-as) “throne of heaven”, *hús* n (-es/-) “house; temple, tabernacle; dwelling-place; inn; household; family, race” > *hellehús* n (-es/-) “hell-house”, *candel* f (-le/-la), n (-es/-) “lamp, lantern, candle” > *heofoncandel* f (-le/-la) “sun, moon, stars”, *dor* n (-es/-u) “door, gate; pass; a large door” > *hell(e)dor* n (-es/-u) “gate of hell”, *duru* f (-a/-a) “door, gate, wicket, an opening, the door of a house” > *helleduru* f (-a/-a) “gate of hell”, *flór* f (-a/-a), m “floor, pavement, ground; bottom (of lake, etc.)” > *helleflór* f (-a/-a), m (-es/-as) “floor of hell, courts of hell”, *duruþegn* m (-es/-as) “doorkeeper” > *helleþegn* m (-es/-as) “devil”, *béacen* n (-es/-) “beacon, sign” > *heofonbéacen* n (-béacnes/-) “sign in the sky”. Примеры демонстрируют устойчивость и продуктивность двухкомпонентной структуры, включающей дифференциальные элементы *heofon* “celestial, heavenly”, *helle* “of hell”.

Архитектоника концептов базируется на принципах аналогического моделирования. Оба концепта вовлечены в вертикально-горизонтальную систему координат, однако, соотносятся с противоположными крайними точками пространства, корреспондируя с мотивами “света- тьмы”, “добра-зла” пр. Остановимся на некоторых из них.

– «верх – низ»: *HEOFON/ UP* - *heofonhróf* “vault of heaven; roof, ceiling”, *heofonhwealf* “vault of heaven”, *heofonhús* “ceiling”; *HELL/ DOWN* - *helleflór* “floor of hell, courts of hell”, *hellegrund* “abyss of hell”, *hellegrut* “pit of hell”, *hellestów* “infernal region”; *HEOFON/ ELEVATED, HIGHT ORDER* (on which to stand in order to reach high objects) - *heofonsetl*, *heofonstól* “throne of heaven”, *HELL/ SUBMERGED, LOWER LEVEL* (close to ground; on which to sit in order to be supported by one's buttocks rather than one's feet) - *helleséap* “pit of hell”;

- «свет – тьма»: *HEOFON/ LIGHT, BRIGHTNESS, RADIANCE* – *heofonbeorht* “heavenly bright”, *heofontorht* “very bright, glorious”, *heofontungol* “heavenly luminary”, *heofonléoht*, *heofonléoma* “heavenly light”, *heofoncandel* “sun, moon, stars”, *heofoncolu* “heat of the sun”; *HELL/ DARKNESS* – преимущественно опосредовано, через вязь с понятиями «дьявол», «смерть», «могила», «зло», «грех» - *hellsceapa* “hell-foe, devil”;

grave” < *déaðscúa* “death, devil, one who acts in the dark”, *þéostorloca* “tomb, dark enclosure”, *díegol* “secret, hidden, dark, deep, hidden place, the grave”, *mirce* “murky, dark, black, uncanny, evil”, *dimscúa* “dimness, darkness, sin”;

- «радость, слава, счастье – боль, мучение, пытка»: *HEOFON/ GLORY* - *heofondréam* “joy of heaven”, *heofonþrymm*, *heofonwuldor* “heavenly glory”; *HELL/ SUFFERING* - *hellebróga* “terror of hell”, *hellcwalu* “pains of hell”, *hellebealu* “hell-bale”, *hellehéaf* “wailings, howlings of hell”, *hellewítebróga* “horror of hell-torment”, *helleniþ* “torments of hell”, *helleþín*, *hellesúsl*, *helleþintreg*, *helle(tin)trega* “hell-torment”, *hellewíte* “hell-pains, torment”;

- «целостность – увечье»: *HEOFON/ WHOLENESS* - *heofonhálig* “holy” (< *hál* “hale, whole, entire, uninjured, healthy, well, sound, safe, genuine”), *HELL/ INJURY* - *hellehinca* “hell-limper, devil”;

- «честь и святость – преступление»: *HEOFON/ HONOUR, SMTH HOLY, MORALLY AND SPIRITUALLY EXCELLENT* - *heofonwlitig* “divinely fair”, *heofonlic* “chaste”, *HELL/ SHAME, OFFENSE, SMTH WRONG* - *hellfiren* “hellish crime”;

- «власть – подчинение, зависимость»: *HEOFON/ HAVING, OWNING, CONTROLLING, MASTERING SMTH* - *heofondugup* “heavenly host”, *heofonwealdend*, *heofondéma* “heavenly ruler”, *heofonhæbbend* “possessor of heaven”, *heofonweard* “heaven’s keeper, God”; *HELL/ BEING CONTROLLED, CONFINED, COMPLETELY UNDER THE INFLUENCE* – *hellegryre*, *hellehæft*, *hellehfæta*, *hellehfæting* “prisoner of hell, devil”, *hellescealc* “devil” (< *scealc* “a servant”), *hellcniht* “devil” (< *cniht* “servant, attendant, junior”), *helleþegn* “devil” (< *þeg(e)n* “servant, soldier”);

- «свободное пребывание – ограничение, затворничество»: *HEOFON/ HOME* – *heofonhám* “heavenly home”, *heofonheall* “heavenly hall” *HELL/ CONFINEMENT* - *hellehús* “hell-house”, *helledor*, *helleduru*, *hellegeat* “gate of hell”, *hellbend*, *helleclamm*, *hellfús* “hell-bond”, *hellgeþwing* “confinement in hell”, *hellemúþ* “mouth of hell”, *helleceafþ* “jaws of hell”, *hellecægan* “keys of hell”, *helleloc* “hell-prison”;

- «свободное движение – ограничение»: *HEOFON/ FREE MOVEMENT* - *heofonfugol* “fowl of the air”, *heofonfléogende* “flying”, *heofonflód* “torrent (of rain)”, *HELL/ RESTRICTION* - *hellfenlic* “like a fen of hell”;

- «сила – слабость»: *HEOFON/ STRENGTH, ENERGY* – *heofonmægen* “heavenly force” (< *mægen* “bodily strength, might, main, force, power, vigor, valor; virtue, efficacy, efficiency; good deed”), *HELL/ DESTRUCTION* - *hellheort* “disheartened”, *hellcraeft* “hellish power” (< *cærft* “physical strength, might, courage; skill, art, ability, talent, virtue, excellence; Hex; trick, fraud, deceit”).

Как крайние точки мироздания *heofon* и *hell(e)* противопоставлены «земле» (*eorþe* “the earth, ground, soil”), то есть антропоцентру. В таком

контексте активизируется система неантагонистических оппозиций, а понятие «мир человека, земля» соотносится в основном со следующими семантическими линиями:

- «мирская жизнь» - *eorðe* “the world we live in, terrestrial globe, world; the abode of man”, *eorðlic* “earthly, terrestrial, worldly, where a contrast is expressed or implied with heavenly, spiritual”;

- «тленность бытия» - *eorðe* “as a place of burial”, *dúst* “dust, the mortal frame of man”, *þes middangeard éow ne æmg ealneg standan* (“this earth may not always remain for you”), *þéodbúende* “earth-dwellers, mortals”, *Adames cynn onféhþ fláscce, weorðeþ foldræste æt ende* (“Adam’s race shall receive flesh shall come to the end of its rest on Earth”), *eorðcund* “earthly, of earth, terrestrial, mortal”;

- «деятельность, продуктивность» - *eorðe* “suitable for cultivation, productive soil, land” *eorðwela* “earth-wealth; fertility”;

- «середина» - *eorðe* “earth as opposed to the material heaven”, *ágrindan* “descend to the earth”- *heofonhéah* “reaching to heaven”.

В системе древнеанглийского языка, где грамматическая категория рода еще активна, оппозиция “верхний/нижний мир VS средний мир” реализуется также и в грамматической маркированности лексических единиц. Земля как символ плодородия соотносится с женским воспринимающим началом, небо – мужской, воздействующий тип, низвергающий живительную силу в виде солнечного тепла и дождевой воды на землю. Ср.: *eorðe* f (-an/-an) – слабое склонение, *heofon* m (-es/heofenas) – сильное склонение, а также *helle* m (-es/-as). Подобная родовая дифференциация является характерной для многих архаичных по стилю лингвокультур (*небо-отец, мать-земля*) [см. подробно 13. С.59-77], что, вероятно, объясняется общечеловеческим характером мышления и восприятия, универсальностью креативных мифов, общими принципами понимания устройства мира, места и значимости его базовых сегментов. С началом разрушения категории рода в системе имени существительного, а также под влиянием синтезирования концептов (*heofonan and eorðan*) в позднем древнеанглийском существительные утрачивают четкую родовую соотнесенность - *heofon* f (-e/-a), *hell* f (-e/-a). Архаичное мышление объединяет противоположности в единое целое, их раздельное существование немислимо, различия нейтрализуются и оказываются взаимодополнительными: *án þára is eorðe, óðer wæter, þridde lyft, féowrþe fý* (*eorðe* “one of the four elements”); *gewurðe þín willa on eorðan, swá swá on heofenum* (“may thy will come to pass on earth, just as in heaven”).

Осознание целостности мироздания обусловило соединение концептуальных областей. Неизвестное, далекое, неясное мыслится в терминах знакомого, близкого (см. также примеры выше), что приводит к метафорической экспансии «земля = ДОМ > верхний мир - нижний мир – вселенная». Земное пространство выступает в качестве медиатора в

двухмерной (горизонтально-вертикальной) модели мира - *middaneard*, *middangeard* (букв. “средний мир”) “the globe, world, earth; mankind”. Ср.: двн. *mittilgart*, др.-сакс. *middilgard*, др.-исл. *miðgarðr*.

Идея дома как идеального пространства соотносится с интерпретацией неба/рая (например, в *The Phoenix*). Отличительной особенностью репрезентации идеального пространства (рая) в древнегерманской традиции является его статичность и противопоставленность динамике мрака, туманности, той мимолетности и эфемерности физической реальности, какой она представлена в древнеанглийских литературных памятниках – элегиях, героической поэзии (*Beowulf*), проповедях (*The Homilies of Ælfric and Wulfstan*, *The Blickling Homilies*, X – нач. XI вв.). Так, в *The Blickling Homilies* в описании сцены Конца Света автор рукописи следует традиции Вульфстана и апеллирует к греховности земного мира, выступает с порицанием современной ему жизни и говорит о необходимости *перестройки* мира перед судом [см. 10. С.34-35]. В элегиях же и в поэме *The Phoenix*, напротив, идеализированный стереотип рая строится на основе *аналогий* характеристик *идеального пространства* и человека: “not only there is no wintry weather, but there is no malice, sin or suffering” [10. С.115].

Идею дома, жилища человека соединяли не только с понятием идеального пространства (рая), но также и с понятиями огня, света, сияния – др.-англ. *heorð* m (-es/-as) “hearth, fire; house, home”. В “Прорицании вёльвы” (*Völuspá*) идея света присутствует в описании жилища богов, обновленного после эсхатологической катастрофы вселенной – *Sal sér hon standa, solo fegra, / gulli þacþan...* («Чертог она видит солнца ярче,/ золотом покрытый»). Вне эсхатологического контекста сияние ассоциируется с жилищем Бальдра – др.-исл. *Breiðablik* «Широкий блеск» [14. С.56]. Примечательно, что в мифопоэтической модели мира в древнегерманских заговорах Бальдр обозначен как «полный», что, по мнению Т.В.Топоровой, служит доказательством связи теонима герм. **Balðraz* с наименованием жертвы, а поэтому и с культом плодородия умирающего и воскресающего бога растительности – др.-исл. *blōt* < и.-е. **bhlād-* < и.-е. **bhel-*, **bhlə-* «надувать(ся), набухать, бить ключом, изобиловать», а также с солярным культом [14. С.93]. В этой связи можно констатировать сложную ассоциативную линию «дом, жилище – земля – плодородие, богатство – солнце – небо – мир богов».

Отсутствие четких границ между концептами, континуальность языковой картины мира поддерживается синкретизмом языковых явлений, в частности, чрезвычайной продуктивностью словообразовательных аналогий (“house”: *eorphús* - *heofonhús* – *hellehús*, “dweller”: *eorþwaran*, *eorþware*, *eorþwaru* - *heofonwaran*, *heofonware*, *heofonwaru* - *hellwaran*, *hellware*, *hellwaru*, “power”: *eorþmægen* - *heofonmægen* – *hellemægen*; “kingdom”: *eorþrice* – *heofonrice*; “light, fire”: *béacenfýr* - *heofonfýr* – *hellefýr*;

“host”: *werod – heofonwerod – hellwerod*; “born”: *eorþcenned – heofoncenned*; “race”: *eorþcynn – hellecinn*; “belonging to”: *eorþcund – heofoncund – hellcund*; “king”: *eorþcyning – heofoncyning*); полисемией лексических единиц, их значительным семантическим объемом, пересечением лексико-семантических полей (*scéat* “applied to the earth or heaven, corner, quarter”; *grund* “ground, bottom; abyss, hell; plain, country, land, earth; sea, water”; *gást* “breath; soul, spirit, ghost, life, mind; good or bad spirit, angel, demon; holy ghost; man, human being” и мн. др.); двойственностью родовой соотнесенности (см. примеры выше).

Мир, представленный в древней англоязычной картине мира, - это архаичный мир, в котором доминирует вертикальное измерение пространства. При решительном противопоставлении верхнего мира (*heofon*) и нижнего мира (*hell/e*), оба полюса потустороннего пространства, кажутся несовместимыми, то есть находятся в отношениях дизъюнкции. В роли медиатора выступает средний мир (*eorþ*). Разрыв устраняется за счет соотнесения верхнего и среднего миров (как пространства, наполненного светом, добром, жизнью, занимающего на вертикальной оси более высокое положение). Устранению полной дизъюнкции способствует и соотнесение среднего и нижнего миров (как пространства бренного, грешного бытия, занимающего на вертикальной оси более низкое положение). Горизонтальная организация среднего пространства проецируется на вертикаль посредством метафорического расширения, за счет чего и обеспечивается континуальность концептуально-языковой картины мира, в которой фиксированной точкой отсчета является антропоцентр (локус человека).

Таким образом, по данным древнеанглийского языка основными принципами организации архаичной модели мира являются «тождество различий», «недизъюнкция», «взаимодополнительность», «аналогия».

Библиографический список

1. Бадмаева Ч.Ц. Межкультурная коммуникация в процессе сравнительного изучения литературных произведений / Ч.Ц.Бадмаева // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: Сб. научн. трудов, посвященный 60-летию юбилею проф. Е.А.Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2008.
2. Бондаренко Е.В. Концептуальная структура картины времени, реализованной в обыденной языковой картине мира (на материале английского языка) / Е.В.Бондаренко // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна, 2006. – № 726.
3. Карасик В.И. Зеркальный концепт «ПРОСТОТА» / В.И.Карасик // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна, 2006. – № 726.

4. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики / М.В.Никитин. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003.
5. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М.Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008.
6. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г.Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004.
7. Сусов А.А., Сусов И.П. Размышления о концептах / А.А.Сусов, И.П.Сусов // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна, 2006. – № 726.
8. A Concise Anglo-Saxon Dictionary/ Ed. By J. R. C. Hall. – Cambridge: CUP, 1960.
9. Beowulf// <http://rpo.utoronto.ca/poem/19/html>.
10. Old English Prose and Verse. An annotated selection/ with introd. and notes by Roger Fowler. – L.: Routledge & Kegan Paul; N.Y.: The Humanities Press.
11. The Oxford English Dictionary. – 2nd ed. – on CD-ROM, version 3.1. – OUP, 2004.
12. Козлова Т.О. Принципы выделения репрезентативного ядра концепта и его системный анализ / Т.О.Козлова // Записки з романо-германської філології. Одеса: Фенікс, 2005. – Вип. 16.
13. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – В 3-х т. – Т. I / А.Н.Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995.
14. Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров / Т.В.Топорова. – М.: Эдиториал УРСС, 1996.

Сведения об авторе

Козлова Татьяна Олеговна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Запорожского национального университета
e-mail: ethstlab@yahoo.com

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ПОНИМАНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.В. Сидоров

Российский государственный социальный университет, Москва

Механизм координирования является важной частью процесса речеобразования. Благодаря ему культурная направленность речи рассматривается как принцип построения речи. Так что ответная реакция представляет собой не только продукт коммуникации, но и ее опережающее понимание. Результат опережающего понимания, дискурс, приобретает интерактивные и мотивированные качества.

Ключевые слова: опережающее понимание, межкультурная коммуникация, речеобразование, направленность речи, ответная реакция, интерактивные мотивированные качества, дискурс, механизм координации.

Advance Understanding in Cross-culture Communication Evgeny Sidorov

The orientation mechanism is an important part of the speech production's processing. It makes the cultural addressing of the speech considered as a real principle of the speech building. So the feed-back in the communication is not only its product, but also an its advance understanding. The result of advance understanding is the discourse acquires interactive motivated properties.

Key words: Advance understanding, cross-cultural communication, speech production, addressing of the speech, feed-back, interactive motivated properties, discourse, coordination act's mechanism.

Известно, что знания, которыми располагают коммуниканты, существенным образом влияют как на производство и организацию высказывания, так и на характер и результаты его восприятия и понимания. На существенную роль знаний в интерпретации политического дискурса указывает Т.А. ван Дейк [1], замечая, что недостаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний. Нам не менее необходимо и знание о мире и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса, и тем более, интерпретации инокультурного дискурса.

Нельзя в связи с обсуждением определяющих факторов речевой коммуникации не обратить внимание на то, что в психолингвистическую модель порождения высказывания на правах обязательного компонента включается механизм ориентирования в действительности. Однако остается практически незамеченным важное следствие, вытекающее из этого положения для понимания закономерностей онтологии речевой коммуникации и межкультурной коммуникации как ее осложненного частного случая. Дело в том, что важнейшим, если не самым важным объектом действительности для продуцента речи является индивид, к которому он обращает свое высказывание. Тем самым действенная необходимость фактора культурной адресованности речи и соответствующего влияния этого фактора на построение дискурса предполагается в самих основах современного психолингвистического моделирования речевой деятельности. Как отмечал М.М.Бахтин, событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов...* второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать [2].

В связи со сказанным возникает возможность уточнить содержание понятия обратной связи применительно к речевой коммуникации. Истолкование речевой коммуникации, отвлеченное от фактора культурной адресованности речи, допускает ограниченное понимание феномена обратной связи, относящее ее только к реагированию реципиента на высказывание (и соответствующую адаптивную активность говорящего), с ответным речевым и неречевым поведением реципиента, которое может быть учтено говорящим в собсчтвенной коммуникативной деятельности. Однако с учетом фактора культурной адресованности речи, то есть изначальной адаптации говорящим своей деятельности относительно образа вероятного реципиента и соответствующего построения высказывания, которое становится высказыванием с интерактивно мотивированными свойствами, понятие обратной связи в речевой коммуникации становится более богатым по содержанию, включающим не только последующие за представлением высказывания формы, но и формы, предшествующие ему и сопровождающие его.

В современных исследованиях речевой коммуникации, для которых органическая функциональная связь говорящего и адресата высказывания расценивается как фундаментально важное отношение коммуникации, и ориентирующихся на системно-деятельностную парадигму взглядов, содержание коммуникативного отношения между участниками речевого общения истолковывается как переживание говорящим необходимости знаковыми средствами управлять деятельностью Другого в интересах собственной жизнедеятельности и побуждаемая этим переживанием активность по соотнесению своей собственной речевой деятельности с представлениями о различных свойствах адресата [3]. Это значит, что и

язык в целом, в аспекте его коммуникативного употребления рассматривается в качестве средства знакового управления деятельностью Другого, - средства, предполагающего необходимое соотношение употребляемых языковых средств со свойствами предполагаемого реципиента, в интересах говорящего, и одновременно сферы осуществления такого рода управления.

Как установлено, деятельность коммуниканта детерминируют множество факторов. Среди них указывают на систему языка; знания, жизненный и коммуникативный опыт; социальные и психологические особенности коммуниканта и его партнера (например, социальный статус, ценности, идеалы, предрассудки, стереотипы, образцы действий и т.п.); преследуемые в общении цели; обстановка и условия общения; нормы (а также стереотипы, ритуалы, правила, схемы, фреймы и сценарии) поведения вообще и коммуникативного поведения в частности, свойственные данной культуре, лингвокультуре; другие факторы.

Обращение к механизму координации коммуникативных деятельностей служит способом содержательного, причинного объяснения важнейших явлений, процессов речевой коммуникации и межкультурной коммуникации. В частности, в свете действия данного механизма становится возможным содержательно и целостно представить природу семантики, формата, структуры текста, функций различных его элементов и т.п. Возможно, что обращение к этому механизму есть также и способ столь же содержательного причинного объяснения более широкого круга языковых явлений - строения языковой системы, исторических изменений языка, его стилистической и – шире – социальной дифференциации, поскольку эти системы функционируют и формируются не иначе как через коммуникативные акты. Поэтому естественно полагать, что именно координация коммуникативных деятельностей (а через них и стоящих за ними других деятельностей) есть базовый механизм не только речевой коммуникации, но и языка в целом.

Изучение высказываний диалога как текстов частной разновидности, позволяет сделать вывод о том, что их организация определяется знаниями говорящего об адресате – вероятном реципиенте. Тем самым предварительное знание говорящего о реакции реципиента на высказывание оказывается конструктивным фактором построения высказывания (прежде всего его семантики) в рамках знаковой координации деятельностей партнеров по взаимодействию. Можно сформулировать идею способа – знакового способа управления коммуникативной деятельностью партнера в диалогическом взаимодействии.

Так, в диалоге:

- I will have a drink, Mr. Marlowe. Would you care to join me?

- No, Ma'am, but I'll smoke my cigarette now, I think (Chandler R.,

Parker R., 39).

Первый коммуникант использует вербальное обозначение своего намерения (I will have a drink) для формирования в сознании партнера по общению образа намечаемых им действий, чтобы партнер получил когнитивное основания в форме данного образа для совершения им соответствующих действий. Затем он предъявляет партнеру по общению еще одно вербальное обозначение намерения, на этот раз виртуального намерения партнера («Would you care to join me?»), с целью побуждения его к совершению действия достаточно определенного типа – неречевого или ответного речевого. При этом вербализация своего собственного намерения (- I will have a drink) обеспечивает логическую, причинно-следственную мотивацию данного побуждения (to join me). Используя данные вербальные обозначения намерений, первый коммуникант исходит из некоторых допущений (знаний) относительно личности и деятельности партнера (он знает, что партнер поймет его речь; он знает, что партнера зовут Mr.Marlowe, что он способен принять предложение присоединиться к нему, поскольку он им управляет; он полагает, что партнер, вероятно, примет его предложение).

Таким образом, говорящий действует под влиянием имеющегося у него представления о личности и деятельности адресата; он производит высказывание, построенное таким образом, чтобы побуждать адресата совершить интерпретирующую, а вслед за ней и в связи с ней также и моторную или речевую деятельность, в которой он заинтересован как инициатор диалогической интеракции. Обозначение собственного намерения (- I will have a drink) и логической мотивации искомого побуждения (to join me) также обусловлены со стороны адресата, поскольку говорящий допускает, что приводимый им аргумент будет убедительным для данного адресата с его потребностями, мотивами, ценностными установками, склонностями, знаниями и жизненным опытом.

Реплика партнера с вербальными обозначениями намерения (No, Ma'am, but I'll smoke my cigarette now) знаменует отказ от совершения предложенного действия и использует вербальное обозначение своего намерения (I'll smoke my cigarette now) для формирования в сознании партнера по общению образа намечаемого им действия, чтобы партнер получил когнитивное основания в форме данного образа для совершения им соответствующих действий. При построении высказывания говорящий также с необходимостью исходит из определенных знаний о партнере: он знает что партнер – женщина и в связи с этим употребляет соответствующую номинацию, он знает, что партнер собирается выпить и предлагает ему сделать то же; он знает, что отказ от выпивки никак не навредит партнеру, и что сообщение о намерении выкурить сигарету будет для данного реципиента приемлемо. В своей совокупности указанные (и, возможно, другие) знания об адресате составляют необходимую

когнитивно-прагматическую базу для производства высказывания именно данной семантической, лексико-грамматической, тема-рематической, композиционной, стилистической и интонационной организации. Это событие знаменует завершение элементарного цикла знакового согласования деятельности коммуникантов в диалоге.

Поскольку коммуникация – это процесс человеческий, для организации деятельности говорящего-отправителя сообщения имеют значение на самом деле свойства не действительного реципиента, подчас неизвестные адресанту, а именно **мыслимые** адресантом свойства **предполагаемого** адресата. Мыслимые свойства (образы свойств) могут приближаться к свойствам реального адресата или удаляться от них, но как системный фактор коммуникации имеет значение именно **образ** свойств адресата, принимаемый за сами эти свойства. Это значит, что в перспективе **системного** истолкования природы речевого общения образ личности и деятельности адресата, предполагаемого адресантом в качестве реципиента, имеет большее значение для построения коммуникативной целостности и для обретения «неотъемлемых свойств сообщения самого по себе», чем свойства адресата, реально наблюдаемого как партнера по речевому взаимодействию.

Организация речевой коммуникации как целого демонстрирует функционирование базового механизма речевой коммуникации – механизма взаимной координации коммуникативных деятельности индивидов в речевом общении, где не только деятельность реципиента необходимым образом соотносится (через интерпретацию текста) с деятельностью говорящего, но и деятельность говорящего необходимым образом соотносится (через опережающее психическое моделирование) с личностью и деятельностью предполагаемого реципиента.

В речевой коммуникации универсальная форма обратной связи, в действительности определяющая функционирование механизма знаковой координации деятельности и формирование текста как сопряженной знаковой модели такой координации, состоит в **опережающем психическом моделировании** свойств личности и деятельности адресата. В этом смысле будущее определяет настоящее.

Библиографический список

1. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. – М.: Искусство, 1986.
3. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В.Сидоров. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Сведения об авторе

Сидоров Евгений Владимирович
доктор филологических наук,
зав. кафедрой лингвистики и
межкультурной коммуникации
Российского государственного
социального университета
e-mail: sidisprima@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

ТИПОЛОГИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ИДИЛЛИИ XX ВЕКА

Е.А. Балашова

Калужский государственный педагогический университет

им. К.Э.Циолковского, Калуга

Художественное воплощение хронотопа по всей видимости требует пространственно-временной организации текста. Текст содержит в себе определенные отношения подчинения между типом хронотопа и пространственно-временными отношениями в тексте, в котором описывается хронотоп. В работе также говорится о типологии временных отношений, формирующихся в поэтической идиллии XX века.

Ключевые слова: хронотоп, пространственно-временные взаимосвязи в тексте, типология современных отношений, поэтическая идиллия XX века.

Typology of Temporal Relationships in Russian Idyll of the 20th Century **Elena Balashova**

Literary evocation of the chronotope apparently requires a spatio-temporal matrix of the text. The subject article contains certain relationship of conformity between the chronotope type and spatio-temporal interrelationships in the text that describes the particular chronotope. The paper also outlines the typology of the temporal relationships shaping in the poetic idyll of the XX century.

Key words: chronotope, spatio-temporal interrelationships in the text, typology of the temporal relationships, poetic idyll of the XX century.

Поскольку смысл категории «хронотоп» недостаточно определен, уточним для начала, что мы искали действительно формулу, которая вбирала бы в себя именно пространственно-временные характеристики, пронизывающие друг друга и входящие в определение друг друга. Для идиллии весьма подошло бы «удаленное во времени пространство» (хронологическая отдаленность).

Известно, что архаичным сознанием недостаточно дифференцировались понятия времени и пространства. Идиллия, пытающаяся воспроизвести забытую в золотом веке картину мира, «не

противопоставляет пространство времени как внешнюю форму созерцания внутренней» [1. С.231]. В идиллии оказывается возможной синхронность времени и пространства. Идеально в этом смысле название цикла К.Случевского «Уголок»: добровольная пространственная изоляция («уголок») в имении с названием Уголок поддерживается отдаленностью, мотивируемой временем, – старостью, «последними днями».

Художественное воплощение хронотопа, по-видимому, требует той или иной пространственно-временной организации текста. Обнаруживая определенные закономерности между типом хронотопа и пространственно-временными отношениями текста, изображающего этот хронотоп, в данном случае попробуем наметить типологию временных отношений¹¹.

Анализ конкретных примеров показал, что идиллический текст активно «работает» с разными грамматическими формами, указывающими на время того или иного события, но, с другой стороны, может отказываться воспроизводить пространственно-временные характеристики. Непосредственная реализация **временных** отношений, вызывающая у читателя ощущение течения времени, реализуются при помощи лексики (формул наподобие «раньше-позже»), а также с помощью таких грамматических средств, как вид, время глагола.

Есть тексты, в которых идиллическое время только ожидается. Таков хронотоп идиллии у Б.Рыжего – с узкой локализацией остановленных примет времени. В стихотворении «Нежная сказка для Ирины» используются глаголы будущего времени: «пойдем», «построим», «оставим открытой дверь», «возьмем»... То же будущее время – в стихотворении Бродского «Пророчество»:

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой.
Мы будем в карты воевать с тобой
и слушать, как безумствует прибой,
покашливать, вздыхая неприметно
при слишком сильных дуновеньях ветра.

Однако названная *проекция вперед* может предстать загробным миром, как в «Уголке» К.Случевского. И в стихотворении «Пророчество» Бродского указывается на смерть героев:

и вот
нас вместе с козырями отнесет
от берега извилистость отлива.

¹¹ В целом в лирике трудно устанавливать какие-либо пространственно-временные закономерности, поскольку время является куда более податливым и менее сопротивляющимся материалом, чем пространство, тем более что в большинстве случаев свойства времени не имеют пространственных аналогов.

Угадывается подобная перспектива – в небытие – во второй части стихотворения Б.Рыжего «Родная, мы будем жить здесь...»:

По сути дела не будет лета, зимы и прочих.
Не будет милых моих. Любимых моих. Хороших.
Туман укроет нас белоснежной своей рогожей,
и будут ночи. Сплошные ночи. Сплошные ночи.
Но всё проходит. И мы с тобою пройдем задаром.
И будет небо. Сплошное небо, как черный зонт... А
мы будем в ночи, как в отложении – два омара.
... И безресничный прищур безглазого горизонта.

В стихотворениях Б.Рыжего реальную жизнь с превалирующим чувством вины заменяет выстраивание и проживание другой жизни, мыслящейся как переход в особое, священное и неведомое времяпространство, в чаемое их соединение. Будущее оживает, но настоящим никогда не сделается. Отсюда идиллическая несбыточность всего, о чем говорится. А в стихотворении А.Кушнера «Замечтаться в саду...» поэтика несбыточного строится на использовании инфинитивов:

Замечтаться в саду, заглядеться на клумбу
Золотых ноготков, обойти Ниобею,
Не взглянув на нее – и наткнуться на тумбу,
Преграждавшую въезд экипажей в аллею...

Нередки примеры использования глаголов настоящего времени, как в стихотворении С.Львовой «Чуть пахнет острой ласковой простудой...»:

Я хлеб пеку и прибираю дом...

Мы ходим беззаботно, как во сне,
настаиваем квас на хлебной корке... –

или в стихотворении Ф.Сухова:

Сажу, как Гораций, капусту,
Картошку тихонько сажу,
Учусь я иному искусству,
Иному призванью служу.

И сожалею, что поздно
Вернулся к родимой земле.
Друзья мои! Это не поза,
Благоговейная озарь
Пришла наконец-то ко мне!

Глагол «вернулся», относящийся к субъекту, в данном случае используется скорее в значении настоящего времени, а не прошедшего. Строку следовало бы прочитывать так: «сожалею, что поздно возвращаюсь к родимой земле».

Ожидаемо в идиллии использование глаголов *прошедшего времени*. В одном из стихотворений цикла «Степная дудка» А.Тарковского читаем:

Где вьюгу на латынь
Переводил Овидий,
Я пил степную синь
И суп варил из мидий.

И мне огнем беды
Дуду насквозь продуло,
И потому лады
Поют, как Мариула...

Оговорим особые грамматические формы. В стих. В.Высоцкого «Здесь лапы у елей дрожат на весу...» обретение идиллического счастья дано в варианте сослагательного наклонения: «соглашайся хотя бы...». То же условное обретение счастья в мечтах, та же возможная альтернатива современной неустроенности в стихотворении «Я на руки взял тебя и на кровать...» Н.Глазкова. Встретилась форма и повелительного наклонения – в стихотворении В.Высоцкого «И душа и голова, кажись, болит...»:

Дайте мне глоток другого воздуха!

В стихотворении Л.Мартынова «Добрососедство» внимание привлекают две позиции. Это вид глагола и тип придаточного предложения:

Когда
Клубится дым
Над хмурым садом,
Вещая, что горят торфяники,
Вдруг прямо к нам, в ограды, прямо на дом,
Всем старым разногласьям вопреки
Являются, чтоб жаться с нами рядом,
Лягушки, ласточки и мотыльки.
Добрососедствовать добром и ладом
Они зовут почти что по-людски.
И мы не только с ласточками ладим,
Но всяких тварей по головкам гладим
И с пристальным вниманием следим,
Чтоб не взбесился кто из них от жажды,
И может быть, что в жизни хоть однажды
Такой урок и нам необходим.

Что после вечной нашей суеты
Я очутился на другой планете,
Чьи до конца естественны
черты,

Где просто все еще и первозданно
И нервы в упокоенности всей
Не ждут ежесекундного удара
О тех –
со всей планеты –
новостей.

Уточнения требует и сопоставление времен в стихотворении И.Лиснянской, здесь оно строится не по принципу антитезы:

Овечка, еще я не знаю, не знаю,
Что будешь ты заклана!
От устья в исток бытия, дорогая,
Дремотой я загнана.
Пространство мало и узка горловина.
Не тронута опытом,
Овечка моя, я еще не повинна
Пред мужем и Господом.
В колени мне тычешься ты шелковистой
Курчавою мордочкой,
Так облако тычется в берег тенистый,
Где солнце как форточка
В тот хаос, в тот мир, где мы жертвами будем
По глупости, слабости.
Давай-ка еще у истока побудем
В доопытной благости.

«Я еще не знаю» означает «уже знаю» (тогда – не знала), взгляд из будущего. Использование данной формы синтаксического времени означает сознательный отказ от ухода в узанное будущее.

В данном частном жанровом случае (идиллии) считаем интересным для анализа проследить, как реализуется перцептуальный аспект (т.е. временные отношения, складывающиеся в результате того или иного порядка следования событий в тексте). В идиллии, которая наиболее приближена к жизни с ее каждодневными заботами, особое отношение к временной последовательности. Ее может не быть: звенья перечисления переставим по своему усмотрению (по принципу свободной композиции). Правда, именно потому, что идиллия близка обычной жизни и воспроизводит известный порядок вещей, то всё изображенное не должно противоречить бытийной последовательности: сначала вскопать огород и только потом собрать урожай.

Пример слабой временной последовательности см. в одном из стихотворений цикла А.Тарковского «Степная дудка»:

У пастухов кипел кулеш в котле,
Почесывались овцы рядом с нами...
С Овидием хочу я брынзу есть
И горевать на берегу Дуная...

Ничего бы не изменилось, если бы части высказывания переставить местами и в пространстве стихотворения «Актинидия коломикта так оплела...»

О.Чухонцева:

Чаю заварим с мятой, накроем стол,
яблочный пай нарежем, тетрадь раскроем...

А вот в стихотворении Ф.Сухова «В лес по ягоды» воспроизводится реальный путь человека в лесу со всеми топографическими подробностями, изменить порядок которых значило бы заблудиться, потому что сначала надо спуститься с кручи, потом пройти мимо сосен, далее – через ручей и т.д.:

Я спускаюсь с высокой кручи,
Мимо сосенок прохожу,
Обиваю с травы колючей
Ту же утреннюю росу...
Перепрыгиваю невеликий
К солнцу вырвавшийся ручей,
Наклоняюсь над земляникой –
Первой ягодой моей.
А за первой я рву вторую...

Четкая последовательность описанных действий в стихотворении Т.Кибирова «Послание Ленке», не нарушая логики (события группируются относительно друг друга), отражает последовательность действий в быту:

будем варенье варить из крыжовника в тазике медном,
вкусную пенку снимая, назойливых ос отгоняя,
пот утирая блаженный, и банки закручивать будем,
и заставляя антресоли, чтоб вечером зимним, крещенским
долго чай распивать под уютное ходиков пенье,
под завыванье за окнами блоковской выюги.

Однако наряду с использованием временных, идиллия пробует и **невременные** формы. Наиболее часто встречающиеся формы невременной организации – это «пространственная организация, ориентирующаяся на фиксацию объектов, рассредоточенных на тех или иных участках пространственного поля (дескриптивная лирика), конструкция уравнения (уравнивания), с помощью поэтических формул типа «Люблю», «Помню» втягивающая в свой круг и произвольно уравнивающая различные ряды ощущений, различные фазы

невзаимосвязанных событий, и *конструкция обобщения*, замораживающая какие бы то ни было временные (и пространственные) отношения и играющая заметную роль в дидактической поэзии и философской лирике» [2. С.36].

Универсальная модель *пространственных* отношений, не требующая присутствия временных отношений, – это в чистом виде описание картины, скульптуры или, как в стихотворении «Золотой век. Идиллия» Э.Лимонова, фотографии:

Она глядит из фотографий памяти Лимонова
мгновенные взоры. профиль. анфас. со спины
в движении
вот взлетевшая рука
вот разговаривает с лошадью

Да облагородит ее это произведение
и сделает вечной
и не только на лугу с коровами и потным пастухом
но и с теми кто труден мил
недоступен в обычное время –

или экфрасис Ю.Левитанского:

В будапештской гостинице, в номере, на стене –
деревенский зимний пейзаж в деревянной раме...
Деревенский зимний пейзаж, тишина и снег,
и пустынный двор, и колодец, и дом с сеньями,
и неясный след, оставшийся за санями...

Первая фраза стихотворения Г.Горбовского: «А много ль человеку надо?..» – позволяет говорить о *конструкции уравнивания*, в которую вписаны как звенья одной цепи «лужок» и «ягода», человек и «рыбешка». Противоположность живого и неживого, динамичного и статичного снимается. Равноправными в этом мире оказываются не только предметы и живые существа, но и все действия. Здесь нет ложного употребления сил – только на первостепенное: «поднять колодезной воды», «окучить картошку»...

Подобная ситуация уравнивания и в стихотворении Н.Рубцова «Добрый Филя»: «Я запомнил, как диво...». С определения собственного чувства начинаются картины идиллической жизни у Ю.Левитанского: «С деревянным домом живу в ладу...», или «Небо памяти, ты с годами всё идилличнее...», или «Я в лесу глухом затерян...».

Что касается *конструкции обобщения*, то в ее определении нас привлекло объяснение: «замораживающая какие бы то ни было временные и пространственные отношения». Показалось, что это как нельзя кстати отвечает сути идиллии – замораживанию устоявшегося веками идеала

естественной жизни на фоне природы. Так строится стихотворение И.Лиснянской:

В нежном клевере луг, голубеет слегка водоем.
Нет ни встреч, ни разлук, потому что всегда мы вдвоем.

На постели из трав, как на царской, упругой парче,
От блаженства устав, на твоём отдыхаю плече.

Запотелой щекой трусь о твой задубелый загар.
Молода я ещё, да и ты, мой любимый, не стар.

Пусть проходят века – подыматься мне с клевера лень, –
Молодые рога подставляет мне желтый олень.

Может, Авель воскрес и мне влажную подал ладонь?
Правды нет без чудес – не бывает без дыма огонь.

Будит свет меня резкий, но веки поднять нету сил –
Ты мне сон свой эдемский под веки земные вложил.

На самом деле в конструкциях обобщения временные отношения игнорируются. Нам же кажется принципиальным, что время именно в идиллической «конструкции обобщения» заявлено. Мало того, оно каждый раз (независимо от того, прошлое оно, настоящее или будущее) соотносится с универсалиями, такими как смерть, например. Все незаметные каждодневные частности уравниваются в правах с важнейшими законами жизни. В этом отчасти и состоит важнейшая черта идиллии – она принимает и жизнь, и смерть, не видя их разъединенности. Для идиллического мира чрезвычайно характерна убежденность в повторяемости, обратимости времени. Идиллическое время циклично, оно не останавливается в точке смерти, потому-то идиллический человек неотделим от природы – возрождение природы позволяет ему и себя считать вписанным в общий круговорот времен года, замены осени – зимой, а зимы – весной. Это мир взаимных переходов, перетеканий. Идиллический мир «круглый», не имеет начала и конца; и смерть здесь не окончательна, она просто приобщает человека к круговороту жизни. Стало быть, давая характеристику идиллическому хронологу, нам не избежать термина «вневременное». Время актуально, но оно рассматривается через призму повторяемости, цикличности. Конкретные участки, локальные моменты могут как работать с грамматическим временем, так и отказаться от него, но, помещенные в контекст идиллии, актуальным делают то время, которое соотносится с вечностью, как в идиллии Д.Самойлова:

Пахло соломой в сарае,
Тело – травой и ветром,

Губы – лесной земляникой,
Волосы – яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие свежие грозы.
Мы просыплись. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убежала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

В анализируемых идиллических текстах самый большой интерес представляет не разнообразие форм грамматического времени, не то, как идиллия воспроизводит невременные отношения, а то, что именно в этом жанре – повторимся: при всем богатстве грамматического и синтаксического времени или принципиального отказа от него! – в читательском сознании обе эти формы (временные и невременные) «снимаются» вневременным хронотопом идиллии.

Дальнейшая работа по анализу идиллической лирики XX века должна выявить взаимосвязь пространственных и временных характеристик или невозможность их однозначного связывания.

Библиографический список

1. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н.Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
2. Чередниченко В.И. Типология временных отношений в лирике / В.И.Чередниченко. – Тбилиси, 1986.

Сведения об авторе

Балашова Елена Анатольевна
кандидат филологических наук
доцент кафедры литературы
Калужского государственного
педагогического университета
им. К.Э.Циолковского
e-mail: e-balashova@rambler.ru

ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ТИП ТЕКСТА

А.А. Завьялов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

Данная статья посвящена проблеме анализа текста. В ней рассматриваются аналитические тексты газетного стиля на немецком языке, который мы называем «газетным определением», чья коммуникативная цель состоит в расширении кругозора читателей об определенном социально-политическом событии. Это своего рода попытка установить лингвистические особенности текстов подобного рода, принимая во внимание количественные свойства.

Ключевые слова: анализ текста, газетное определение, коммуникативное намерение.

Newspaper Definition as an Analytical Text Type Alexander Zaviyalov

The article is devoted to text analysis. It deals with analytical texts of German newspaper style, which we call "newspaper definition", the communicative intent of which is to broaden the readers' knowledge about a certain social-political event. It is an attempt to establish the linguistic peculiarities of this type of text taking into consideration the quantitative properties. Key words: text analysis, newspaper definition, communicative intent.

Вопросы лингвистики текста находят широкое освещение в научных исследованиях учёных, что свидетельствует об актуальности текстологической проблематики. В свет выходят как отдельные монографические исследования [1; 2; 3; хорошо], так и сборники научных трудов [5; 6], полностью или частично посвящённые изучению текста [7]. Анализ специальной литературы по лингвистике текста показывает, что текст исследуется в традиционном системно-языковом русле, берущем начало во 2-ой половине прошлого века, в более широких рамках – дискурсе [8; 9], а также в целях теории и практики перевода [10; 11; 12; 13; 14].

Традиционные лингвистические исследования развивались по нескольким направлениям. В рамках грамматического подхода текст понимался как линейная последовательность предложений, между

которыми должны существовать грамматические связи, существующие в виде грамматических правил. Например, Х.Изенберг сформулировал генеративные правила создания текста по аналогии с предложением и установил связующие элементы текста: союзы, местоимения, артикли, дейктические средства и др. [15]. В дальнейшем связующие элементы были дополнены временными морфемами и проформами. Исследования Пражской лингвистической школы дали толчок изучению семантической связанности текста на основе функциональной перспективы предложения. В предложении были установлены известная информация (тема) и новая информация (рема). Тема-рематическая структура предложения может меняться в зависимости от перспективы говорящего. Содержательное наращивание текста в результате особого рода смены тематических единиц Ф.Данеш назвал тематической прогрессией, которая может иметь разные типы [16]. А.-Ж.Греймас в целях изучения семантической структуры текста опирался на гипотезу, согласно которой понимание текста основывается на охватывании текстуальных семантических связей, которые проявляют себя через лексические индикаторы. Гомогенность текстового целого опирается на семантическую совместимость лексем в тексте. Увидев схожесть поведения сем в составе лексем с изотопами в ядерной физике А.-Ж.Греймас перенёс термин изотопия на семантические связи отдельных структур текста. Семантическая рекуррентность является основой когерентности текста. Семантически связанные лексические единицы образуют изотопные цепочки, которые в свою очередь формируют изотопную сеть [17]. Элементы изотопной цепочки указывают на один и тот же референт, что делает их кореферентными. Изучение изотопных связей внутри текста является основой текстологических исследований [18]. Другим направлением в исследованиях семантической структуры текста является попытка представить предложение в составе текста в виде пропозиции, состоящей из предиката и аргументов. Пропозиции описывают явления реальной действительности таким образом, что денотатам приписываются определённые качества или же между денотатами существуют определённые связи. Любая пропозиция может иметь разные синтаксические вариации. Пропозициональный подход интересен тем, что пропозициональные связи позволяют понять взаимозависимость денотатов: „Zwei Propositionen sind miteinander verbunden, wenn ihre Denotate, d.h. die Sachverhalte, die ihnen zugewiesen werden, miteinander verbunden sind“ [19. С.27; 9]. В поверхностной структуре связь между пропозициями в тексте оформляется при помощи различных лексико- грамматических средств, например причинно-следственные связи с помощью союзов *weil*, *da* и др.

Следующим на семантику текста ориентированное направление изучения текста в последнее время разрабатывается К.Бринкером [зачтено], который исходным понятием считает «текстовую тему»,

понимаемую как „ der Kern des Textinhaltes, wobei der Terminus „ Textinhalt“ den auf einen oder mehrere Gegenstände (d.h. Personen, Sachverhalte, Ereignisse, Handlung usw.) bezogenen Gedankengang eines Textes bezeichnet“ [1. С.56]. Текстовую связанность формирует т.н. «текстотематическое развёртывание» (Text-Thema-Entfaltung). Говорящий, учитывая составляющие коммуникативной ситуации (например, социальную роль коммуникантов и др.) и исходя из интенции высказывания, принимает решение, каким образом он намеревается информировать о теме текста. В теории К.Бринкера отсутствует пропозициональная составляющая, что отличает её от макроструктурной модели ван Дейка.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода различают два направления в изучении текста. В первом случае речь идёт об исследованиях, опирающихся на теорию речевых актов. Текст понимается как упорядоченное множество иллокутивных актов. Для всех типов иллокутивных действий как *bitten*, *fragen*, *feststellen* имеют силу общие признаки: говорящий преследует своим высказыванием цель, чтобы оно было понято слушающим, а слушающий готов и способен реализовать эту цель. Чтобы высказывание (иллокутивный акт) было успешным, должны быть выполнены некоторые условия как: мотивация говорящего, учёт социальной ситуации и др. Из высказывания можно реконструировать интенцию говорящего, которая эксплицитно выражается грамматическим наклонением, перформативными структурами, модальными глаголами, частицами. Задача исследователя заключается в том, чтобы на основе изучения взаимодействия между речевыми действием и языковой структурой установить три составляющие: грамматическую структуру, пропозициональное содержание и иллокутивную роль. Иллокутивные акты образуют блоки, в которых один иллокутивный акт подчинён другому, т.е. выполняет второстепенную функцию (просьба может содержать, например, аргументацию) [20]. Глобальные тексты содержат по крайней мере один иллокутивный акт, который представляет интенцию говорящего. Он считается доминантным, или текстообразующим. Доминантная иллокутивная функция образует вместе со вспомогательными иллокутивными функциями иллокутивную структуру.

Второе направление коммуникативно-прагматического подхода исходит из понимания языка как действия для достижения определённых целей, где текст в отличие от теории речевых актов понимается как целое, а не состоящее из отдельных иллокутивных актов. Речевое действие – коммуникативная деятельность, имеющая социальный характер [21]. В результате была создана модель текста, которая подверглась некоторой критике [9. С.89].

Дальнейшее изучение текста развивалось в направлении исследования когнитивных процессов. Психические процессы лежат в

основе создания и понимания текста. Говорящий/слушающий активизирует определённые знания на протяжении всех фаз создания или понимания текста. Текст – результат взаимосвязанных ментальных процессов [22]. Р.-А. Богранд и В.И.Дресслер перечислили основные признаки текстуальности как образующие сущность текста не структурного, а когнитивного характера: когезия, когерентность, интенциональность, акцептабельность, информативность, ситуациональность и интертекстуальность [22. С.13].

Важным моментом в понимании сущности текста явилась необходимость включить его во множество коммуникативно связанных величин. Коммуникативно и тематически связанное множество назвали дискурсом: «Дискурс – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [23. С.136-137]. Включение текста в дискурс было вызвано необходимостью изучения текста как части целого: «Um die Entstehung von Einzeltexten aus einem komplexen Ganzen in den Vordergrund zu stellen, wählen wir den Terminus Diskurs. Ein Diskurs ist also eine prinzipielle offene Menge von thematisch zusammenhängenden und aufeinander bezogenen Äusserungen. Es handelt sich nicht um objektiv gegebene und (streng) gegeneinander abgegrenzte Komplexe, sondern um Zusammenhänge, die eine Kommunikationsgemeinschaft im gesellschaftlich-historischen Prozess als geistige Ordnungsgrößen konstituiert, vor deren Hintergrund einzelne Äusserungen und Texte produziert und rezipiert werden oder, um eine modische Formulierung zu benutzen, in die sie sich einschreiben» [8. С.254]. Несмотря на то что невозможно установить всё количество текстов, принадлежащих тому или иному дискурсу, рекомендуется тем не менее исследовать «ядро» каждого дискурса [9. С.120].

Текст изучается с разных позиций и для различных целей: в рамках коммуникативной теории текста [1; 18], с позиций стилистики [2; 3.]. И в теории и практике перевода находят применение результаты лингвистического, стилистического и коммуникативного анализа текста [11; 13; 24; 25; 30]. Методика исследований текста имеет много общего. Текст, например, рассматривается как часть чего-либо более широкого (дискурс, коммуникация) и, далее, изучается его внутреннее устройство (внутритекстовые связи, Textualität). В конечном итоге анализ текста нацелен на установление его языковых особенностей. Например, в работе К.Бринкера рекомендуется для определения функции текста проанализировать языковые, неязыковые и контекстуальные индикаторы. То же самое мы видим при описании тематики текста через языковые средства (die Bedeutungsanalyse tragender Lexeme) и т.п. [1. С.15]. Г.

Михель в работе „Stilistische Textanalyse,, предлагает в рамках своей модели анализировать следующие аспекты текста: Text-Textsorte- Kontext; Semantik des Textes und einzelne Textelemente; grammatische Struktur des Textes; Handlungstyp-Textfunktion; stilistische Informationen-konnotative Potenz-Sinngebung. Чтобы вскрыть семантическую структуру текста, автор предлагает ответить на следующие вопросы: Welche Elemente des Wortschatzes sind in der bzw. durch die Textstruktur besonders fokussiert? Wieweit lassen sich auf der lexikalisch-semantischen Basis stilistisch relevante Isotopien im Text nachweisen? Грамматическую структуру текста предлагается изучить, ответив на вопросы: Welche Dominanzen sind für den Text hinsichtlich des Satzbaus kennzeichnend? An welchen Stellen des Textes treten grammatisch fokussierte Elemente auf und wie korrespondieren sie mit lexikalisch-semantischen Stilelementen und mit speziellen Stilfiguren? [2. С.188-189]. В практической части «Предпереводческого анализа текста» М.П.Брандес и В.И.Провоторова задания формулируются авторами так: «Определите в каждой заметке языковые средства создания краткости (собираательные существительные, номинативность, ёмкие словосочетания, сложные предложения, семантика глаголов» [13. С.134] или «Приведите иллюстрации синтаксиса текста книжно-письменного характера, Определите характер существительных, средства сцепления абзацев. Назовите структуры словосочетаний (определятельные, обстоятельственные, объектные и др.), усложняющие синтаксис» [13. С.172]. В работе Р.Штольце теоретические проблемы специального перевода рассматриваются в целях практики перевода. Особое внимание уделяется языковой стороне того или иного специального языка (техники, информатики, права, экономики, религии). В качестве примера приводятся наиболее частотно употребляемые языковые формы: «Die wichtigsten, weil häufigsten Sprachformen für das „ Anweisen“ und „Verbieten“, die damit auch Übersetzungsalternativen darstellen, sind im Deutschen der imperativische Infinitiv oder die Infinitivellipse mit 59,9% (Schlüssel abziehen) und der direkte Imperativ mit 10,74% (Deponieren Sie keine schweren Gegenstände auf der Hutablage). Beim Infinitiv wird die Aufmerksamkeit des Lesers ganz auf die Aktion gelenkt. Im Englischen dominiert dagegen mit 79,30% ganz überwiegend der direkte Imperativ (Push the red button)“ [14. С.99]. Лингвистическим проблемам перевода посвящена работа Н.-Ю.Дилера и И.Корнелиуса „Linguistische Probleme der Übersetzung“, где даются практические советы начинающим переводчикам. Авторы указывают на важность языковой стороны того или иного переводческого феномена. В практической части этого издания можно встретить следующим образом сформулированные задания: «Bekanntlich neigt das Deutsche zur Verwendung von sog. Modaladverbien und Modalpartikeln (z.B.: vielleicht, bestimmt, zum Glück; ja, doch, nämlich). Versuchen Sie, diese Liste zu

erweitern, bilden Sie Sätze mit solchen Wörtern und übersetzen Sie diese Sätze in ein möglichst idiomatisches English“ [26. С.91].

О важности изучения количественных соотношений языковых единиц и категорий говорил в своё время известный советский лингвист Б.Н.Головин: «1. Стили языка и речи характеризуются (на количественном уровне их анализа) не только вероятностями и частотами языковых единиц и категорий, но и соотношениями этих вероятностей и частот. ... это статистическое неравенство соотношений отразится на качественной стороне стилей» [27. С.15]. Приведённые мнения свидетельствуют о важности изучения вероятностно-статистических особенностей отдельных типов текста в языках.

В нашем случае мы проанализировали небольшие газетные сообщения, печатавшиеся в *Süddeutsche Zeitung* за 2005 г. и позднее собранные и изданные отдельным томом „Aktuelles Lexikon 2005. Die wichtigsten Begriffe des Jahres erklärt von der Süddeutschen Zeitung“ [28]. Данные тексты относятся к аналитическому типу текста, для которых «характерно сочетание базовой информационной функции с функцией объяснения, толкования» [3. С.203]. Аналитический тип текста включает информационно-аналитический подтип, который «сочетает в себе черты официально-информационного и информационно-делового с чертами научного стиля, адресован читателю-неспециалисту, который осмысливает закономерности современной общественной жизни в её специальных областях. Реализуется этот подтип в речевых жанрах «статья», «заметка», «рецензия». Ему свойственны аналитическая переориентация фактологического и конкретизация обобщённого материала в плане «сегодняшнего дня» [3. С.203]. Назначение этих текстов заключается в том, чтобы путём информирования реципиента расширить его знания относительно того или иного объекта действительности, поэтому основная функция этих текстов – познавательная. Но предметно-логически и лингвостилистически делается это так чётко, что этот тип текста напоминает определение (дефиницию) понятия, экспликация которого позволяет получить однозначный ответ на вопросы: Что представляет собой денотат? Каково содержание этого понятия? Каким значением обладает это слово, словосочетание, термин? «... Определение –это такая логическая операция, посредством которой 1) раскрывается содержание некоторого понятия, 2) описывается значение некоторого слова или словосочетания (термина), 3) некий объект характеризуется таким способом, который позволяет отличить его от других объектов» [29. С.154]. Научное определение, например, отличается сложностью смысловых связей, нагруженностью терминологической лексикой, т.к. оно предназначено для специалистов. Тексты же „Aktuelles Lexikon“, а предназначены для широкого круга читателей. Для того чтобы эти определения стали понятными для этих получателей, дефиниенс

(определяющее) должен состоять из смысловых и лексических единиц, входящих в индивидуальный (коллективный) тезаурус адресата. Т.е. необходимо учитывать знания и лексикон потенциального читателя. Коммуникативная функция данного типа текста, которого мы условно назовём газетно-публицистическим определением (ГПО), заключается в том, чтобы растолковать читателю появившееся в средствах массовой информации понятие. Это достигается путём введения в дефиниенс слов-понятий, не входящих в научно-теоретическое определение. В качестве примера исследуемых текстов приведём ГПО от 06.09.2005г. Altersteilzeit: (1)Volkswagen will in Detschland mehrere tausend Stellen abbauen. Dabei spricht der Vorstand, betriebsbedingte Kündigungen zu vermeiden – unter andrem mit Hilfe von Altersteilzeit. Sie ist bei VW in einem Tarifvertrag mi der IG Metall geregelt. (2)Die im September 2005 noch für die Jahrgänge bis 1950 geltende Regelung soll auf das Geburtsjahr 1951, möglicherweise auch 1952, ausgedehnt werden. Altersteilzeit soll Arbeitnhemern den gleitenden Übergang in den Ruhestand ermöglichen. Dabei gibt die Bundesagentur für Arbeit Zuschüsse für ältere Arbeitnehmer, die weniger arbeiten, und dadurch die Einstellung sonst arbeitsloser Arbeitnehmer ermöglichen. Die Eeinzelnheiten regelt das Altersteilzeitgesetz von 1996 in der Fassung vom 1. Januar 2004. Altersteilzeit ist eine besondere Form des Vorruhestandes. Die Logik des Modells läuft darauf hinaus, ältere Arbeitnehmer mit Hilfe der Sozialkassen vorzeitig in Rente zu schicken und so den Arbeitsmarkt für junge Leute zu entlasten. Letztlich ist es eine Art Arbeitszeitverkürzung. (3) Ökonomen lehnen diese Modelle mehrheitlich ab. Aus der Sicht eines Arbeitnehmers oder eines Unternehmens wie Volkswagen mögen sie sinnvoll sein, aus volkswirtschaftlicher Sicht schaden sie nur: Sie treiben die Kosten der Solidargemeinschaft und damit die Sozialbeiträge in die Höhe, wodurch sich das Problem der Arbeitslosigkeit insgesamt verschärft. Определяющее понятия Altersteilzeit состоит из следующих слов-понятий этой дефиниционной микросистемы: Volkswagen, Stellen, Vorstand, Kündigungen, Tarifvertrag, regelung, Zuschüsse, einzelheiten, Vorruhestand, Logik des Modells, Sozialkassen, Rente, Arbeitsmarkt, Arbeitszeitverkürzung, Ökonomen, Kosten der Solidargemeinschaft, Sozialbeiträge, Arbeitslosigkeit. Слова-понятия Volkswagen, Vorstand, Kündigungen, Tarifvertrag, Einzelheiten, Logik des Modells, Ökonomen и другие с большой долей уверенности можно считать лишними в составе научно-теоретического определения. Но в составе газетно-публицистического определения они уместны, т.к. функция текста здесь не только денотативно-выделительная, а объяснительная. Логико-семантические связи между словами-понятиями в ГПО менее тесные, чем в научно-теоретическом определении, хотя и в первом случае и во втором кореферентны.

Все типы текста характеризуются т.н. тематическим развёртыванием [1. С.65-82]. Газетно-публицистическая дефиниция слова характеризуется

наличием дескриптивного, нарративного, экспликативного и аргументативного типов тематического развёртывания.

Содержательно текст можно разделить на три части. Первая часть (1) характеризуется нарративным типом тематического развёртывания. Вторая часть (2) имеет дескриптивный тип тематического развёртывания, что характерно для словарных дефиниций. В третьей части присутствует аргументативный тип с тезисом и аргументами. Интересно, что первая и третья части этого текста дополняют понятие *Altersteilzeit*, расширяют знания читателя и по отношению ко второй части текста представляют собой экспликативный тип тематического развёртывания.

Какими же языковыми средствами реализуется информационно-познавательная функция данного типа текста? Анализ временных форм показал, что в текстах данного типа доминируют презентные формы, редко встречается плюсквамперфект (в экспликативных частях текстов при расширении знаний из истории) и футурум. Имперфектные формы по частотности стоят на втором месте, а перфектные формы – на третьем месте. Пассивные формы в значительной степени уступают активным формам. Синтаксис предложений отличается простотой и наглядностью, хотя встречаются сложноподчинённые предложения разных типов. В текстах типа ГПО отсутствует эмоционально-экспрессивная лексика, средства образности. Отдельные тексты насыщены терминами, но известны среднестатистическому читателю. Тексты данного типа отличаются точностью, ёмкостью, информационной насыщенностью и одновременно лёгкостью восприятия. Это обеспечивает их логико-семантическая структура и языковое оформление, которые количественно и качественно разнятся от языка к языку. В целях соблюдения речевой нормы (узус) при переводе текста ИЯ на ПЯ эти параметры необходимо учитывать.

Библиографический список

1. Brinker, K. Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – 5., durchges. und erg. / K.Brinker. – Aufl.-Berlin: Erich Schmidt, 2001.
2. Michel G. Stilistische Textanalyse: eine Einführung. Hrsg. von Karl-Heinz Suhr und Christine Keßler / G.Michel. – Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Oxford; Wien; Lang, 2001.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / М.П.Брандес. – М.: Прогресс – Традиция; ИНФРА – М., 2004.
4. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А.Залевская. – Тверь. 2001.
5. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр.- Вып.3/ Отв.ред. А.Г.Пастухов. – Орёл: ОГИИК, 2006.

6. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр.- Вып.4/ Отв.ред. А.Г.Пастухов. – Орёл: ОГИИК, 2006.
7. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Выпуск 1: Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007.
8. Adamzik K. Sprache: Wege zum Verstehen. 2. Auflage. A- Francke Verlag Tübingen und Basel, 2004.
9. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion – Text – Diskurs. / M.Heinemann, W.Heinemann. – Tübingen: Niemeyer, 2002.
- 10.Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., стер. / И.С.Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2006.
11. Albrecht J. Grundlagen der Übersetzungsforschung. Übersetzung und Linguistik / J.Albrecht. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 2005.
- 12.Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. -2. Aufl. / K. Reiß. – Tübingen: Niemeyer, 1991.
- 13.Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. / М.П.Брандес, В.И.Провоторов. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2003.
- 14.Stolze R. Die Fachübersetzung: eine Einführung / R.Stolze. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 1999.
- 15.Isenberg H. Überlegungen zur Text-Theorie / ASG – Bericht 2 / H.Isenberg. – Berlin, 1968.
- 16.Danes F. Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats // Danes F., Viehweger D. (eds.): Probleme der Textgrammatik. 29-41. Berlin, 1976.
- 17.Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с французского Л Зиминой / А.-Ж.Греймас. – М.: Академический проект, 2004.
- 18.Каменская О.А. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.А.Каменская. – М.: Высш. шк., 1990.
- 19.van Dijk T.A. Textwissenschaft. Eine interdisziplinäre Einführung / T.A. van Dijk. – München,1980.
- 20.Motsch W. Anforderungen an eine handlungsorientierte Textanalyse / W.Motsch // Zeitschrift für Germanistik 3, 1986. S. 261 - 282.
- 21.Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik / W.Heinemann, D.Viehwerer. – Eine Einführung. Tübingen, 1991.

22. de Beaugrande R.-A., Dressler W.U. Einführung in Textlinguistik / R.-A. de Beaugrande, W.U.Dressler. – Tübingen, 1981.
23. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия», 1990.
24. Семко С.А. Лекции по теории перевода / С.А.Семко. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005.
25. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. Учебное пособие. – 2 – е изд. , перераб. / В.С.Виноградов. – М.: КДУ, 2004.
26. Diller H. – J.: Linguistische Probleme der Übersetzung / Hans-Jürgen Diller; Joachim Kornelius. – Tübingen: Niemeyer, 1978.
27. Головин Б.Н. Количественные соотношения языковых единиц и категорий как характеристики стилей языка и стилей речи / Б.Н.Головин // Статистическое изучение стилей языка и стилей речи: Тезисы докладов и сообщений к республиканской научной конференции. Горький, 24-26 ноября 1970 г. Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Горький, 1970,
28. Aktuelles Lexikon 2005. Die wichtigsten Begriffe des Jahres erklärt von der Süddeutschen Zeitung. Süddeutsche Zeitung Edition. 2006.
29. Свинцов В.И. Логика: Учеб. для вузов / В.И.Свинцов. – М.: Высшая школа, 1987.

Сведения об авторе

Завьялов Александр Алексеевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
немецкого языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
Тел.: (831) 436-38-09

СМЕХ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

(по произведениям М. Пруста)

Н.Н. Кириллова

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И.Герцена*

Смех в романах Пруста символизирует не только реакцию от восприятия любой сенсорной или интеллектуальной информации, но и представлен как характерный аспект коммуникативного поведения многих персонажей, который превращается в коммуникативную стратегию.

Ключевые слова: смех, улыбка, коммуникативная стратегия.

Laughter as Communicative Behavior in M.Proust's Novels Nina Kirillova

Laughter in Proust's novels represents not only the reaction of perception of any sensorial or intellectual information, but is pictured as a typical aspect of the communicative behavior of many characters which turns into a communicative strategy.
Key words: laughter, smile, communicative strategy.

Смех, по данным толковых словарей, определяется как «проявление веселого настроения человека в форме прерывистых горловых звуков, которые издает человек в состоянии веселья, радости, удовольствия и т.п.» [1. С.1239]. Его референтной сущностью являются определенные реакции человека при восприятии любой сенсорной (слуховой, зрительной, вкусовой, обонятельной, тактильной) или интеллектуальной информации. Данные реакции возникают в том или ином коммуникативном пространстве, и по этой причине являются не самостоятельными, а частью коммуникативного поведения. Коммуникативное поведение является едва ли не фундаментальным фактором психологической и социальной характеристики персонажей, участвующих в речевом общении.

Трилогия «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, чье творчество, по свидетельству литературоведов, пронизано тонким

психологизмом и автобиографическими подробностями, предоставляет богатый материал для исследования человеческих взаимоотношений в динамике жизненных ситуаций, значительную часть которых составляют ситуации смеховой культуры. Известно, с каким мастерством Пруст изображает человеческие типы, характеры и социальную среду, которая его окружала. Пруст создал галерею персонажей различных типов из аристократического круга, выходцем из которого был он сам. Это и обусловило коммуникативное пространство его героев. Они не совершают ничего сверх обычного, они прогуливаются, беседуют, отдыхают на курорте, находятся в обычном домашнем, семейном кругу. Их жизнь проходит в разговорах, беседах, размышлениях, рассуждениях, реакция на которые зачастую включает смех. Смех, таким образом, является не просто реакцией, но типичным для многих «обитателей» этого пространства аспектом их коммуникативного поведения, перерастающего в коммуникативную стратегию. Например, доктор Коттар, рассуждая о том, какой улыбкой отреагировать на слова своего собеседника в зависимости от его настроения – веселого или серьезного, останавливает свой выбор на улыбке «условной и временной» - именно она не позволит упрекнуть его в наивности, если разговор примет шутливый оборот (Le docteur Cottard ne savait jamais d'une façon certaine de quel ton il devait répondre à quelqu'un, si son interlocuteur voulait rire ou était sérieux. Et à tout hasard il ajoutait à toutes ses expressions de physionomie l'offre d'un sourire conditionnel et provisoire dont la finesse expectante le disculperait du reproche de naïveté, si le propos qu'on lui avait tenu se trouvait avoir été facétieux). Не случайно, что лексемы *rire* «смеяться» и *sourire* «улыбаться» могут претендовать на лидерство по частотности употребления. Только в первом томе первых насчитывается около 60, а вторых – более 100.

Улыбка – это смягченная форма смеха. Она менее интенсивна, чем смех, но более осмысленна, поэтому оставляет большее место для интеллектуальной, а не рефлекторной основы. Как отмечает А.Г.Козинцев, «улыбка лучше подчиняется волевому контролю, чем смех, и в этом отношении она ближе к символическим средствам общения – жестам и словам» [2. С.55]. В связи с этим употребление производного от *rire* глагола *sourire* при тех же общих значениях и функциях позволяет гораздо большее количество дополнительных оттенков, выраженных лексически с помощью разнообразных дополнений и эпитетов. Для сравнения приведем встречающиеся у Пруста выражения с глаголом *rire* и выражения с лексемой *sourire*. Выражения с лексемой *rire* можно классифицировать следующим образом: 1) представляющие *смех* как действие с подчеркиванием его фазы: *commencer à rire*, *se mettre à rire*, *éclater de rire*, *ne pas pouvoir s'empêcher de rire*; 2) представляющие *смех* как процесс с коннотацией его интенсивности: *ne pas s'interrompre de rire*, *rire*

longuement, rire trop/ trop fort, rire pour de bon, rire de toutes ses forces, rire aux éclats, rire aux larmes, rire en s'étouffant, mourir de rire, se tordre de rire; 3) определяющие смех как явление, смысловые коннотации которого создаются эпитетами: un petit rire, un fou rire, un rire vaniteux, charmant, niais, écumant et joyeux, satanique, incompréhensible, aigus et frais, vulgaire, bruyant, tempête de rires.

Улыбка передается движением губ и глаз. Во французском языке лексема *sourire* является производной от глагола *rire* (lat. *subridere*). В русском же языке глагольные лексемы *смеяться* и *улыбаться* не являются родственными, первая соотносится с общеславянским корнем, а вторая является собственно-русской [3. С.417,464]. Однако словообразовательная модель французского глагола аналогична другой русской лексеме *подсмеиваться* [префикс *sub/под* и корень *ridere/смеяться*], но значения их разные – *улыбаться* во французском и *незлобно смеяться, подшучивать* в русском. Словообразовательная парадигма русского корня *смех* насчитывает 60 лексических единиц [4. С.807-808], в которой и отражается широчайший смыслообразующий диапазон корня *смех*, например, *высмеять* 'выразить отрицательное отношение к кому-чему-л.', *засмеять* 'осыпать насмешками', *усмехаться* 'улыбаться, обычно со смехом, насмешкой, иронией', и т.д., в противоположность скудному корню *гi-*.

Во французском языке как языке иного, аналитического, типа смыслообразовательные ресурсы передаются, в основном, словосочетаниями *tourner en ridicule* 'высмеять, засмеять', или лексемами, сопровождающими глагол, *faire rire* 'смешить', *sourire malicieusement* 'усмехаться', либо другими корнями: *se moquer de qqn* 'насмехаться'. Последний, кстати, имеет всего лишь восемь употреблений в том же (первом) томе трилогии.

Лексема *sourire* 'улыбка' и ее производные, как было отмечено выше, весьма частотна. Ее смысловое содержание актуализируется также не самим глаголом (как в русском языке), а за его пределами – наречиями, эпитетами, дополнениями: *sourire amicalement, tristement, avec attendrissement, avec la lâcheté, de plaisir, d'un air ambidû, dévoiler dans un sourire une satisfaction de vanité ; un sourire beau, railleur, dissimulé, ironique, doucement ironique et déçu, un peu distrait, ineffable, oisif, tendre, obstiné et confus, malicieux, un sourire de plaisir, un sourire de surprise; un sourire attendri de satisfaction compétente et d'allusion au passé, un sourire conditionnel et provisoire, un sourire de finesse expectante, un sourire aigre, contraint, timide et froid, un sourire qui disait du bien, un sourire un peu timide de souveraine, un sourire prude et conciliant, un sourire surnois de félicitations, un sourire de joie, de pieuse reconnaissance envers Dieu. Улыбка как результат внутреннего усилия передается с помощью таких глаголов, как *se permettre un sourire, se former un sourire, esquisser le sourire, embellir le sourire, ne pas cesser de sourire.**

Языковые средства, с помощью которых описаны различные ситуации смеха в указанном романе, занимают такое важное место, что можно составить «прустовскую» типологию смеховой культуры, а вместе с этим попытаться установить связь социолингвистическую и лингвокультурологическую между портретом персонажа и способом передачи его смеха (что мы, к сожалению, по причине ограниченности объема статьи вынуждены сделать пунктирно).

Наблюдения за наиболее типичными ситуациями смеха в романе М.Пруста, позволили составить следующую типологию смеха и соответствующих ей ситуаций, описанных в произведении: 1) социальный смех, 2) детский, 3) женский, 4) защитный, 5) насмешка.

1) Социальный смех проявляется под воздействием всеобщего возбуждения и веселья в компании званых вечеров в доме зажиточных буржуа Вердюренов, где госпожа Вердюрен регулярно собирает своих верных друзей – «свой маленький клан», к которому относятся доктор Коттар, пианист Саньет, молодой художник, и в том числе сам Сван, один из главных героев первого тома. Главная особенность этого смеха – это его наигранность, зачастую беспричинность, но при этом крайняя интенсивность. Этот смех, как и все поведение данных персонажей, в большинстве случаев представляет собой игру на публику.

Во время этих вечеров гости ведут беседы весьма неглубокого содержания, шутят по любому поводу, всеми силами стараясь не походить на «скучных людей». При этом каждая их шутка сопровождается бурным смехом, который можно характеризовать как показной, наигранный и поэтому чересчур интенсивный. Пруст описывает чисто психологическую нервную реакцию собравшихся вместе людей, поддавшихся всеобщему возбуждению и подзадоривающих друг друга, которая далека от осмысленного смеха над остроумной шуткой или тонким юмором. Сама комичность ситуации, когда госпожа Вердюрен вывихивает челюсть от неумеренного смеха, говорит о его неестественности, о том, что на смех затрачивается слишком много сил. При этом причиной смеха выступает «une grosse faribole» – какая-нибудь пикантная штучка, отпущенная одним из собеседников.

При описании смеха автор употребляет такие выражения, как «смех до слез» и «смех до обморока», но речь идет не о самом смехе, а о действиях, к которым прибегает госпожа Вердюрен, чтобы изобразить подобный смех и заставить окружающих в него поверить. Смысл веселья супругов Вердюренов сводится к тому, чтобы как можно эффектнее и правдоподобнее изобразить смех с помощью какого-то символического движения. Поэтому г-н Вердюрен давится дымом своей трубки, а госпожа Вердюрен прячет лицо в руках и пронзительно взвизгивает. При этом собеседники находятся в состоянии, которое автор называет «incessante et fictive hilarité» (бесконечное и фиктивное ликование). Смех превращается

для них в бессмысленное соревнование, кто кого пересмеет, где важен сам факт смеха, а не его причина, Например: «Si le pianiste ne jouait pas, on causait, et l'un des amis «lachait» comme disait M. Verdurin «une grosse faribole qui faisait esclaffer tout le monde», Mme Verdurin surtout, a qui le docteur Cottard dut un jour remettre sa machoire qu'elle avait décrochée *pour avoir trop ri*» [5. С.226].

Еще один повод для смеха в обществе Вердюренов – это ситуация, когда один собеседник перебивает другого и за него доканчивает начатую им фразу самым нелепым образом. Например, когда Вердюрен предлагает попросить пианиста Саньета сыграть что-нибудь для Свана, Сван отвечает: «Mais ce sera un bonheur»...commençait à répondre Swann quand le docteur l'interrompit d'un air moqueur ... le docteur supposait que la phrase commencée était ridicule et la terminait par le lieu commun: «Un bonheur pour la France!», s'écria-t-il malicieusement en levant les bras avec emphase. M. Verdurin *ne put s'empêcher de rire*» [5. С.245]. Здесь же можно привести эпизод, когда Сван высказывает свое мнение насчет выставки одного художника, которое также провоцирует взрыв хохота: «A ce point de vue-là c'était extraordinaire, mais cela ne semblait pas d'un art, comme on dit, très "élevé", dit Swann en souriant. - Elevé... à la hauteur d'une institution», interrompit Cottard en levant les bras avec une gravité simulée. Toute la table éclata de rire [5. С.303]. В обоих случаях доктор Коттар перебивает Свана, когда тот говорит о серьезных вещах, превращая начатые им фразы в бессмысленные, но на его взгляд, забавные высказывания, и таким образом высмеивает серьезность Свана к бурному восторгу окружающих. Пруст опять использует экспрессивные образные выражения «ne put s'empêcher de rire» и «éclater de rire». Зато с восторгом принимается мнение Саньета, который «вместо того, чтобы дать Свану интересный ответ, предпочел вызвать дешевый восторг у остальных сотрапезников»: «... il [le peintre] il se contenta de murmurer, et en riant, comme si en effet cette peinture eût été dérisoire à force de beauté ...» [5. С.304]. В данном примере и реплика, и смех персонажа представляют собой игру на публику – художник явно претендует на особую оригинальность и эффектность, для него важнее не что он говорит, а как он говорит, поэтому он играет на интонации своего голоса, начинает смеяться якобы от восхищения, которое он испытывает.

Как видно из примеров, социально-этическая коннотация глагола *rire* в подобных ситуациях является явно негативной и заключается в том, что смех, будучи явлением социальным, и поэтому заразительным, снижает уровень общения между собеседниками (незаметно для них самих) до почти некультурного. Наделение персонажей подобным смехом помогает Прусту изобразить истинную сущность данного круга людей, их плоскость и пошлость вкусов, ограниченность суждений и самодовольство.

Этому смеху противопоставлен смех Свана, который находится среди тех же гостей, но в отличие от собравшихся не поддается всеобщему

настроению, не идентифицирует себя как одного из них. Например, когда г-н де Форшвиль заводит разговор о госпоже Ла Тремуи, на приемах у которой бывал Сван, он обращается к Свану довольно бестактно, хотя и по-дружески: «N'est-ce pas, Swann? je ne vous vois jamais. D'ailleurs, comment faire pour le voir? Cet animal-là est tout le temps fourré chez les La Trémoille, chez les Laumes, chez tout ça!.....«On me paierait bien cher que je ne laisserais pas entrer ça chez moi...» conclut Mme Verdurin, en regardant Swann d'un air impérieux» [5. С.310]. Госпожа Вердюрен ожидает, что в ответ на эти едкие замечания Сван каким-то образом возразит и проявит свое возмущение, высказав свое мнение об этой особе. Вместо этого Сван лишь смеется, но этот смех совсем другого рода: «Au lieu de cela, Swann se contenta de rire d'un air qui signifiait qu'il ne pouvait même pas prendre au sérieux une pareille extravagance» [5. С.310]. То есть, смех Свана – сдержанный и немного высокомерный (автор употребил выражение *se contenter de rire*) – напротив возвышает его над собеседниками, свидетельствует об умении владения собой, своими эмоциями, не поддаваться на провокации со стороны собеседника. Подобная позиция естественно вызывает недовольство окружающих, особенно госпожи Вердюрен. Поскольку ей нечего противопоставить Свану, то она предпочитает называть его смех «дурацким»: «Quand tous les invités furent partis, Mme Verdurin dit à son mari: “As-tu remarqué comme Swann a ri d'un rire niais quand nous avons parlé de Mme La Trémoille?”» [5. С.С.317].

Сван недвусмысленно выражает свое мнение о посетителях салона (*ces gens sont sublimes de bourgeoisisme*), об их «тошнотворных шутках» (*ces plaisanteries nauséabondes, quelle gaieté fétide!*), и тем не менее смеется над ними, потому что видел, как над ними смеется его возлюбленная Одетта (слышит ее смех внутри себя (*il voyait Odette en rire, en rire avec lui, presque en lui*), то есть ее смех подсознательно передается и ему.

2) Детский смех, возникающий в ситуациях игры, подшучивания среди детей и подростков. По сути, это тоже социальный смех, но в отличие от социального смеха среди взрослых, такой смех абсолютно искренен и неподделен, хотя так же интенсивен. Носителями такого смеха в романе выступают молодые люди: сам рассказчик, его возлюбленная Жильберта, его подруги в Бальбеке Альбертина и Андре.

Главными признаками детского смеха являются его непосредственность, естественность, отсутствие каких-либо специальных целей, причин для смеха (*un fou rire, un rire ... intermittent et presque automatique de l'enfance, détente spasmodique, riant de toutes ses forces*). Прекрасно определил детский смех сам Пруст в эпизоде, когда рассказчик вспоминает девочек, прогуливающихся по дамбе в Бальбеке: «Alors, ces enfants trop jeunes étaient encore à ce degré élémentaire de formation ou la personnalité n'a pas mis son sceau sur chaque visage... *un fou rire*, qui semblait la seule manifestaion de leur vie personnelle, les agitait toutes à la fois,... Depuis

ces jours ... elles se laissaient encore aller à un rire ... intermittent et presque automatique de l'enfance, détente spasmodique qui autrefois faisait à tout moment faire un plongeon à ces têtes» [6. С.516].

3) Женский смех, или смех ликования. Причиной данного смеха является осознание женщиной своей власти, привлекательности, превосходства над другими. Сюда можно отнести смех Одетты де Креси, принцессы де Лом, иногда смех Жильберты. В этих ситуациях смех зачастую является не только ситуативной реакцией, но и постоянной характеристикой персонажа, особым свойством, присущим ему и раскрывающим его внутреннюю сущность. Смех ликования в романе Пруста в большей мере присущ женским персонажам. Это особый тип смеха, который не только играет роль ситуативной реакции, но и характеризует героиню, раскрывает ее внутреннее состояние. Данный смех может выражать чувство собственного достоинства, осознания своей привлекательности, власти, своего остроумия, превосходства над другими персонажами, одним словом, передает женское ликование. В томе «В сторону Свана» этот тип смеха впервые встречается у Одетты де Креси, возлюбленной Свана, с которой он познакомился во время званых вечеров у Вердюренов. Одетта – на вид довольно заурядная женщина, которая тем не менее смогла пробудить в Сване страсть незаметно для него самого. Поэтому во время их встреч Одетта смеется кокетливым, самодовольным смехом (*avec le petit rire vaniteux*), он вызван конкретной психологической причиной: осознанием своей способности доставлять радость своему возлюбленному: угадывать его настроение, готовить его любимый кофе.

Еще одна героиня, для которой характерен этот вид смеха – это принцесса де Лом. Во время приема в особняке г-жи де Сент-Эверт. Как бы в подтверждение превосходства ее ранга смех характерный для принцессы то и дело раздается, привлекая внимание гостей (*éclatait d'un rire qui lui était particulier, un rire destiné à se faire paraître plus jolie*). В ответ на комплименты она также отвечает смехом (*elle se mit à rire aux éclats*).

Смех принцессы можно охарактеризовать как гордый, торжествующий – определения, соответствующие и внутреннему состоянию принцессы. В.Я.Пропп характеризует подобный смех как жизнерадостный, жизнеутверждающий: «Таким смехом смеются люди от рождения веселые и жизнерадостные, расположенные к юмору. Такой смех вытесняет всяческие отрицательные переживания, делает их невозможными. Он тушит гнев, досаду, побеждает хмурость, поднимает жизненные силы, желание жить и принимать в жизни участие». Кант назвал этот смех «игрой жизненных сил» [7. С.134]. Неслучайно Пруст наделил этим смехом самых жизнеутверждающих и сильных женских персонажей.

4) Защитный смех в ситуациях неловкости, стеснения, конфуза, допущения ошибки, где смех выступает как защитная реакция и имеет целью скрыть истинные чувства. Эти ситуации совсем немногочисленны и также не закреплены за конкретным персонажем. Главная функция смеха как защитной реакции – скрыть истинные переживания, чувства и мысли того, кто смеется. Чаще всего возникает необходимость скрыть от собеседника смущение, стеснение, ощущение неловкости. Некоторые из персонажей в романе справляются с этим весьма успешно. Например, в ситуации, когда госпожа де Вильпаризи, представляя барона де Шарлю (дядю Сен-Лу) рассказчику, оговаривается и называет его бароном Германтским: «Comment allez-vous? Je vous présente mon neveu, le baron de Guermantes», me dit Mme de Villeparisis... «Mon Dieu, est-ce que je perds la tête, dit celle-ci *en riant*, voilà que je t'appelle le baron de Guermantes. Je vous présente le baron de Charlus. Après tout, l'erreur n'est pas si grande», ajouta-t-elle, tu es bien un Guermantes tout de même» [6. С.344]. Как видим, госпожа де Вильпаризи совсем не кажется смущенной, напротив, смех над собственной ошибкой выглядит как знак уверенности в себе.

В другой ситуации старый знакомый рассказчика по имени Блок в разговоре с Сен-Лу допускает довольно неприятную оплошность по поводу его дяди: «A propos, demanda-t-il [Bloch] à Saint-Loup, quand nous fûmes dehors (et je tremblai car je compris bien vite que c'était de M. de Charlus que Bloch parlait sur ce ton ironique), qui était cet excellent fantoche en costume sombre que je vous ai vu promener avant-hier matin sur la plage?» «C'est mon oncle», répondit Saint-Loup piqué. Malheureusement, «une gaffe» était bien loin de paraître à Bloch une chose à éviter. *Il se tordit de rire*: «Tous mes compliments, j'aurais dû le deviner, il a un excellent chic, et une impayable bobine de gaga de la plus haute lignée» [6. С.368]. В подобной ситуации человек менее самоуверенный наверняка бы смутился, но у Блока смущение заменяется крайне резким, грубым смехом (автор употребил выражение «se tordre de rire»), которым он хочет показать, что его не смутить ничем. Итак, защитный смех может выступать как знак самоуверенности.

Наконец, у Пруста есть описание истерического смеха, который, напомним, представляет собой разновидность защитной реакции на стресс или на очень негативные, болезненные переживания. В такой ситуации оказывается Сван, когда его любовь и ревность к Одетте доходят до крайности. Пруст очень точно описывает ход размышлений Свана, постепенное нарастание напряжения, которое затем выливается в смех: ... il cessait de songer à Odette ; même il arrivait, tout en se déshabillant, à rouler en lui des pensées assez joyeuses; c'est le coeur plein de l'espoir d'aller le lendemain voir quelque chef-d'oeuvre qu'il se mettait au lit et éteignait sa lumière ; mais, dès que, pour se préparer à dormir, il cessait d'exercer sur lui-même une contrainte dont il n'avait même pas conscience tant elle était devenue

habituelle, au même instant un frisson glacé refluit en lui et il se mettait à sangloter. Il ne voulait même pas savoir pourquoi, s'essuyait les yeux, se disait en riant : “C'est charmant, je deviens névropathe” [5. С.379]. Глагол *rire* соседствует здесь с глаголом *sangloter*, рыдания персонажа сменяются смехом и ироничной фразой, адресованной самому себе. Смех и самоирония – это вынужденная защитная реакция во избежание еще дальнейшей боли, это необходимый переключатель с трагического восприятия реальности на ироничное, менее болезненное.

5) Насмешливый смех и ситуации высмеивания или насмешки над поступком, репликой или персонажем. Здесь встречается и язвительное, злорадное высмеивание, и добродушная насмешка. В подобные ситуации попадают самые разные персонажи.

В.Я.Пропп своей работе «Проблемы комизма и смеха» выделяет один вид смеха, который, по его мнению, являет собой «наиболее распространенный и часто встречающийся вид смеха как в жизни, так и в искусстве» [7. С.125]. Это насмешка. Автор рассматривает этот вид смеха подробнее всех других видов, приводя в качестве возможных причин для насмешки обнаружение комизма в физическом существе человека, в его умственной и моральной жизни. Однако, помимо этого, насмешка, как и смех в общем, может подразделяться на добрую, злую или ироничную. Именно такие виды насмешки встречаются у Пруста.

Согласно Проппу, в основе любой насмешки лежит обнаружение каких-либо недостатков. Однако, «может оказаться, что они вызывают у нас не смех, а улыбку. Такой недостаток может оказаться свойственным человеку, которого мы очень любим и ценим, к которому мы испытываем симпатию. На общем фоне положительной оценки и одобрения маленький недостаток не только не вызывает осуждения, но может еще усилить наше чувство любви и симпатии. Таким людям мы охотно прощаем их недостатки. Такова психологическая основа доброго смеха» [7. С.126]. Пример такой насмешки находим у отца главного героя во время семейной прогулки по окрестностям их дома в Комбрэ. *Tout d'un coup mon père nous arrêta et demandait à ma mère: “Où sommes-nous ?” Épuisée par la marche, mais fière de lui, elle lui avouait tendrement qu'elle n'en savait absolument rien. Il haussait les épaules et riait. Alors, comme s'il l'avait sortie de la poche de son veston avec sa clef, il nous montrait debout devant nous la petite porte de derrière de notre jardin qui était venue avec le coin de la rue du Saint-Esprit nous attendre au bout de ces chemins inconnus. Ma mère lui disait avec admiration: “Tu es extraordinaire!”* [5. С.139]. В данном примере отец смеется над матерью из-за того, что она совсем не ориентируется в окрестностях собственного дома; или в случае, когда бабушка смеется над упреком, словно она может не узнать любимого внука по стуку в дверь, который ей прекрасно знаком. (*elle riait: «Confondre les coups de mon pauvre loup avec d'autres»*). Коммуникативное пространство, в котором

употреблена фраза «Mais maman *riaît de ses craintes*» (Мама *посмеивалась над* ее опасениями (бабушки)) позволяет предположить незначительность этих опасений - что их знакомый Легранден проявит желание познакомить бабушку со своей сестрой. Переводчиком (Н.М.Любимов) выбран глагол не *смеяться*, а *посмеиваться*, в котором приставка *по-* снижает интенсивность действия, и тем самым передает безобидный, доброжелательный характер данной насмешки.

Ироничная насмешка отличается более резким характером, отсутствием добродушия, нежности, но более сильным желанием высмеять тот или иной объект, тот или иной недостаток. Так, принцесса де Лом высмеивает в разговоре со Сваном неблагозвучную фамилию госпожи Камбремер. Подобным смехом смеется и госпожа Бонтан, высмеивая госпожу Коттар в гостях у г-жи Сван: «Oh! C'est une passion de tout repos chez un mari!» s'écriait Mme Bontemps, *en etouffant un rire satanique*» [6. С.190]. Изначальное отношение г-жи Бонтан к собеседнице автор описывает как «недоброжелательство, веселость, любопытство», поэтому когда она, наконец, находит повод для смеха, а именно страсть мужа госпожи Коттар к чтению, то раздражается «демоническим смехом». Неслучайно злую насмешку В.Я.Пропп охарактеризовал, как «данное нам природой наказание за какую-то присущую человеку скрытую, но вдруг обнаруживающуюся неполноценность» [7. С.29].

Библиографический список

1. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В.Дмитриева. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство Аст», 2003.
2. Козинцев А.Г. Смех: истоки и функции / А.Г.Козинцев. – СПб., 2002.
3. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М.Шанский, В.И.Зимин, А.В.Филиппов. – М.: Рус. яз., 1987.
4. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования / И.А.Ширшов. – М.: ООО «Издательство «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», 2004.
5. Proust M. Du côté de chez Swann / M.Proust. – Editions Gallimard. 1954.
6. Proust M. A l'ombre des jeunes filles en fleur / M.Proust. – Editions Gallimard. 1954.
7. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха / В.Я.Пропп. – М., 1976.

Сведения об авторе

Кириллова Нина Николаевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры французского языка
РГПУ им. А.И.Герцена
e-mail: nkirillova@mail.ru

**ПРОЯВЛЕНИЯ «ОБРАТНОЙ» ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ
БИЛИНГВА
(на материале русского и английского языков)**

С.Е. Кузьмина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова*

В статье говорится о феномене влияния иностранного языка на родной язык билингов. Проявления влияния иностранного языка, рассматриваемые как вид языковой интерференции и определяемые как «обратная интерференция», классифицируются в соответствии с определенным языковым уровнем.

Ключевые слова: билинголизм, языковая интерференция, обратная языковая интерференция.

**Manifestations of Reverse Language Interference
(featuring examples from the Russian and the English languages)
Svetlana Kuzmina**

The article deals with the phenomenon of foreign language influence on the native speech of bilinguals. Manifestations of foreign language influence viewed as a type of language interference and termed “reverse interference” are classified according to the language level involved.

Key words: bilingualism, language interference, reverse language interference.

Вопросы межъязыковой интерференции в настоящее время рассматриваются многими исследователями. Особенно интенсивно изучается интерференция родного языка в речи билингов на иностранном языке: исследование этого вида интерференции позволяет решить многие практические задачи в лингводидактике, теории межкультурной коммуникации и перевода. Под интерференцией при этом, как правило, понимается такое воздействие родного языка на речь билинга на иностранном языке, которое вызывает в ней отклонения от нормы.

Не менее интересно было бы проанализировать обратный процесс, то есть интерферирующее воздействие иностранного языка на речевую деятельность билингов на родном языке.

Следует оговориться, что не все исследователи считают влияние иностранного языка на речь билингов на родном языке разновидностью интерференции. Иногда для обозначения этого явления вводится термин «интеркаляция» [1]. В качестве одного из основных различий интерференции и интеркаляции, помимо направления языкового влияния (от родного языка на иностранный в случае интерференции и от иностранного на родной в случае интеркаляции), указывается обычно неконтролируемость интерференции сознанием билинга при контролируемости механизма интеркаляции. Однако наблюдения показывают, что влияние иностранного языка на речевую деятельности билинга может иметь место и помимо воли билинга, происходить неосознанно.

Неконтролируемое же влияние родного языка на речевую деятельность на иностранном языке и неконтролируемое влияние иностранного языка на речь билинга на родном языке, представляется, сходны по своей сути и поэтому могут трактоваться как разнонаправленные процессы в рамках одного явления – явления межъязыковой интерференции. Необходимым условием и для того и для другого является наличие языкового контакта, ситуации взаимодействия языков; предпосылкой для проявления влияния служат типологические различия языков (при некотором их сходстве); причина же обоих явлений, представляется, кроется в психологическом механизме переноса навыка. Действительно, «обратная» интерференция, как правило, имеет место тогда, когда билингв хорошо владеет иностранным языком, часто и свободно его использует. Иными словами, когда у билинга сформированы навыки речевой деятельности на иностранном языке. Нет ничего удивительного в том, что при интенсивном, активном использовании иностранного языка происходит перенос навыков речи на этом языке в деятельность на родном языке. Как следствие, в родной речи билингов (например, эмигрантов, студентов языковых вузов, преподавателей иностранного языка, переводчиков и т.п.) проявляется влияние иностранного языка, выражающееся в тех или иных отклонениях от нормы в речи.

В настоящей статье рассматриваются некоторые проявления интерференции английского языка в речевой деятельности «искусственных» билингов – русскоязычных людей, тем или иным способом изучающих (изучивших) английский язык¹². Интерференция

¹² Особенности речи «естественных» билингов, в частности, эмигрантов подробно описываются в целом ряде лингвистических работ. См., например: Авина Н.Ю. Об особенностях русской речи в Литве / Н.Ю.Авина // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2000.

английского языка, как показывают наблюдения, проявляется на разных языковых уровнях.

Большое распространение в русскоязычной письменной речи получают графические интерферененты. В текст на русском языке очень часто «проникают» элементы латиницы, и нет сомнений в том, что явление это обусловлено влиянием английского языка, в том числе его американского варианта. Отдельные буквы в русских словах заменяются буквами латинского алфавита. Так, одно из московских издательств выпускает серию брошюр, называющуюся «Полный зачет»; название книги модной писательницы пишется на обложке как «Замуж за миллионера», книга знаменитого фигуриста озаглавлена НАПРОЛОМ; передача на одном из музыкальных каналов называется ПРОКИНО и т.д. В этих случаях речь идет об осознанной подмене букв, применяемой, по-видимому, с целью достижения определенного выразительного эффекта. С этой же целью в оформлении переводных изданий используется стилизация шрифтов, например стилизация кириллицы под арабскую вязь, современного русского шрифта под старославянский и т.п. Вряд ли здесь можно говорить о переносе навыка, имеет место сознательное заимствование. Явления сознательного привнесения особенностей иностранного языка в речь на родном языке, часто обусловленные причинами социального и индивидуально-психологического характера, обычно не относят к интерференции.

Собственно интерференция на уровне графики наблюдается в том случае, когда часто пользующийся английским языком билингв вместо букв русского алфавита «машинально» пишет соотносимые буквы латинского алфавита (например, при составлении списка в обозначениях его подпунктов вместо *a, б, в* пишет *a, b, c*), когда билингв читает русские слова так, как если бы они были написаны по-английски (например, русское слово *сор* читает как английское *сор* [кор] и т.п.). В последнем случае можно говорить о перцептивной межъязыковой графической интерференции.

– Том 59. – №3; Глемжене О.А. Интерференция английского языка в лексике литовцев США: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / О.А.Глемжене. – Киев, 1973; Гловинская М.Я. О некоторых уязвимых синтаксических конструкциях в языке русской эмиграции / М.Я.Гловинская // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А.Белошапковой. – М.: Индрик, 2001; Жданова В. Русский язык диаспоры: идентификационные стратегии иммигрантов-билингвов / В.Жданова // Русский язык за рубежом. – 2004. – №3.; Жлуктенко Ю.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя при взаимодействии языков (из наблюдений над языком украинской трудовой иммиграции в США и Канаде) / Ю.А.Жлуктенко // Вопросы теории английского и немецкого языков. – Киев, 1962; Калюга М.А., Райан Н.В. К вопросу об ошибках русскоязычных иммигрантов / М.А.Калюга, Н.В.Райан // Мир русского слова. – 2003. – №4.

Интерференция английского языка проявляется также и в орфографии. Случается, что написание слов, к которому привыкает билингв, интенсивно использующий иностранный язык, или которое он непосредственно наблюдает при переводе письменного текста, оказывает влияние на написание соответствующих слов родного языка. Так, под влиянием английской орфографии в текстах на русском языке появляются такие ненормативные написания, как **апелляция* (ср. англ. *appeal*), **каннонада* (ср. англ. *cannonade*), **бизнес-ланч* (последнее написание можно увидеть в рекламе ряда нижегородских кафе и ресторанов) и др.

По тем же причинам иногда пишется с заглавной буквы название месяцев и дней недели. Под влиянием английского языка в русском языке компоненты названий организаций также начинают писаться с большой буквы: *Центр Научных Исследований*, *Арзамасский Риэлторский Центр*, *Современный Гуманитарный Университет* и т.п. Ср. нормативные написания: *Российский государственный гуманитарный университет*, *Нижегородский областной клинический диагностический центр*.

Фонетическая «обратная» интерференция, как правило, выражается в переносе ударений в интернациональных терминах. Под влиянием английского произношения произносят *а́ностроф* вместо *апостро́ф* (ср. англ. *apóstrophe*), *сэ́нсорный* вместо *сенсо́рный* (ср. *sensory*) и т.п. Интонационная же интерференция все же чаще наблюдается у русских, долгое время проживших за рубежом, а не тех, кто изучает английский язык в искусственной среде.

Лексическая «обратная» интерференция приводит к возникновению ненормативных высказываний на родном языке, в которых обнаруживаются «чужеродные» лексические единицы.

Следует сказать, что в большинстве случаев употребление иноязычных слов в русской речи является намеренным и имеет своей целью достижение определенного выразительного эффекта. В случае намеренного введения в речь иноязычных слов, такие слова принято называть «цитатными» словами: *Утро вернется из памяти – только сплошное reality. Забыть его нету сил* («Братья Гримм». Песня «Reality»).

Однако появление в речи «чужеродных» слов может происходить и по-другому: билингв может испытывать некоторые затруднения, связанные с поиском адекватного выражаемой мысли слова на родном языке, когда в его сознании возникает «подходящее» слово на иностранном языке. Обычно это случается, если билингв часто пользуется иностранным языком, постоянно находится в иной языковой среде, например, проживая за рубежом. – *Это мистер Мэлвин Скотт, – шепотом пояснил Кузьма Кузьмич. – Говорящая фамилия – скотина-скотиной. Бывший аутло, грабитель с большой дороги. А потом получил пардон от губернатора и стал работать на эйдженси Пинкертона.* (Б. Акунин. *Долина мечты*). Однако и «искусственные» билингвы нередко

«бывают замечены» в ненамеренном употреблении иноязычных слов: *Вот это была интересная информейшн*. Часто английские слова в русской речи билингва являются материально избыточными элементами, наподобие *well* и, конечно, *окау*.

Иноязычные слова, вне зависимости от причин и условий их употребления билингвами, в большинстве случаев остаются в неизменном виде (не учитывая неизбежное изменение в артикуляции звуков), хотя и могут связываться со словами окружающего контекста по образцу того или иного из взаимодействующих языков. Так, в примере со словом *reality* английское слово включается в русскую модель словосочетания и получает согласование с определяющим прилагательным в роде и числе.

«Проникшие» в речь носителей того или иного языка слова либо не принимаются языком и не задерживаются в нем, либо закрепляются в его лексиконе, подвергаясь частичной или полной фонетической, графической, грамматической, семантической ассимиляции. В последнем случае лексическая интерференция оказывается первой стадией заимствования и постепенно перестает быть интерференцией как таковой.

Разновидностью интерференции иностранного языка на лексическом уровне можно считать лексико-семантическую интерференцию, выражающуюся в неправильной идентификации лексического значения слова и, как следствие, в его неправильном использовании в речи. Явление интерференции при этом чаще всего формальную основу: лексическое значение или одно из значений слова, фонетико-графическая форма которого либо совпадает, либо ассоциируется с фонетико-графической формой другого слова, ошибочно отождествляется с известным лексическим значением последнего.

Объекты межъязыковой интерференции на основе фонетико-графического сходства в лингвистике называются «ложными друзьями переводчика». Обратная интерференция на основе фонетико-графического сходства имеет место, когда, например, русскоязычный билингв переводит слово *intelligent* (в предложении *He is an intelligent young man*) как «интеллигентный», упуская из виду тот факт, что в русском языке это слово имеет иное значение, отличное от английского *intelligent* «умный», «сообразительный». В качестве еще одного примера можно привести отрывки из телевизионной рекламы известной иностранной марки шампуня: *Ваши волосы теряют естественный межклеточный цемент; Новый ... с цемент-керамидами поможет восстановить ...* Слово *sement* обладает значениями, отсутствующими у сходного по звучанию русского слова *цемент*. Например, в английском языке *sement*, помимо цемента как такового, означает еще и клей, связующую ткань, вяжущее вещество, скрепляющее вещество, консолидирующую силу и т.п. Игнорирование этого различия, произошедшее, очевидно, ненамеренно, приводит к появлению в тексте рекламы странных для русского уха выражений,

способных вызвать у носителя языка состояние, известное под названием «лингвистический шок».

Интерференция на уровне лексики может проявляться также в нарушениях закономерностей предпочтительного использования языковых единиц, то есть в нарушениях узуальных норм. Примером интерференции узуальных норм английского языка на уровне лексики являются предложения наподобие *Его дочери восемнадцать месяцев*, появляющиеся в русскоязычных текстах в результате дословного перевода английских предложений. Для английского языка подобные высказывания звучат естественно, в то время как носителям русского языка они представляются хотя и вполне правильными, но неестественными. Более уместным было бы сказать *его дочери полтора года*, поскольку узуальная норма русского языка не требует в данном контексте столь точной детализации времени.

В речи билингвов на родном языке часто имеет место пословный перевод, калькирование целостных фразеологических выражений. Суть пословного перевода фразеологических выражений аналогична сути процесса лексико-семантической интерференции на уровне отдельных слов и заключается в неоправданном разделении фразеологизма на элементы и отождествлении этих элементов с семантически сходными единицами другого языка. Как следствие в тексте на родном языке появляются «странные» выражения наподобие *У нее была пчела в чепчике* (ср. англ. *to have a bee in one's bonnet* («иметь навязчивую идею»)), *Ты лаешь не на то дерево* (ср. англ. *to bark up the wrong tree* («идти по ложному следу»; «обратиться не по адресу» и т.п.)). Следует, однако, заметить, что в истории языка известны случаи, когда обратная интерференция в сфере фразеологии оказывалась первым этапом заимствования, когда дословно переведенные, «калькированные» фразеологизмы становились частью языковой системы. Так произошло, например, с фразеологизмами *место под солнцем*, *разбить наголову*, пришедшими из немецкого языка.

Обратная интерференция обнаруживается не только на уровне значений слов, но и в их употреблении в составе предложения и словосочетания, соединении в речи, то есть на уровне грамматики.

Отмечены случаи, когда употребление единицы в английском языке влияет на ее использование в русской речи. Так, например, в переводе одной американской видеопрограммы по аэробике встречаются такие выражения как **Поднимите руки до уровня Ваших плеч*, **Положите руки на Вашу талию*. По нормам русского языка следует говорить *Поднимите руки до уровня плеч* и *Положите руки на талию*. Очевидно, ошибка в речи переводчика была вызвана межъязыковой интерференцией, основывающейся на расхождениях в правилах употребления притяжательных местоимений в русском и английском языках. В

английском языке притяжательное местоимение употребляется в сочетании с обозначением части тела, в русском языке притяжательные местоимения в подобных контекстах не используются.

Отметим также некоторые случаи влияния иностранного языка на синтаксическое оформление речи на родном языке. Так, в частности, под воздействием английского языка в русской речи (обычно в переводах, выполненных начинающими) в безличном предложении появляется формальное подлежащее: **Это поздняя ночь*, **Это раннее утро* (ср. англ. *It is late night, It is early morning*), в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным появляется неправильный союз (и не происходит изменение порядка слов: *Он спросил меня, если его жена была там* вместо *Он спросил, была ли там его жена* (ср. англ. *He asked if his wife was there*). В рассмотренных случаях имеет место пословный перевод, так же как и в следующих примерах: *Это он, кто скрывает от нас правду* (ср. англ. *It is he who conceals the truth*), *он рад был быть награжденным этой медалью* (ср. *He was glad to be awarded...*). Применительно к последним примерам вряд ли стоит говорить о нарушениях языковых грамматических норм, скорее здесь имеет место нарушения узуальной нормы: приведенные высказывания вполне правильны, но носители русского языка обычно так не говорят.

Итак, проявления интерференции английского языка в речи русскоязычных билингвов, которые могут быть интерпретированы как нарушения языковой или узуальной нормы, обнаруживаются на всех языковых уровнях. Как видно, явление «обратной» интерференции достаточно распространено и может стать предметом отдельного изучения. Причины и последствия этого типа интерференции, способы ее предотвращения заслуживают подробного исследования.

Библиографический список

1. Карлинский А.Е. О двух типах проявления взаимодействия языков / А.Е.Карлинский // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: Межвуз. тематический сборник. – Калинин, КГУ, 1978.

Сведения об авторе

Кузьмина Светлана Евгеньевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
e-mail: evkuzmin@sinn.ru

МИФОЛОГЕМА «ДОМ» КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МАРКЕР СКАЗОЧНОГО МИРА

Т.В. Матвейчева

Ставропольский государственный университет, Ставрополь

Работа посвящена мифопоэтическому концепту пространственности и первичной пространственности сказочного мира. В данном случае мифологема «дом» представляет собой пространственный маркер сказочного мира.

Ключевые слова: мифологема, архетип, сказочный мир.

Mythologeme “House” as the Extensional Marker of the Fairy Tale Tatiana Matveicheva

The paper is focused upon the mythopoetic conception about the extension and archetypal extension of the fairy tale. In this case the mythologeme “house” is represented as the extensional marker of the fairy tale.

Key words: extension, mythologeme, archetype, fairy tale.

Пространство характеризует протяженность мира, его связность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) и т.д. Как важнейшая форма мира и жизни в нем человека пространство многолико репрезентировано в языке, сознании, культуре, мифологии языковой личности. По мнению Г.Гачева, «русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность (вширь, вдаль)» [1. С.174]. Оно коррелирует с понятием «страна», «сторонка» и «странник», в отличие от немецкой лексемы Raum (пространство), связанной со значением «пусто», «чисто»; ср.: *räumen* - убирать (комнату), очищать (улицу от снега), уносить (мусор), отодвигать, отстранять; освобождать.

В мифологиях разных народов структура мирового пространства воспринималась состоящей, как правило, из трех частей. В архаических мифах и ритуалах обыгрываются и горизонтальная, и вертикальная структуры космоса. В последнем случае мировое пространство делится на верхний мир (небо), средний мир (земля) и нижний мир (подземное царство, преисподняя). Обычно с каждой из трех зон мирового

пространства соотносятся соответствующие мифологические персонажи и животные. С верхом связаны птицы, с серединной частью – копытные животные, с низом – хтонические (подземные) животные и мифологические чудовища. Представления о такой структуре мира сохранились в мифопоэтических текстах [2. С.43].

В текстах русских народных сказок сохранились особенности этнической культуры русского народа. В текстовом пространстве русских народных сказок отразилась архаическая (традиционная, мифологическая) картина мира русского этноса, которая содержательно противопоставляется современной картине мира. Архаическая картина мира создана сознанием славян-язычников. Ментальный образ мира древних славян представляет собой одну из важнейших составляющих их духовной культуры.

Важнейшая черта волшебной сказки – фантастика, которая связана с мифологическими представлениями первобытного фольклора и вместе с тем выражает их преодоление. Мифологическое мировоззрение персонифицирует силы природы и видит активные силы вне человека, приписывая их духам. Считалось, что успех человека зависит не от его качеств и не от судьбы, а от точности исполнения магических предписаний. Поэтому в первобытном фольклоре еще нет поэтического изображения. Мифологические рассказы выражают пафос борьбы человека с природой и признание его зависимости от нее: личность героя и взаимоотношения людей остаются в тени, социальные отношения передаются как элемент мифологизированной природы.

Между планом выражения текста (линейное вербальное пространство) и планом его содержания (ментальное семантическое) пространство нет однозначного соответствия, нет гармонии, а, наоборот, имеет место противоречие, конфликт пространств: внешнего и внутреннего. Волшебная сказка основана на вымысле, реализуемом в языке посредством системы архетипов, символов, персонажей и семантических полей и пространств. Как отмечает Л.В.Эпоева, «архетипическое пространство волшебной сказки по своим содержательно-смысловым параметрам многоуровнево, оно представлено матрицами культур разных народов» [3. С.5].

Изучение архетипов и стеретипов национального характера перспективно и актуально в процессе анализа сказок разных народов. Архетипы культуры – это базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Концепция архетипов – поиск в этническом и типологическом многообразии мифологических сюжетов и мотивов инвариантного архетипического ядра, метафорически выраженного этими сюжетами и мотивами (мифологемами). Сюжеты архаической волшебной-героической сказки, с одной стороны, обнаруживают отчетливую связь с мифами, а с другой – предвосхищают

основные сюжетные типы европейской и азиатской волшебных сказок. Целостное восприятие концептуальных смыслов сказки методологически осуществимо лишь в рамках особого творческого художественного мировидения, предполагающего осмысление первообразов всей человеческой культуры, архетипических образов «дом», «родина», «земля», «свобода» и др. Таким образом, по мнению Л.В.Эпоевой, архетип – это смыкающий компонент в системе «человек – окружающий мир», поэтому человек способен воспроизводить его в своем творчестве, например, в волшебной сказке [3. С.9]. Так, смысл сказки следует рассматривать в отношении к реальной действительности и к конкретным языковым средствам, образующим текст сказки.

Как отмечает И.Я.Чернухина, «воспроизведение (изображение) пространства и указание на него включается в произведение как кусочки мозаики. Ассоциируясь, они образуют общую панораму пространства, изображение которого может перерасти в образ пространства» [4. С.44]. Так, в архаической модели мира пространство не противопоставлено времени, время сгущается и становится формой пространства, которое «втягивается» в движение времени. В.Н.Топоров считает, что «мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вещно, кроме пространства, существует еще непространство, воплощением которого является Хаос...» [5. С.234? 239].

Мифопоэтические представления о пространстве, столь существенные, для писателей, воплотились в ряде мифологем, которые последовательно используются в литературе в ряде устойчивых образов. Это образ пути, дороги, а также такие не менее значимые пространственные точки (топографические объекты), как порог, дверь, лестница (релевантные мифологеме «дом»), мост и др. Н.А.Николина полагает, что «эти образы, связанные с членением как времени, так и пространства, метафорически представляют жизнь человека, его определенные кризисные моменты, его искания на грани «своего» и «чужого» миров, воплощают движение, указывают на его предел и символизируют возможность выбора» [6. С.148].

Очевидно, что мифологическое пространство мыслилось многослойным и сакрально неоднородным. В мифологической модели мира границы вселенной расходятся от человека концентрически и все большими и большими кругами. Самый ближний круг, микрокосм, - это сам человек. Его граница – тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как нарушение этических и прочих норм. Следующий круг – это дом человека, его ближайшее окружение. Дом как разновидность пространства часто ассоциируется со «своим» пространством, отгороженным от внешнего мира. Он как связующее звено в общей картине мира: с одной стороны, дом принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром. Таким образом, здесь

реализуется триада: дом – человек – мир. Виды дома – это церковь, дворец, башня, крепость, изба, хижина, хата, строение и др.

Элементы дома также имеют немаловажное значение. Верхняя граница – *крыша*, защита сверху. *Дверь* – важнейший элемент в модели дома (мира), это средство связи с миром. *Окно* – граница дома, другая граница – *порог*, в мифологической модели мира это место жительства духов, домового. В древности под порогом погребали детей, некоторых предков, души которых якобы охраняли жилище. До сих пор о пороге существует много суеверий [7. С.344-345]. Пространственный порог окружает, по замечанию Э.Кассирера, «религиозное прачувство». Так, «таинственные обычаи, в которых обнаруживалось почитание порога и страх перед его святостью, выражались почти всюду одинаковым или сходным образом» (Цит. по [8. С.147]). По мнению М.М.Бахтина, хронотоп «порог» проникнут высокой эмоционально-ценностной интенсивностью. Это хронотоп кризиса и жизненного перелома. Ученый подчеркивает, что в литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме [9. С.397].

Можно констатировать, что концепт-артефакт *дом* является ядром языкового сознания, т.к. входит в языковое сознание русских и стоит на втором месте (у испанцев на 10-м, а у англичан на – 22-м) [10. С.234]. Дом – это внутреннее, обжитое человеком пространство мира, окруженное хаосом. В русском языковом сознании сосуществуют несколько значений и смыслов слова *дом*: приоритетным является представление о *родном доме* (*кров, очаг, изба, хата*). Это центростремительный перекресток всех жизненных путей человека, сходящих у родного очага. Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая «связь времен». Дом – это еще и убежище, последняя опора в жизни [10. С.235].

Концепт дома тщательно разработан Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым: дом выполняет функцию защиты, но и одновременно ограничения [11]. По мнению Т.В.Цивьян, дом – не столько описание жилища, сколько центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход во вне и контакты с внешним миром [12. С.10].

Пространство в волшебных сказках представляет важную составляющую сюжета. В прагматике пространства важную роль играют понятия «здесь» и «там»: они моделируют положение говорящего и слушающего по отношению друг к другу. Бинарность – одна из существенных особенностей структуры сказки, использование дуализма и опора на оппозиции в высшей степени свойственны человеческой культуре, мышлению и языку. Так, известный фольклорист В.Я.Пропп, исследуя волшебные сказки, обнаружил, что их постоянными элементами являются функции действующих лиц, общим количеством 31. С точки

зрения структурного подхода исключительное значение имеет открытие ученым парности (бинарности) большинства функций (недостача – ликвидация недостачи, запрещение – нарушение запрета, борьба – победа и т.д.). Отношения героя и вредителя-антагониста строятся обычно на оппозиции свой – чужой, проецированной на различные плоскости: дом – лес (ребенок – баба-яга), наше царство – иное царство (молодец – змей), родная семья – неродная семья (падчерица – мачеха) [13. С.235]. Эти примеры чисто семантического анализа, который основан на вычленении оппозиций, лежащих в основе сказочных представлений и соответствующей им модели мира.

Как известно, все люди, имеющие контакт с иными мирами, располагаются и в мифологии, и в фольклоре, и в литературе на границе своего пространства: на окраине села, города, на опушке леса, на берегу моря и т.д. В ряду общей пейзажной символики важное место в мифах, легендах и сказках отводится лесу. По мнению Л.В.Эпоевой, «сложная символика леса связана с местом, где листва закрывает солнечный свет, таким образом, лес противопоставляется власти солнца и считается символом земли» [3. С.18]. Зачастую в сказках мифологемы «дом» и «лес» противопоставляются друг другу. Так, например, в сказке братьев Гримм «Hänsel und Gretel» ярко и многообразно проявляется дихотомия «дом - лес», что характеризуется частотностью употребления лексем *Wald* и *Haus*: лексема *Wald* встречается в тексте сказки 15 раз, а лексема *Haus* – 9.

Итак, волшебная сказка, как основанный на вымысле вид словесного творчества, реализуется в языке посредством системы архетипов, символов, персонажей, семантических полей и пространств. Символика сказки имеет высокое сигнализирующее значение и обладает большой силой воздействия.

Библиографический список

1. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Гачев. – М., 1995.
2. Русская мифология. Энциклопедия. – М.; СПб., 2006.
3. Эпоева Л.В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки (на материале английского и русского языков): Автореф. ... дисс. канд. филол. наук / Л.В.Эпоева. – Краснодар, 2007.
4. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И.Я.Чернухина. – Воронеж, 1984.
5. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н.Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983.
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учебное пособие / Н.А.Николина. – М., 2003.

7. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете / Дж.Фрэзер. – М., 1980.
8. Хюбнер К. Истина мифа: Пер. с нем. / К.Хюбнер. – М., 1996.
9. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.Бахтин. – М, 1975.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А.Маслова. – Мн., 2005.
11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: Концепция логоэпистемы / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М., 2000.
12. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В.Цивьян. – М., 1990.
13. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки: Собрание трудов В.Я.Проппа / В.Я.Пропп. – М., 1998.

Сведения об авторе

Матвейчева Татьяна Витальевна
ассистент кафедры теории и практики перевода
Ставропольского государственного университета
e-mail: tanyamatveichev@mail.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК СРЕДСТВО ТРАНСПЛАНТАЦИИ ЖАНРА

Т.Е. Никольская

Литературный институт им. А.М.Горького, Москва

В статье рассматривается употребление имен собственных в работах А.Д.Кантемира как средство адаптации формальной поэтической сатиры в русской литературе. Внимание уделяется группе имен собственных, которым придается особое значение как средства русификации этого жанра и проводится анализ особых приемов использования имен собственных в тексте.

Ключевые слова: антропоним, жанр, имя собственное, Кантемир, русская поэзия, сатира, топоним, функция.

A Proper Name as a Means of Genre Transplantation Tatiana Nikolskaya

This article reviews the usage of proper names in A.D. Kantemir's works as a means of adaptation of formal poetic satire in Russian literature. It identifies a group of names with special significance to the russification of this genre and analyzes specific techniques of their use in texts.

Key words: anthroponym, genre, proper name, Kantemir, Russian poetry, satire, toponym, function.

Отцом русской формальной сатиры считается А.Д.Кантемир. Сам он в качестве своих литературных учителей называл Горация и Буало: *Что дал Гораций, занял у француза. / О, коль собою бедна моя муза! / Да верна; ума хоть пределы узки, / Что взял по-галльски — заплатил по-русски (Автор о себе (Эпиграмма 1))* [1]. Кроме того, очевидно влияние на Кантемира таких древнеримских поэтов, как Луцилий и Ювенал. Творчески переосмыслив произведения своих предшественников, Кантемир перенес в русскую лингво-социальную среду традиционную для стихотворной сатиры композицию, темы и стилистико-риторические приемы (в цитируемой выше эпиграмме А.Д.Кантемир остроумно указывает на это обстоятельство в своей литературной биографии).

Однако сатиры Кантемира не перевод, а оригинальные произведения, написанные на русском языке и для русских. Кантемир стремился сделать сатиру фактом русской литературы, для чего были необходимы особые приемы, способствовавшие, как при хирургической операции, приживлению трансплантируемого органа. К числу таких приемов, в первую очередь, стоит отнести приближенный к устной разговорной речи стиль сатир Кантемира, описание русского быта, а также использование русских топонимов и имен как реальных лиц (различного исторического масштаба – от императора до портного), так и вымышленных персонажей. О том, насколько эффективен прием использования антропонимов, традиционных для русского именника, можно судить, сравнив две редакции одной и той же сатиры А.Д.Кантемира. В поздней редакции сатиры третьей Кантемир заменил отдельные имена, не встречающиеся среди русских, на антропонимы, прочно закрепившиеся в русском именнике.

Ср. : редакция 1731 г:

*И Лентул с товарищи, сказывают, дышит
Гневом и, стряпчих собрав, челобитну пишет,
Хочет-де скоро меня уж на суд позвати,
Что, хуля Клитесов нрав, тшуся умаляти
Пьяниц добрых и с ними кружальны доходы.
А Брутус, тверды всегда любящий доводы,
Библию, говорит, всю острожской печати
С доски до доски прошед, готов показати,
Что противно закону и безбожных дело
Мантию полосатой ризою звать смело.*

(Сатира третья.
«О опасности сатирических сочинений.
К музе своей» [1. С.388])

Редакция 1743 г.:

*Вон Кондрат с товарищи, сказывают,
дышит
Гневом и, стряпчих собрав, челобитну пишет,
Имея скоро меня уж на суд позвати,
Что, хуля Клитесов нрав, тшуся умаляти
Пьяниц добрых и с ними кружальны доходы.
Никон, тверды одни любящий доводы,
Библию, говорят, всю острожской печати
С доски до доски прошел и, не три тратити
Наполнив, мудрые в них доводы готовит,
Что нечистый в тебе дух бороду злословит,
Что законоломное и неверных дело -
Полосатой мантию ризою звать смело. -*

([1. С.109])

Не вызывает сомнений более органичный для русской лингвокультурной среды характер поздней редакции сатиры, что, безусловно, связано с заменой имен.я

Русские календарные имена встречаются в сатирах Кантемира, хотя и в значительно меньшем количестве, наряду с именами, заимствованными из античной и западноевропейской литературы. В ряде случаев трудно определить, заимствовал ли Кантемир имя из произведений своих собратьев по перу или же взял его непосредственно из живой стихии русской речи. Это относится к тем антропонимам, которые в своей официальной форме полностью или частично совпадают в звучании с иноязычными именами, например: *Трифон* (сатира первая) и греческое *Τρυφῶν*, *Лука* (сатира первая) и греческое *Lukas* (латинское *Lucas*), *Фока* (сатира третья) и греческое *Phōkē*.¹³ С другой стороны, имя могло и не иметь литературного источника, но, будучи иноязычным по происхождению (как подавляющее большинство русских христианских имен), не играло роли того самого приема, который бы способствовал успешной «трансплантации» жанра на «русскую почву» [2. С.27]. Официальные антропонимы могли служить средством, способствующим русификацииформальной сатиры в том случае, если они были хорошо освоены языком и достаточно частотны, как, например *Игнатий*, *Иван* (сатира пятая), *Трофим*, *Тит* (сатира третья). Когда же официальное имя, пусть даже и входящее в канонический список крестильных имен, не имело широкого распространения, то оно воспринималось читателем как условное поэтическое именование, особенно если при этом оно имело свою традицию литературного употребления. К таким именам относятся, в частности, *Лонгин* и *Зоил* (сатира третья).

В отличие от официальных именовании, гипокористики (*Настя*, сатира третья) или пейоративные имена (*Сенька*, сатира пятая; *Савка*, сатира седьмая) равно как и разговорная форма полного имени (*Варлам*, *Прокоп*, сатира третья), бесспорно являясь элементами русской антропонимической системы, выполняют роль локального «якоря» текста сатиры, хотя и занимают в антропонимическом пространстве произведений А.Д.Кантемира периферийное положение.

Наряду с традиционными русскими именами, присвоенными А.Д.Кантемиром вымышленным персонажам, в его сатирах неоднократно упоминаются имена российских великих князей, императоров и императриц, что придает произведению национальную специфику: *княгини Ольги* (в сатире второй), *Петра I* (в сатире второй и седьмой),

13 Конечно, выяснить источник появления имени в тексте автора возможно, но для этого необходимо ознакомиться со всем корпусом сатирических произведений, которые могли бы быть прочитаны А.Д.Кантемиром, что, хотя и представляется весьма интересным, напрямую не соотносится с задачами, стоящими перед автором настоящей статьи.

императрицы *Анны Иоановны* (в сатире восьмой). Даже в том случае, когда непосредственно в тексте имя не названо, Кантемир раскрывает значение перифразы в примечаниях, называя личное имя монарха. К такому приему Кантемир прибегает в сатире второй: «*Правда, в нашем молодом монархе надежда / Входит музам немала; со стыдом невежда / Бежит его*» [1. С.57], - пишет он в стихотворной части своего произведения, а в примечаниях, которые являются неотъемлемой частью Кантемировых сатир, поясняет: «*О Петре Втором говорит, который вступал тогда в пятое на десять лето своего возраста, рожден быв 12 октября 1715 года*» [1. С.62].

Имена княгини *Ольги* и князя *Владимира*, *Петра Первого* и *Петра Второго*, *Анны* полифункциональны. Помимо того, что они называют конкретных исторических лиц, выполняя номинативную функцию, они локализируют сатиру в пространственно-временном континууме, указывая, где и когда разворачивается ее действие, а также их употребление играет идеологическую роль: имя монарха является знаком идеала, справедливости и непогрешимости. Так, указы Петра – «мудры», благодаря им «... мы вдруг народ уже новый» (сатира вторая [1. С.75]), Анна – воплощенная добродетель:

*Над всем, добродетели кто изменил истой,
Пусть не приближается престола, нечистой,
На коем лучший ея друг нас управляет.
Нераздельна от нея, Анна в лицо знает
Верных добродетели слуг и тем обильны
Дары сыплет; лучи снести глаз ея не сильны
Злонравные, коих вся надежда в обмане,
Как из рук ея перун — скифы, агаряне.*

(Сатира восьмая. «На бесстыдную нахальчивость» [1. С.176]).

Монарх противопоставлен носителям пороков, высмеивающимся в сатире и являет собой надежду на их искоренение.

Имена княгини *Ольги* и князя *Владимира* играют несколько иную роль. Так же, как и имена императоров, их имена связаны с русской историей и способствуют включению сатиры Кантемира в широкий национально-исторический контекст, но идеологической функции они не выполняют. Можно предположить, что, включая в сатиры имена императоров, Кантемир пытался соблюсти необходимые правила политической игры, чем и вызвана эксплицитная положительная оценка моральных и интеллектуальных качеств правителей – его современников, в то время как перед *Ольгой* и *Владимиром* никаких обязательств у Кантемира не было. Имя *Ольги* у Кантемира символизирует начало государственности на Руси, глубокую древность. Например, Евгений из сатиры второй, указывая на древность своего рода говорит: «*Знатны уж предки мои были в царство Ольги / И с тех времен по сих пор в углу не сидели — / Государства лучшими чинами владели*» [1. С.69]. Отвечая

Евгению, Филарет тоже обращается к имени княгини, связывая время ее княжения с крещением Руси:

*Правда, в царство Ольгино предков их не знали,
Думным и наместником деда не бывали,
И дворянства старостью считаться с тобою
Им нельзя; да что с того? Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали.*

*(Сатира вторая. «На зависть и гордость дворян злонаправных.
Филарет и Евгений» [1. С.77]).*

Эти моменты - раннюю государственность, христианизацию Руси – Кантемир считает необходимым подчеркнуть и в примечаниях: «...жена Игоря, сына Рюрика, первого русского самодержца, так христианской веры в России насадительница, как и распространительница сил и славы сего империя...» [1. С.78]. С глубокой древностью ассоциируется имя Владимира; в сатире шестой «О истинном блаженстве» герой сетует, что, добиваясь высокого чина и богатства, нужно пройти ряд унижений, выслушивать от людей, обладающих властью, всевозможные небылицы и «...признавать, что родом / Моложе Владимира одним только годом, / Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой...» [1. С.148].

Помимо исторических деятелей, в сатирах Кантемира упоминаются и другие реальные люди, имена которых, может быть, даже с большей точностью, чем имена монархов, выполняют локально-темпоральную функцию, хотя (точнее – потому что) их носители не имели такой же известности: генерал-майор *Нейбуш*, портной *Рекс*, сапожник *Егор*. Современному читателю необходимы пояснения, когда он читает такие строки: *Пред Егором двух денег Вергилий не стоит; / Рексу – не Цицерону похвала достоин* (Сатира первая [1. С.60]), но, видимо, и портной Рекс и сапожник Егор были хорошо известны современникам Кантемира. По этой причине выше мы сочли необходимым параллельно с вполне уместным в данном контексте уступительным союзом привести союз, выражающий причинно-следственные отношения. Ведь имя всем известного человека может быть употреблено для формирования объемного, построенного на аллюзиях контекста, может появиться в описаниях прошлого, в то время как имена людей, известных «здесь и сейчас» точно локализируют текст в пространстве и времени. Имена реальных лиц не обозначают ничего, кроме самих своих носителей, актуализируя при этом какую-либо одну, наиболее значимую в данном контексте черту. Например, к Нейбушу автор предлагает обратиться за подтверждением тезиса «Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским, Буде в нравах с гнусным ты не различишь псарским» (сатира вторая, [1. С.70]), проводя аналогию между воспитанием и пивоварением:

*Спросись хоть у Нейбуша, таковы ли дрожжи
Любы, как пиво, ему, —отречется трожжи;
Знает он, что с пива те славные остатки,
Да плюет на то, когда не как пиво сладки.*

(Сатира вторая [1. С.70])

В сатире Нейбуш – любитель пива. В примечаниях А.Д.Кантемир дает ему более широкую характеристику: «... приятель нашего стихотворца, был знатный пиволубец, впрочем честный весьма человек и храбрый воин, к которому он имел крайнее почтение» [1. С.80]. Приятель стихотворца – значит, его современник.

В двух сатирах Кантемир обращается к реальным людям – к Феофану Прокоповичу (сатира третья «О различии страстей человеческих. К архиепископу новгородскому») и к князю Никите Юрьевичу Трубецкому (сатира седьмая, «О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому»). В этих сатирах имена реальных лиц выполняют не только основополагающую композиционную роль, так как сатиры строятся в виде монолога, обращенного к названным лицам, но и жанрообразующую, так как прием, использованный Кантемиром, был характерен и для классической сатиры античности (см., например, сатиры Горация: первую («Что за причина тому, Меценат, что какую бы долю...»), шестую («Нет, Меценат, хоть никто из лидийцев не равен с тобою...»)) [3]).

Использование имен реальных лиц-современников автора включало сатиры в злободневный контекст, делало их более реалистичными (Если читатель заказывает сапоги у Егора, то, возможно, он встречался и с Медором?).

Топонимы, наряду с именами людей, служат средством, способствующим приданию сатирам Кантемира русского национального колорита. Они локализуют сюжет в определенном месте – в Москве, а также очерчивают границы условного географического пространства: мир Кантемира простирается от Китая и Индии до Перу:

*Пройди ж землю из края до другого края,
Зачни с Москвы до Перу, с Риму до Китая —
Не найдешь зверя столько, как человека, злобна,
С всех животных в глупости не сыщешь подобна*

(Ранняя редакция сатиры пятой «На человека» [1. С.395]).

Название Китая в текстах сатир становится знаком удаленности. Например, Хриссип «...недавно с **Китая**, / С край света прибыв, тотчас в другой уж край света / Сбирается...» (сатира третья «О различии страстей человеческих. К епископу Новгородскому» [1. С.89]. Китай, как недвусмысленно говорит Кантемир, - это «край света». Центр мира находится в Москве (Москва для Кантемира – «здесь», все остальное – «чужестранство»). Топоним *Москва* используется Кантемиром как гипербола:

*Хрисипп, хоть грязь по уши, хоть небо
блистает
Огнями и реки льет, Москву обегает
Днем трожды из краю в край*

*(Сатира третья. О различии страстей человеческих.
К архиепископу новгородскому, [1. С.89]);*

*И хоть Москву всю сходить - другого под
пару
Не сыщешь, кто б в четверти искусней
осьмушку,
У аришина умерял вершок, в ведре – кружку.*

([1. С. 90]).

Названия стран Китая, Индии, Перу, Италии, Франции служат контрастным фоном при описании ничтожных интересов дворян, пользующихся вещами и экзотическими продуктами, произведенными в этих странах:

*Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая...*

(сатира вторая «На зависть и гордость дворян злонравных» [1. С.69])

или:

*Искусство само твой дом создало пространный,
Где все, что Италия, Франция и странный
Китайск ум произвели, зрящих удивляет;
Всяк твой член в золоте и камнях блистает,
Которы шлет Индия и Перу обильны...*

(сатира шестая «О истинном блаженстве» [1. С.150]).

При этом Кантемир очерчивает торговые связи России и зарубежья, то есть данные топонимы маркируют не только географическое пространство, но и торгово-экономические интересы тогдашней России.

«Если послушать поэта, - пишет Ю.К.Щеглов, - то беспечное времяпровождение светских вертопрахов всасывает глобальные ресурсы, приводит в движение грандиозные колеса хозяйства и торговли. Весь мир обслуживает прихоти щеголя или гурмана; пока тот спит в мягкой постели, работники в отдаленных друг от друга странах света гнут спину, чтобы создать один предмет роскоши или наполнить дорогами диковинами крошечное пространство одной столовой, будуара, спальни» [2. С.142-143].

Ю.К.Щеглов указывает на типичность для сатир приема перечисления богатств с указанием стран, в которых эти богатства были произведены. Следовательно, можно считать, что топонимический ряд как таковой является не только маркером пространства, но и частью жанрообразующего риторического приема.

Обобщая все вышесказанное, можно сказать, что в первых русских формальных сатирах имена собственные выполняли множество функций, большинство из которых были весьма традиционны для произведений этого жанра. Однако некоторые имена (освоенные русским именем, гипокористики и пейоративные, имена реальных лиц, топонимы) осознанно использовались А.Д.Кантемиром как средство русификации сатиры.

Поэты, пришедшие на смену Кантемиру, гораздо полнее, чем он, использовали стилистический и семантический потенциал имени собственного, но все же анализ функционирования онимов в текстах поэта, благодаря которому, по словам В.Г.Белинского, сатирическое направление «сделалось живою струею всей русской литературы» [4. С.773], чрезвычайно важен, так как позволяет увидеть один из тех путей, по которым шло освоение жанра стихотворной сатиры в русской литературе.

Библиографический список

1. Кантемир А. Собрание стихотворений / А.Кантемир. – Л.: Советский писатель, 1956.
2. Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира / Ю.К.Щеглов. – Спб.: Гиперион, 2004.
3. Гораций. Оды / Гораций. – М.: Эксмо, 2006.
4. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т.2 / В.Г.Белинский. – М.: Гослитиздат, 1948.

Сведения об авторе

Никольская Татьяна Евгеньевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и стилистики Литературного
института им. А.М.Горького
e-mail: t.nikolskaya@yahoo.com

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 4

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 15,5

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а